АКАДЕМИЯ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.А. ЯНЧУК

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

МИНСК 2007

ББК 74.20
Э41
УДК 37.012

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор
В.М. Козубовский
доктор психологических наук, профессор
И.А. Фурманов

Янчук В.А. Методология и методы психологического исследования в психологии и социальных науках. – Мн.: АПО, 2007. – 420 с.

В учебном пособии рассматривается проблема методологических оснований исследований в социальных науках с акцентом на психологию. Показывается роль методологии, специфика, стандарты и методы теоретического доказательства. Дается обзор используемых в психологическом исследовании количественных и качественных методов, сопровождаемый предложением перспективных решений. Обсуждается проблема личностного фактора в исследовании.

Предназначена для студентов факультетов социальных наук и психологических специализаций, аспирантов, научных исследователей, профессорско-преподавательского состава, заинтересованных в получении современных психологических представлений, накопленных в мировой психологической науке и практике, а также широкого круга читателей, стремящихся познакомиться с актуальными проблемами методологии.

ISBN 985-6038-34-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию заинтересованного читателя учебном пособии представлена авторская попытка анализа чрезвычайно сложной и, вместе с тем актуальной проблемной области – методологических оснований современных исследований в социальных науках с акцентом на психологию. Избрание последней в качестве приоритетной объясняется, во-первых, научными предпочтениями автора, а, во-вторых, тем, что психологическое знание, занимающееся рассмотрением феномена человека во всем многообразии его бытия, является наиболее многообразным по подходам и часто предоставляет инновационные модели, подходы и технологические решения другим социальным наукам, одновременно, обогащаясь от них. Включение в круг рассмотрения социальных наук обусловлено тем, что знание о феномене человека является междисциплинарным по сути, интегрируя достижения друг друга и верифицируя свои открытия опять-таки на самом человеке, вплетенном в его бытие-в-мире. Это обстоятельство находится в полном соответствии с развиваемым автором постмодернистским социокультурно-интердетерминистском диалогическом подходе к анализу феноменологии человеческого бытия-в-мире в его рационально-иррационально-экзистенциальном измерениях, определяющих, по нашему мнению, предмет психологии [Янчук, 2006], разъяснение особенностей и возможностей которого представлено в предлагаемой книге. Основная идея подхода заключается в обосновании полезности многоголосия и многообразия подходов к обсуждению и пониманию сути социальной феноменологии и диалога как ресурса и средства взаимопонимания и взаиморазвития.

Наряду с рассмотрением фундаментальных методологических вопросов особое внимание уделяется проблематике теоретического знания в целом и теоретического доказательства в частности. Наши знания о мире представлены в форме теории различного уровня сложности, в свою очередь представляющих авторские прочтения и описания изучаемой реальности изложенные в форме текстов. Так как текстовые описания являются предметом многих социальных наук (лингвистики, семиотики, антропологии, социологии, этнографии и т.п.) особое внимание уделяется интеграции их возможностей для адекватного понимания как их самих, так и человека, единственной возможностью постижения внутренней реальности которого является истинное понимание предоставляемых им текстовых описаний собственных переживаний бытия-в-мире.

Любая теория полагается на определенную систему доказательства, включающую основоположения, принципы и способы выведения нового

знания и обоснования его адекватности и истинности. Теория не должна быть уделом ее автора. Она должна однозначно пониматься ее читателями, для чего нужно умение доводить до его сознания, во-первых, исчерпывающе авторский замысел, а, во-вторых, облекать его в убедительную для других форму. Идеи надо уметь доносить до других и доказывать их правоту. К сожалению вопросы теоретического доказательства крайне ограниченно представлены в специальной литературе и эту брешь мы попытались заполнить.

Теории представляют не саму реальность, а ее описание, определяемое возможностями используемого языка, являющегося, в свою очередь продуктом и содержанием культуры. Поэтому много внимания уделяется анализу самого феномена культуры и социокультурной интердетерминации процесса познания. обсуждаются вопросы концептуально-критериальных оснований психологической теории и способов теоретизирования, методов исследования, а также роли личности в исследовании и интерпретации его результатов. Обозначенные вопросы рассматриваются в контексте представлений, сложившихся в современной мировой социальной психологии и персонологии на рубеже третьего тысячелетия.

Обращение к столь сложной и многоаспектной теме обусловлено стремлением автора провести своеобразную инвентаризацию огромного теоретического и эмпирического материала, накопленного за годы развития гуманитарного и психологического знания, разобраться в сути дебатов, постоянно разворачивающихся как на страницах печатных изданий, так и в дискуссиях, происходящих на страницах печати и на различного рода и уровня международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, участником которых мне довелось быть.

В широчайшем спектре обсуждаемых сегодня проблем присутствует целый ряд вопросов, без нахождения ответов на которые становится затруднительным дальнейшее развитие социальных наук в целом и психологической науки и практики в частности. Это и обсуждение места гуманитарного знания в системе научного знания вообще. Это и попытки самоопределения по отношению к области реальной жизненной феноменологии с ее неизбежной чувственной субъективностью. Это и обсуждение перспективности той или иной метасистемы парадигмальных координат. Это и дискуссии относительно преимуществ той или иной конкретной системы парадигмальных координат над другими, того или иного концептуально-критериального основания научности теории и способа теоретизирования. Это и обсуждение проблемы метода исследования, воплощающееся в обсуждение соотношения количественных (ориентированных на номотетику) и качественных (ориентированных на идиогра-

фию) методов. Наконец, рассмотрение вопроса роли личности самого исследователя в исследовании и интерпретации его результатов.

Стремление представить по возможности максимально широкую палитру современных воззрений на сформировавшееся проблемное поле и дискуссионных вопросов обусловило необходимость построения соответствующего методологического фундамента, т.к. именно в онтолого-эпистемологических основаниях в конечном итоге и коренится существующее многообразие парадигмальных и метатеоретических координат.

Изложение материала подчинено авторской логике, предполагающей необходимость первоначальной ориентировки в актуальном проблемном поле современных социальных наук с акцентом на психологию контексте обсуждения наиболее дискуссионных вопросов, вокруг которых уже не одно десятилетие продолжаются неиссякаемые дебаты. Рассмотрение того проблемного поля сопровождается обсуждением вопросов соотношения научного факта и феноменальности реального социального бытия личности и ее окружения.

Обсуждение обозначенной проблематики начинается с представления сути методологии и специфики научного познания.

Определение в существующем психологическом многообразии предполагает тщательный анализ онтолого-эпистемологических оснований, наконец, метатеоретических метафор, выступающих в качестве оснований для исследовательских аналогий.

Предлагаются критерии научности теории и способы теоретизирования. Особое внимание уделяется рассмотрению проблемы теории и теоретизирования как такового. Предлагаются оценочные критерии соотнесения психологических теорий в условиях многообразия парадигмальных координат.

Рассматривается проблема парадигмальных координат психологического знания. Дано подробное описание концептуально-критериального поля их оценки, сопровождаемое характеристикой основных психологических метапарадигм, парадигм и традиций, некоторые из которых весьма скупо отражены в русскоязычной психологической литературе. Сравнительный анализ парадигмального поля проводится на основе критериев, позволяющих производить детальный сопоставительный анализ различных парадигм, традиций, направлений, школ и подходов.

Анализируется проблема метода в психологическом исследовании. Этот анализ сопровождается характеристикой наиболее распространенных методов психологического исследования, сопровождаемый описанием их ограничений и возможностей. Многие из методов не известны отечественному читателю. Обсуждается проблема соотношения количественных и качественных методов в психологическом исследовании, воз-

можные пути их комбинирования. Представляется методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции, разработанный автором.

Обсуждается проблема роли личности в психологическом исследовании. На большом фактическом материале демонстрируется искажающее влияние личностного фактора в научном исследовании, предлагаются пути и средства снижения его влияния.

В книге представлено много информации, впервые публикуемой на русском языке, вводятся новые понятия, описываются, современные подходы и решения, анализируются перспективы развития психологического и гуманитарного знания. Основной целью работы является оказание помощи в формировании современной научной ментальности, ориентировании читателя в современном проблемном поле социальной феноменологии, предлагаемых путях их решения. Автор выражает надежду что книга внесет свою лепту в формировании научной культуры отечественных исследователей и будет признателен за пожелания и предложения по совершенствованию содержания книги в будущих изданиях, рассмотрении вопросов, интересующих исследователей и не получивших своего достаточного освещения в данном издании.

Особую признательность высказываю своим друзьям: члену-корреспонденту РАН В.Ф. Петренко, докторам психологических наук, профессорам, В.В. Козлову, В.М. Козубовскому, В.А. Мазилову, В.И. Секуну, И.А. Фурманову, принявшим заинтересованное и творческое участие в обсуждении содержания книги, а также ученикам – А.Н. Акуленко, В.И. и Т.В. Елизаровым, Ю.С. Смирновой, А.С. Солодухе, М.С. Фабрикант, О.В. Шаповаловой, О.В. Шульженко, воплощавших мои идеи в эмпирических исследованиях и обогащавших меня своими инсайтами, оригинальными решениями и энергетикой.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Методология в научном познании

Под методологией понимается система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе (Философский энциклопедический словарь, с. 365). В Современной энциклопедии методология определяется как *учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности; методология науки - учение о принципах построения, формах и способах научного познания*. Первоначально методология была косвенно представлена в практических формах взаимоотношений людей с окружающим миром. В последующем она вычленяется в специальный предмет рационального познания и фиксируется как система социально апробированных правил и нормативов познания и действия, которые соотносятся со свойствами и законами действительности. Задача накопления и передачи социального опыта потребовала специальной формализации содержащихся в самой деятельности принципов и предписаний, приемов и операций. В методологии присутствует осмысление принципов организации и регуляции познавательной деятельности, выделения в ней условий, структуры и содержания знания, а также путей, ведущих к истине.

В западной классической психологии господствует позитивистская методология с ее ориентацией на экспериментальное подтверждение существования связей между исследуемыми явлениями.

Специфика научного знания

Генезис и развитие науки непосредственно связаны с осознанием особой роли истинных мыслей в человеческой жизнедеятельности. Уже древние не сомневались в том, что истина является благом для людей, приносит пользу, служит опорой и ориентиром в их практических делах. Но тогда же было замечено, что истинность некоторого положения может быть кажущейся или случайной, а нагому требует глубокого изучения и обоснования'.

Впоследствии объективно истинное и логически обоснованное знание стали называть *научным*. Прежде всего *объективной истинностью* (т.е. отображением явлений и закономерностей действи-

тельности такими, какими они существуют вне и независимо от личных мнений, пристрастий и желаний познающего субъекта) и логической *обоснованностью* своих средств и результатов (т.е. включенностью в систему ранее добытых знаний и совместимостью с ними на основе логических принципов) отличаются научные знания от знаний, которые вырабатывает и которыми руководствуется человек в своей повседневной жизни. Последние называются обыденными, или житейскими знаниями.

Основу содержания житейских знаний составляет здравый смысл, который формируется стихийно, под воздействием повседневного опыта людей, на основе устоявшихся традиций, общедоступных данных науки, под влиянием искусства и т.д. Здравый смысл имеет дело преимущественно с явленческой стороной окружающей действительности, где познаваемый объект соотносится с образом, данным в представлении, которое слабо отображает глубинные, сущностные отношения предметов. Поэтому здравый смысл, фиксируя множество действительных связей, включает в себя массу некритически усвоенных, поспешных, меточных и даже противоречивых обобщений, которые, как правило, он не склонен замечать.

Поскольку в здравом смысле откладываются результаты разнообразного опыта людей, прошедшие длительное и довольно строгое испытание временем, постольку он играет важную роль в преодолении иррациональных, иллюзорных, утопических представлений, искажающих понимание реальных процессов в окружающем мире. Вместе с тем здравый смысл служит основой ориентации человека в этом мире, началом его поведения и предвидения, а также создает опору для образования и роста научных знаний, хотя, как правило, не поднимается до уровня научного и философского осмысления действительности, нередко вступая в противоречия с ним .

Наряду с объективной истинностью и логической обоснованностью научное знание обладает другими особыми характеристиками — системностью, эссенциальностью, опережением практики, общезначимостью. Специфичен язык науки. Однако все эти свойства, как и многие другие, являются производными от основных — объективной истинности и логической обоснованности.

Возьмем первое из этих свойств — *системность* Очевидно, что свойство системности есть результат процедуры систематизации, непременно сопутствующей совершенствованию научного зна-

ния. На значение систематизации в науке обращали внимание многие исследователи.

Формы систематизации могут быть самыми разнообразными. Важнейшие среди них — доказательство, классификация, аксиоматизация. Но для каждой из таких форм характерна первичная связь "если *x,* то у", означающая наличие основания и обосновываемого. Для классификации — это связь между свойствами предметов различных классов (например, между свойствами видовыми и родовыми), для аксиоматизации — между аксиомами и теоремами и т.д. Осознание одной единственной связи, выраженной с помощью союза «если, то», уже свидетельствует о появлении концептуальной системы, хотя и простой, состоящей всего лишь из двух элементов. Но, как правило, система научного знания представляет собой множество таких связей и отношений, выступающих в органическом единстве Введение некоторого положения в систему научного знания является одним из наиболее важных шагов в его обосновании.

Присущая научному мышлению ориентация на объективную истинность и логическую обоснованность результатов органически сочетается с установкой на их *эссенциальность* (от лат. еззепйа — сущность), т.е. на познание сущности изучаемых объектов. Сопоставление возможных оснований при принятии решений, выбор среди них наиболее предпочтительных, эффективных связано с движением к сущности. Чем лучше обосновано то или иное положение, решение, действие, тем глубже познание ситуаций, в которых человеку приходится действовать. Верно и обратное. Поэтому одной из важных задач научного познания является открытие глубинных, сущностных связей и отношений объективного мира, формулирование законов науки, фиксирующих эти связи и отношения, создание научных теорий.

Знание законов, которым подчиняется жизнь изучаемого объекта, позволяет рассматривать его возможные состояния. Среди них особый интерес представляют будущие состояния, которые отсутствуют в нынешней практике людей. Объективная истинность рассмотрения, стремление к обоснованию знаний, таким образом, влекут за собой *опережающее отражение действительности* и на этой основе прогнозирование практической деятельности. Настоящий ученый всегда обгоняет свое время.

Характерная черта научного знания, в отличие от философских воззрений, религиозных представлений и пр. - его *общезначимость. В* свое время Р.Декарт выступил с предложением отказаться от суждений, принятых когда-либо на веру. Сомнение, по его замыслу, должно расчищать почву для постройки нового здания рациональной культуры. Но научное знание, принимая этот вызов, выдержало "испытание на прочность". Всякий, кто всерьез занимается проверкой некоторого научного положения, не в состоянии его опровергнуть. Сомневающемуся приходится, в конечном счете, признать его истинность в рамках определенной предметной области. Таким образом, "истина побеждает" (veritas vincit, по выражению древних римлян), завоевывая себе максимум пространства. Для нес не существует национальных, сословных, конфессиональных границ.

Задачи, связанные с открытием истинных положений и их обоснованием, породили потребность в специфическом *языке науки.* Разговорный язык не отвечает этим задачам. Его выражения, как и связи между ними, многозначны, нечетки и потому не могут обеспечить строгость обоснования, приводят к противоречиям, влекут за собой неверные выводы при верных исходных данных. К тому же распознание вновь открываемых истин и отделение от утке известных требует новых знаковых средств фиксации и сообщения этих истин. Научный язык создается на базе разговорного. При этом посредством особого рода определений вводятся новые языковые выражения, уточняются уже существующие и, таким образом, вырабатывается научная терминология, т.е. совокупность слов или словосочетаний с точным, единственным значением в рамках данной научной дисциплины. За разговорным языком сохраняется роль универсального средства популяризации научных знаний.

Итак, научное знание возникло на базе жизненно важных представлений, сложившихся в процессе длительных наблюдений и практического опыта многих поколений людей, т.е. на базе того, что обычно называют здравым смыслом. Решающее значение при этом имело пришедшее с открытием многих предметных взаимосвязей осознание факта, что предпосылкой и гарантом успешных действий в окружающем мире является объективная истинность и логическая обоснованность такого рода представлений. Стремление людей сделать свои представления как можно более истинными и обоснованными в конечном счете привело к возникновению науч-

ного знания и науки вообще. Эти черты определяют специфику ее развития по настоящее время.

Научное познание как предмет методологического анализа

Наука как особая отрасль рациональной человеческой деятельности по производству объективно истинного знания об окружающем нас мире возникает как естественное продолжение обыденного, стихийно-эмпирического процесса познания. Кроме научного познания, существуют также вненаучные способы постижения действительности, важнейшим из которых является искусство, а самым знакомым — обыденное познание. Поэтому первая наша задача заключается в том, чтобы выяснить, в чем состоит их сходство и преемственность и в чем заключается качественное отличие научных форм познания от ненаучных.

Общеизвестно, что задолго до возникновения науки люди приобретали необходимые им знания о свойствах и особенностях вещей и явлений, с которыми они сталкивались в своей повседневной практической деятельности. Немало нового для себя мы узнаем с помощью обыденного познания и теперь. Все это показывает, что научное знание не отделено непреодолимой гранью от обыденного, поскольку представляет собой дальнейшее усовершенствование и развитие последнего.

Рассматривая вопрос о соотношении обыденного и научного знания, следует избегать двух крайностей в его решении. Нередко, отмечая качественное отличие научного знания от обыденного, забывают о связи и преемственности между ними. Эта связь заключается прежде всего в том, что они имеют общую цель — дать объективно верное знание о действительности, и поэтому опираются на *принцип реализма,* который в обыденном сознании ассоциируется с так называемым *здравым смыслом.* Хотя понятие здравого смысла не является точно определенным и меняется со временем, тем не менее в его основе лежит представление об объективном реальном существовании окружающего мира, отвергающее наличие каких-либо сверхъестественных сил. Поскольку рассуждения в рамках здравого смысла ставят своей целью достижение объективной истины, постольку они опираются на те же законы традиционной логики, которые обеспечивают последовательный, непротиворечивый характер мышления. Правда, эти законы не всегда ясно сознаются и не всегда

точно формулируются, и иногда именно это обстоятельство служит источником логических ошибок.

Преемственность между обыденным знанием и наукой, здравым смыслом и критическим рациональным мышлением состоит в том, что научное мышление возникает на основе предположений здравого смысла, которые в дальнейшем подвергаются уточнению, исправлению или замене другими положениями. Так, например, обыденные представления о плоской земной поверхности, о движении Солнца вокруг Земли, вошедшие даже в птолемеевскую систему мира, и многие другие были подвергнуты критике и заменены научными положениями. В свою очередь, здравый смысл также не остается неизменным, ибо со временем включает в свой состав прочно утвердившиеся в науке истины.

По-видимому, именно эта связь и преемственность между наукой и обыденным познанием служит иногда основанием для крайних заявлений, когда научное знание рассматривается только как усовершенствованное обыденное знание. Такого мнения придерживался, например, известный английский биолог-эволюционист Томас Гексли. *«Я верю,*— писал он,— *что наука есть ни что иное, как тренированный и организованный здравый смысл. Она отличается от последнего точно так оке, как , ветеран может отличаться от необученного рекрута» (Huxley Tomas.* Educational Value of Natural History Science// Readings in Philosophy of Science. - NY., 1953.-P.130*).* Нетрудно, однако понять, что наука не является простым продолжением и организацией знаний, основанных на здравом смысле. Скорей познание, основанное на здравом смысле, может служить исходным пунктом, началом для возникновения качественно отличного научного познания. В этом отношении заслуживает внимания точка зрения известного британского философа Карла Поппера, который подчеркивал, что *«наука, философия, рациональное мышление — все начинают со здравого смысла»(Popper Karl.* Objective Knowledge. An Evolutionary approach. Oxford Univ. Press, 1975,-P.33*).* Несмотря на то, что предположения здравого смысла часто являются неточными и ненадежными, все же наука начинает именно с них, так как никаким другим материалом она не располагает. Попытки многих философов, в частности Рене Декарта, построить научное знание на таких положениях, которые с самого начала нам представляются совершенно бесспорными и очевидными,

являются, во-первых, явно недостижимыми, во-вторых, ориентируются на субъективные критерии. Ведь то, что одному кажется очевидным, другому представляется неочевидным и спорным.

Наука, хотя и начинает с анализа предположений здравого смысла, не отличающихся особой обоснованностью и надежностью, в процессе своего развития подвергает их рациональной критике, используя для этого специфические эмпирические и теоретические методы исследования, и тем самым достигает прогресса в понимании и объяснении изучаемых явлений. Поэтому можно вполне согласиться с К. Поппером, что *«фундаментальная проблема теории познания состоит в разъяснении и исследовании этого процесса, благодаря которому... наши теории могут расти и прогрессировать»(там же, с. 33).* Такой подход в целом дает верное представление о соотношении между обыденным и научным познанием, хотя слишком подчеркивает «гипотетический характер» последнего (там же).

Поскольку наука вообще и научное исследование в частности представляют собой особую целенаправленную деятельность по производству новых, надежно обоснованных знаний, то они должны располагать своими специфическими методами, средствами и критериями познания. Именно эти особенности отличают науку как от повседневного, так и вненаучных форм познания.

Научное исследование и его специфика

Как отмечено выше, содержание понятия науки не исчерпывается суммой готовых, сформировавшихся к данному моменту знаний. Оно имеет вторую, не менее важную сторону, которая характеризуется деятельностью по получению новых знаний, целенаправленным процессом движения от незнания к знанию, от знания неполного, ограниченного, приблизительного ко все более полному, общему и точному. Отдельный акт этого процесса, направленный на приращение объективно истинного и логически обоснованного знания, называется *научным исследованием.*

Научное исследование есть разновидность труда. Поэтому оно обладает всеми общими для всякого труда структурными характери-

стиками, а именно, предметом, средствами и целесообразной деятельностью.

В качестве *предмета научного исследования* выступает все то, что «вырывается», по выражению К. Маркса, из его непосредственной связи с противостоящим исследователю объектом, преобразуется и развивается в искомый результат, продукт, т.е. в новое знание. Один и тот же объект может быть предметом различных видов исследования. Если, например, объектом является роман Л.И. Толстого «Война и мир», то предметами анализа могут быть художественные достоинства этого произведения, затронутые в нем философские проблемы и многое другое. Если в качестве объекта избирается город Минск, то предметом исследования могут оказаться способы улучшения движения автотранспорта в этом городе, причины роста преступности или степень религиозности городского населения. Основное содержательное отличие предмета от объекта состоит в том, что в предмет включаются лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) признаки объекта

Одной из важных специфических черт предмета научного исследования (по сравнению, например, с предметом производственного или управленческого труда) является то, что в начале исследовательского процесса он задается в весьма общих, неопределенных чертах, прогнозируется и предвосхищается в незначительной степени. Окончательно он «вырисовывается» в конце исследования и предстает в виде его цели. Приступая к исследованию, ученый не может представить предмет в чертежах и расчетах. Что нужно «вырвать» из объекта и синтезировать в продукте — об этом исследователь имеет поверхностное, одностороннее, неисчерпывающее знание. Поэтому формой фиксации предмета научного исследования является вопрос, проблема, а не директива, распоряжение, приказ, как это имеет место в управленческой, производственной и других видах человеческой деятельности.

Неопределенность в характеристиках предмета научного исследования имеет своим следствием трудности в планировании исследовательских работ, выделении ресурсов на их производство. Ученый, как правило, находится в затруднении при представлении подробного плана научного поиска с указанием сроков исполнения, списков необходимого оборудования, материалов и т.д. Он составля-

ется и совершенствуется в процессе научной работы. Здесь план — не жесткое предписание, а лишь возможная модель будущей деятельности

Преобразуясь в продукт исследования, предмет обогащается и развивается за счет неизвестных вначале признаков и условий ею существования. Внешне это выражается в смене вопросов, дополнительно встающих перед исследователем, последовательно разрешаемых им и подчиненных предмету исследования.

Добавим некоторые соображения о *цели исследования* (как его идеально положенному результату). Если предмет исследования предстает м виде некоторого вопроса (точнее, упорядоченного множества, или «дерева» вопросов), то цель исследования есть ответ на конечный из них, т.е. на тог, который венчает вершину «дерева» вопросов. Цель становится очевидной, ясной и отчетливой, когда исследование завершено, и остается только «погрузить» ее в контекст изложения материала. В процессе исследования возможны лишь гипотетические цели, которые уничтожаются движением к достоверному результату. Видимо, предмет можно зада а. множеством таких целей.

Таким образом, подобно вопросу и ответу, предмет и цель исследования взаимосвязаны. В силу этого они имеют множество связных и общих характеристик. Можно утверждать, в частности, о предметности и. следовательно, объектности цели. Цель предметна, поскольку «вырастает» из предмета, несет в себе его сущностные свойства Она выступает идеальным образом того продукта, который должен появиться в будущем и который наполнен исходным содержанием объекта, выделяясь из него лишь своей формой.

Как и предмет, цель образуется на основе мотива, отвечающего той или иной потребности и отражающего направление развития последней Поэтому есть смысл говорить о мотивированности предмета и цели. В научном исследовании роль мотива выполняет некоторая совокупность ценностей, отображающих общественные или личные потребности. Исследователем может двигать, например, мелкая, эгоистическая корысть, но по большому счету в качестве мотива научно-исследовательской деятельности выступает истина как высшая моральная ценность.

Подобно предмету, цель ситуативна, поскольку связана с различными ситуациями варьируемых наличных средств, которые могут быть выбраны для ее достижения.

Средства научного исследования — второй важнейший компонент в его структуре. При наиболее общем подходе к ним можно отнести не только вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет, не только все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться, но и регулятивы идеального плана (образцы, методы, правила научно-исследовательской работы, социокультурные ориентиры, средства понимания, оценки, контроля, санкционирования исследовательских операций и процедур и т.д.) — все то, что так или иначе влияет на организацию и стимулирование исследовательской деятельности, обеспечивает получение заранее намеченного в предмете результата.

Средства научного исследования аккумулируют в себе возможности, позволяющие распознавать и квалифицировать получаемые результаты с точки зрения их объективной истинности (хотя бы и вероятной) и логической обоснованности. Например, выработанные в различных научных дисциплинах общие требования к проведению экспериментов (их воспроизводимость, предсказуемость и проверяемость результатов и др.) обеспечивают беспристрастность, объективность при оценке достоверности фактов; различного рода логические правила позволяют вводить и считать истинными одни положения, если установлена истинность других положений, многие ставить под сомнение или объявлять ложными и т.д.

Важной особенностью средств научно-исследовательской деятельности, особенно на ее развитом, теоретическом уровне, является наличие среди них особого рода конструктов, так называемых идеализированных объектов. В отличие от реальных идеализированные объекты характеризуются не бесконечным, а вполне определенным числом свойств, которые к тому же берутся в «предельном» случае. Таковы, например, точка, прямая, плоскость в геометрии, идеальный газ, абсолютно черное тело в физике и т.д. «Предельное» рассмотрение позволяет исследователю иметь дело с наиболее существенным в изучаемом предмете — законами его жизни. К тому же в силу

отвлечения от случайного он получает возможность действенно контролировать исследовательский процесс.

Как *целесообразная деятельность (труд)* научное исследование представляет собой процесс, при котором предмет исследования преобразуется и развивается с помощью соответствующих средств с целью получения нового знания. Эта деятельность имеет следующие особенности

Во-первых, ее отличает преобладание умственного труда, где решающее значение имеют действия, которые выполняются во внутреннем плане сознания, без опоры на внешние средства.

Во-вторых, она является деятельностью продуктивной (творчеством), поскольку связана с выработкой новых целей и соответствующих им средств или с достижением известных целей с помощью новых средств.

В-третьих, ей присуще свойство всеобщности — в том смысле, что она обеспечивается как кооперацией современников, так и опытом и знаниями предшествующих поколений. Поэтому научное исследование необходимо связано с ретроспективным анализом. Оно экстерриториально по своей сути, чуждо национальным, сословным, классовым ограничениям.

Как особого рода деятельность процесс научного исследования в логическом плане сводится к отысканию исчерпывающего ответа на главный вопрос, фиксирующий предмет исследования. При этом в качестве средств используются: а) знания, составляющие предпосылки вопроса (то, что дано); б) предметная область, из которой черпаются средства формулировки ответов на этот вопрос (она фиксируется с помощью соответствующих вопросительных слов); в) правила образования и преобразования языковых выражений, получаемых в процессе отыскания ответов на вопрос; г) методы, обогащающие предметную область знаниями, преобразуемыми по этим правилам; д) критерии оценки вырабатываемых знаний на их истинность и обоснованность Получение исчерпывающего ответа на главный вопрос означает достижение цели и, тем самым, завершение процесса научного исследования.

В процессе деятельности на основе сочетания мотива, предмета и средств исследования создается научно-исследовательская программа.

Она строится таким образом, чтобы контролировать движение к намеченному результату. Рассогласованность программы с жизнью предмета, функционированием средств или мотивацией деятельности негативно сказывается не только на получении отдельного результата, но даже на судьбах целых научных направлений и дисциплин. Цель, не обеспеченная средствами, ставит исследователя перед проблемной ситуацией или остается благим пожеланием. Пренебрежение законами развития предмета ведет к вырождению науки, в частности, к превращению ее в утопию, как это случилось в нашей стране с экономической теорией, биологией и т.д. в период культа личности. Отсутствие высоких мотивов в исследовательской деятельности чревато безответственными заявлениями, конъюнктурщиной, «ползучим» эмпиризмом В нарушении единства мотивов научно-исследовательской деятельности, ее средств, предмета и целей кроются причины и источники паранаучных представлений.

Методы научного познания

Среди средств научного познания центральное место принадлежит его методам. *Метод* (от греч. metodos - путь исследования или познания, теория, учение) — совокупность правил, приемов и операций практического или теоретического освоения действительности. Он служит прежде всего получению и обоснованию объективно-истинного знания Применяемые в науке методы — мерило ее зрелости и совершенства, показатель сложившихся в ней отношений

Научные методы выполняют двоякую роль Во-первых, следование им — необходимое условие получения достоверного результата. Во-вторых, они выступают как средство социального контроля в рамках научного сообщества В частности, аттестация научного работника связана с его умением и готовностью строить свою деятельность на основе соответствующих методов.

История развития науки, психология творчества свидетельствуют о том, что новое в познании рождалось не столько благодаря улучшению психологических качеств отдельных личностей, сколько путем изобретения и совершенствования надежных методов работы. По справедливому замечанию Леонардом да Винчи, методы предостере-

гают изобретателей и исследователей обещания себе и другим вещей, которые невозможны.

Характер метода определяется предметом исследования, степенью общности поставленных задач, накопленным опытом и другими факторами. Методы, подходящие для одной области научных исследований, оказываются непригодными для достижения целей в других областях. В то же время многие выдающиеся достижения — суть следствия переноса методов, хорошо зарекомендовавших себя в одних науках, в другие науки. Наблюдаются, таким образом, противоположные тенденции дифференциации и интеграции наук на основе применяемых методов.

Учение о методах называется *методологией.* Она стремится упорядочить, систематизировать их, установить пригодность применения в различных областях, ответить на вопрос о том, какого рода условия, средства к действия являются необходимыми и достаточными, чтобы реализовать определенные научные цели и в конечном счете получить новое объективно истинное и обоснованное знание.

В структуре метода центральное место занимают правила. *Правило* есть предписание, устанавливающее порядок действий при достижении некоторой цели. Согласно Гегелю, правило состоит в подведении особенного под общее. Правило является таким положением, в котором отражена закономерность в некоторой предметной области. "Эта закономерность образует *базовое знание* правила. Кроме того, правило включает некоторую систему операциональных норм, обеспечивающих «подведение», т.е. соединение средств и условий с деятельностью человека

В базовом знании интегрируются результаты самых разнообразных наук. Можно выделить философское, общенаучное, конкретно-научное содержание научного метода. Особое место в базовом знании принадлежит его предметно-образному компоненту, закрепленному в различного рода методиках.

Философское содержание составляют положения логики (диалектической и формальной), этики, эстетики, аксиологии. Все они, за исключением, пожалуй, законов формальной логики, не существуют в форме жесткой системы норм, рецептов или технических инструкций и фиксируются в самых общих ориентирах научного познания. Образно говоря, философия — это компас, помогающий определить правильное направление, но не карта, на которой заранее

расчерчен путь до конечной цели Имея такой общий направляющий характер, философские методологические регулятивы, тем не менее, существенно влияют на выбор предмета исследования, селекцию средств, санкционируют одни из них, запрещают или ставят под сомнение другие. Иными словами, на уровне философской методологии формируется мотивация научно-исследовательской деятельности.

Философские регулятивы выражаются с помощью понятий, имеющих предельно общее содержание и нечеткий объем, — философских категорий. Этими качествами — предельной общностью содержания и нечеткостью, расплывчатостью объема — определяется их ориентирующий, но не предписывающий характер.

Совокупность философских регулятивных средств составляет основание методологии. Здесь берут свое начало все другие методологические установки и выявляются исторически конкретные границы каждой теории, осмысливаются переломные ситуации в развитии той или иной фундаментальной дисциплины.

Эффективность философских регулятивов находится в прямой зависимости от того, в какой мере они опираются на познание всеобщих существенных связей в объективном мире. История науки, практика научных исследований свидетельствуют о том, что значительным творческим потенциалом обладает материалистическая диалектика, хотя в литературе, особенно публицистической, ее методологическая роль я последние годы незаслуженно принижается.

Совокупность философских регулятивов выступает действенным средством, если она опосредована другими, более конкретными методами. Нелепыми являются представления, будто зная лишь принципы диалектики, можно, например, создавать новые типы машин или управлять производственной корпорацией. Философские регулятивы транслируются в научные исследования через общенаучные, конкретнонаучные и методические регулятивы. Методологическая ценность философии находится в прямой зависимости от тою, в какой мере она опирается на познание всеобщих существенных связей в объективном мире.

Концепции, положения, которых справедливы по отношению к целому ряду фундаментальных и частных научных дисциплин, составляют *базовое знание общенаучного характера* Таковы положения математики, теоретической кибернетики, семиотики, теории систем и других наук, оперирующих понятиями информации, сложности, сис-

темы, структуры, организации, модели, управления, элемента, знака, алгоритма, вероятности, разнообразия, гомоморфизма и т.д. Методы этих наук глубоко проникли в самые различные отрасли современного познания.

Знания о совокупности принципов и методов, применяемые в той или иной специальной научной дисциплине, составляют ядро *конкретнонаучной методологии.* Специфический набор методологических средств имеют, например, исследования в биологии, физике, химии и т.д. В то же время результаты этих наук могут транслироваться в методы более конкретных наук. Например, для техникознания огромное регулирующее значение имеют закон сохранения и превращения энергии, второе начало термодинамики, запрещающие работы по изобретению «вечного двигателя». Тесная связь инженерной деятельности с практическими потребностями вызывает необходимость своевременного учета в технических науках многообразных и быстро изменяющихся регулятивов социально-экономического характера и не позволяет рассматривать технические науки лишь как простую сумму прикладных разделов математики, физики, химии и других естественных наук.

Знания, применяемые на предметно-чувственном уровне некоторого научною исследования, составляют базу его *методики.* В эмпирическом исследовании методика обеспечивает сбор и первичную обработку опытных данных, регулирует практику научно-исследовательской работы — экспериментально-производственную деятельность Теоретическая работа тоже требует своей методики. Здесь ее предписания относятся к деятельности с объектами, выраженными в знаковой форме. Например, существуют методики различного рода вычислений, расшифровки текстов, проведения мысленных экспериментов, введения и удаления абстрактных объектов и т.д. На современном этапе развития науки как на ее эмпирическом, так и на теоретическом уровне исключительно важная роль принадлежит компьютерной технике. Без нее немыслимы современный эксперимент, моделирование ситуаций, различные вычислительные процедуры.

Всякая методика создается на основе более высоких уровней знаний, но представляет собой совокупность узкоспециализированных установок, включающую в себя достаточно жесткие ограничения — инструкции, проекты, стандарты, технические условия и т.д. На

уровне методики установки, существующие идеально, в мыслях человека как бы смыкаются с практическими операциями, завершая образование метода Без них метод представляет собой нечто умозрительное и не получает выхода во внешний мир. В свою очередь, практика исследования невозможна без влияния идеальных установок. Хорошее владение методикой — показатель высокого профессионализма.

Различают методы общие и специфические, практические и логические, эмпирические и теоретические, употребляемые при открытии и обосновании. *Общими* называются методы, которые применяются в человеческом познании вообще, в то время как *специфическими* — т.е., которыми пользуется только наука. К первым относятся анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, индукция, дедукция, аналогия и др., ко вторым — научное наблюдение, эксперимент, идеализация, формализация, аксиоматизация, восхождение от абстрактного к конкретному и т.д. *Практическими* являются методы, применяемые на практическом, т.е. предметно-чувственном уровне научного познания, в то время как *логические* методы — это логические «фигуры», которые являются результатом обобщения миллиарды раз повторяющихся практических действий. К числу первых относятся, в частности, наблюдение, измерение, практический эксперимент; к числу вторых — доказательство, объяснение, выведение следствий, оправдание и др. Одновременно наблюдение, измерение, практический эксперимент, относятся к *эмпирическим* методам, как и сопровождающие их и с ними «слитые» доказательство или выведение следствий. Такие же методы как идеализация, мысленный эксперимент. восхождение от абстрактного к конкретному являются *теоретическими.* Существуют методы, приспособленные преимущественно к обоснованию знаний (эксперимент, доказательство, объяснение, интерпретация), другие же «работают» больше на открытие (наблюдение, индуктивное обобщение, аналогия, мысленный эксперимент).

Таким образом, научные методы можно классифицировать по разным основаниям — в зависимости от стоящих при их использовании задач.

Критерии и нормы научного познания

Наука руководствуется определенными стандартами или нормами исследования, которые обеспечивают интерсубъективность полученных при этом результатов. Так, например, результаты наблюдений или экспериментов должны быть воспроизводимыми, т.е. чтобы любой ученый соответствующей области знания мог получить их, а это означает, что результаты не должны зависеть от субъекта, т.е. должны быть интерсубъективными. История науки знает немало случаев добросовестного заблуждения ученых при сообщении своих результатов, не говоря уже о преднамеренной фальсификации. Поэтому в науке устанавливаются определенные критерии и нормы исследования, которыми должен руководствоваться каждый ученый. Эти критерии предназначены прежде всего для обеспечения объективности результатов исследования, исключающих всякую предвзятость, предубеждение, произвол и логическую противоречивость в выводах ученых. Часто поэтому такое знание характеризуют именно как *интерсубъективное,* т. е. максимально независимое от воли, желаний, предпочтений и предубеждений субъекта.

Важнейшим критерием для научного знания служит *непротиворечивость,* или последовательность мышления, которая обеспечивается соблюдением известных законов аристотелевской логики и, прежде всего, закона недопущения противоречия. Подчеркнем, что требование соблюдения законов логики одинаково обязательно как для науки, так и здравого смысла. Таким образом; в этом требовании отчетливо видна связь и преемственность между критерием правильности рассуждений науки и здравым смыслом.

Поскольку из противоречащих суждений можно вывести как истинное, так и ложное заключение, то отказ от логического закона непротиворечия привел бы к явной путанице, неопределенности и непоследовательности в любом рассуждении, касается ли оно реального мира науки или здравого смысла, или даже любого возможного мира. В логике под *возможным миром* подразумевают, любой воображаемый или мыслимый мир, который является непротиворечивым. К возможным мирам можно отнести разнообразные придуман-

ные, фантастические миры, которые, однако, должны удовлетворять одному непременному условию: суждения об их элементах не должны противоречить друг другу. Следовательно, законы логики должны выполняться в каждом из возможных миров. Наибольший интерес среди них вызывает, конечно, возможный мир абстрактных математических объектов, свойства и отношения между которыми должны удовлетворять условию непротиворечивости. Именно поэтому важнейшим критерием для чистой, или теоретической, математики служит требование непротиворечивости. Очевидно, что для применения математики к реальному миру необходимо дополнить его специфическими условиями или признаками, которые позволяют интерпретировать абстрактные объекты и отношения между ними посредством конкретных вещей и их взаимосвязей в эмпирическом мире.

Критерий непротиворечивости относится не только к абстрактным наукам, как математика и логика, но и к наукам, опирающимся на опыт и факты. Такие науки часто называют *эмпирическими,* поскольку они развиваются и основываются на наблюдениях, экспериментах и практике, составляющих совместно опыт науки. К ним относится большая часть естественных и технических наук. В отличие от них преобладающая частъ экономических, социальных и гуманитарных наук опирается на факты, устанавливаемые в ходе наблюдения и практики, и поэтому их называют *фактуальными.* Поскольку те и другие науки основываются в конечном счете, на опыте и практике и тем самым отличаются от абстрактных и формальных наук, то в дальнейшем для простоты изложения мы будем называть их эмпирическими. Это не означает, что в этих науках не используются абстрактные и формальные методы исследования. Точно так же теоретические системы эмпирических наук должны удовлетворять критерию непротиворечивости.

Почему так важен этот критерий для эмпирических и теоретических систем? Из классической логики известно, что два противоречащих друг другу суждения не могут быть одновременно истинными, т. е. их конъюнкция дает ложное высказывание, а из него можно получить как истинное, так и ложное высказывание (в некоторых неклассических логиках, например в паралепротиворечивой, эта возможность отвергается). Очевидно, что такая ситуация привела бы к разрушению всякого порядка и последовательности в наших рассу-

ждениях. Такую возможность исключает логический закон непротиворечия, или принцип непротиворечивости.

Допущение противоречивости научных утверждений привело бы к полной бесплодности науки, ибо противоречивая система не дает никакой информации об изучаемом мире. Если непротиворечивая система обеспечивает возможность отделения несовместимых с миром высказываний от совместимых, то в противоречивой системе такое разделение провести нельзя. Тем самым в ней нельзя решить, какие высказывания относятся к исследуемому миру, а какие — не относятся.

Поскольку все эмпирические теории дают конкретную информацию о реальном мире, постольку фундаментальным для них является *критерий проверяемости.* Этот критерий признают не только сторонники эмпиризма и наивного реализма, но и представители всех направлений философии науки, в частности такие влиятельные, как логические позитивисты и критические рационалисты. Все они также согласны в том, что критерий проверяемости нельзя понимать слишком упрощенно и требовать, чтобы каждое высказывание в теории или в науке в целом допускало непосредственную эмпирическую проверку. Однако мнения расходятся, когда речь заходит о том, какими специфическими способами достигается такая проверка. Если суммировать эти мнения, то можно выделить две основные группы. Сторонники эмпиризма, к которым примыкают также логические позитивисты, считают, что гипотезы и теоретические системы эмпирических наук должны проверяться с помощью *критерия подтверждения.*

Чем больше и разнообразнее будут факты, свидетельствующие об истинности, например гипотезы, тем больше она будет подтверждаться фактами и тем более правдоподобной, или вероятной, она может считаться. Нетрудно понять, однако, что будущие опыты и вновь открытые факты могут опровергнуть не только отдельную гипотезу, но и теоретическую систему, которая раньше представлялась достоверно истинной. Почти три столетия никто не сомневался в истинности законов и принципов классической механики Галилея — Ньютона, но в XX столетии появилась теория относительности Эйнштейна, которая указала на новые факты, уточнившие и изменившие прежние представления о пространстве, времени и гравитации. Возникшая

позднее квантовая механика открыла совершенно новые законы движения в мире мельчайших частиц материи. Этот исторический опыт развития науки учит нас, что не только к гипотезам, но и к теориям науки не следует подходить как к непреложным, абсолютно достоверным истинам. Поэтому и критерий подтверждения" не следует рассматривать как абсолютный, так как рост и развитие научного познания происходит диалектически: от менее достоверных и полных истин — к истинам более достоверным и полным. На языке диалектики этот процесс описывают как движение от относительных истин к истине абсолютной, но при этом нередко забывают сказать, что абсолютная истина при этом рассматривается как предел или идеал, которого полностью нельзя достигнуть во всех сложных реальных условиях познания.

С чисто логической точки зрения незавершенный, неокончательный, относительный характер критерия подтверждения ясно виден из формы рассуждения, на который он опирается. Обозначим через *H* гипотезу, а эмпирическое свидетельство или подтверждающий факт — *E,* тогда схему такого рассуждения можно представить в следующем виде:

Если H, то E; E — истинно, следовательно H — правдоподобно, или вероятно, в определенной степени. В символической записи: если *i(R=>E)&E], то вероятно P (H/E) = c,* где *P (H/E) = c* — степень правдоподобия, или подтверждения гипотезы; => — логическая импликация, & — конъюнкция.

Верификацией гипотезы называют проверку гипотезы на истинность посредством подтверждения ее фактами.

Логические позитивисты, выдвинувшие верификацию в качестве критерия научного характера гипотез или эмпирических систем, считают, что с ее помощью можно точно разграничить не только суждения эмпирических наук от неэмпирических, но и осмысленные суждения от бессмысленных. К бессмысленным суждениям они отнесли, прежде всего, утверждения философии, которую в западной литературе называют метафизикой. Верифицировать фактами можно действительно лишь суждения эмпирических наук, но нет оснований, чтобы считать все другие, неверифицируемые суждения

бессмысленными. Если придерживаться такого подхода, то придется объявить бессмысленными и все суждения чистой математики. Более того, поскольку общие законы и теории естественных наук также нельзя непосредственно верифицировать с помощью эмпирических фактов, то и они оказываются бессмысленными. Впоследствии логические позитивисты попытались избежать таких крайних выводов путем введения правил соответствия между теоретическими и эмпирическими понятиями и построения различных систем вероятностной, или индуктивной, логики. Тем не менее поставленная ими ц е л ь не д о с т и г н у т а по трем решающим пунктам:

1. Теоретические понятия целиком не сводятся к эмпирическим хотя бы потому, что они относятся к ненаблюдаемым объектам и их свойствам (например, микрочастицы и их характеристики), тогда как эмпирические понятия имеют дело с наблюдаемыми объектами.
2. Построенные системы индуктивной логики оказались весьма бедными по своему логическому языку, так как с их помощью нельзя было выразить даже функциональные связи, встречающиеся в эмпирических обобщениях.
3. В некоторых системах индуктивной логики возникли парадоксы, связанные с тем, что степень подтверждения законов или даже универсальных суждений вообще оказалась равной нулю. Всевозможные поправки и дополнения, придуманные для исключения таких парадоксальных результатов, носят искусственный характер.

Все эти и другие недостатки, связанные с абсолютизацией критерия верификации, в конечном счете обусловлены *эмпирической* и *антидиалектической* позицией логических позитивистов. Как и их ранние предшественники в лице О. Конта, Д. С. Милля и других, они считают надежным только эмпирическое знание и поэтому стремятся свести к нему теоретическое знание, которое некоторые их сторонники считают результатом чисто спекулятивного мышления. Сами логические позитивисты заявляли, что они продолжают развивать концепцию эмпиризма в философии и методологии науки, хотя дополнили ее логическим анализом структуры эмпирических на-

ук. Не случайно поэтому они называли себя как эмпирическими, так и логическими позитивистами. Антидиалектический характер их воззрений ясно виден из противопоставления эмпирического уровня познания теоретическому, стремления построить чистый язык наблюдения, свободный от каких-либо «примесей теории», абсолютизации критерия верификации как единственного признака научного характера суждений и систем эмпирических наук. Именно эти воззрения привели логических позитивистов, как мы видели, к тем совершенно необоснованным выводам о природе эмпирических наук и научного познания в целом, которые были отвергнуты не только специалистами конкретных наук, но и философами других направлений.

Пожалуй, одним из первых резко выступил против критерия верификации Карл Поппер, когда он жил в Вене и встречался с участниками Венского кружка, который положил начало формированию движения логического позитивизма. Указывая на логически некорректный характер верификации, Поппер выдвинул в качестве критерия научности эмпирических систем *возможность их опровержения опытом.* Этот критерий, известный в логике как *modus tollens,* является безупречным, так как опирается на принцип опровержения заключения (гипотезы) путем установления ложности ее следствия. В то время как подтверждение гипотезы ее следствиями обеспечивает, как мы видели, лишь вероятность ее истинности, или ее правдоподобие, ложность следствия опровергает, или фальсифицирует, саму гипотезу.

Эта принципиальная возможность *фальсификации* гипотез и теоретических систем и была принята Поппером в качестве подлинного критерия их научности. Такой критерий, по его мнению, давал возможность, *во-первых,* отличать эмпирические науки от неэмпирических («математики» и «логики»); *во-вторых,* он не отвергал философии, а показывал лишь ее абстрактный, неэмпирический характер; *в-третьих,* он отделял подлинные эмпирические науки от псевдонаук (астрология), предсказания которых нельзя опровергнуть из-за их неясности, неточности и неопределенности. Учитывая это обстоятельство, Поппер называет свой критерий фальсификации также *критерием демаркации,* или разграничения, подлинных наук от псевдонаук. «Если мы хотим избежать позитивистской ошибки, заключающейся в устранении в соответ-

ствии с нашим критерием демаркации теоретических систем естествознания, то нам следует выбрать такой критерий, который позволял бы допускать в область эмпирической науки даже такие высказывания, Верификация которых невозможна. Вместе с тем я, конечно, признаю некоторую систему эмпирической, или научной, только в том случае, если имеется возможность опытной ее *проверки.* Исходя из этих соображений, можно предположить, что не *верифицируемость,* а *фальсифицируемость* системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации» (*Поппер К.*, 1983, с. 62—63.).

Такой отрицательный подход к критериям научности и демаркации является корректным с чисто логической точки зрения, но он не приемлем методологически, и тем более эвристически. Начиная научный поиск, ученый либо уже располагает фактами, которые нельзя объяснить с помощью старой теории, либо пытается подтвердить возникшую у него идею или предположение посредством некоторых фактов. В любом случае он никогда не начинает с совершенно необоснованной догадки и не действует посредством простых проб и ошибок, как пытается представить процесс научного исследования Поппер. Не подлежит сомнению, что догадки, предположения и гипотезы, предложенные для решения определенной проблемы, нуждаются в критическом анализе, и в этом отношении метод рациональной критики Поппера заслуживает внимания. Но критика должна распространяться не только на сформулированные предположения и гипотезы, но также на те аргументы, доводы и основания, на которые они опираются. Критерий фальсификации чаще всего применим тогда, когда процесс исследования сводится к проверке готовых гипотез, а это весьма далеко от адекватного понимания научного поиска. В реальном научном исследовании верификация и фальсификация выступают в нерасторжимом единстве, они взаимодействуют и влияют друг на друга. Неокончательный, относительный характер научного знания вообще и эмпирических систем в частности проявляется в опровержении научных истин, казавшихся окончательными и твердо установленными, — это заставляет либо уточнять и исправлять прежние теоретические системы, либо искать новые идеи, предположения и гипотезы, аккумулируя для них новые факты. Таким образом, не противопоставление фальсификации верификации, а их взаимосвязь и взаимодействие дают более

полное и адекватное представление о критериях научности, а также развития эмпирических систем знания в целом.

Общие закономерности развития науки

В последние десятилетия заметно возрос интерес к общим Проблемам научного прогресса, причем их обсуждение не ограничивается анализом воздействия внешних и внутренних факторов на развитие науки, исследуются конкретные механизмы и модели роста знания. Не подлежит сомнению, что наука возникла под воздействием запросов материального производства «общественной жизни, которые и в дальнейшем продолжают влиять на ее прогресс. Было бы, однако, упрощением и вульгаризацией сводить все стимулы развития науки только к обслуживанию потребностей производства, экономики и других иных факторов. Такой *экстерналистский* взгляд на развитие науки, настойчиво защищавшийся сторонниками экономического детерминизма, в настоящее время уходит уже в прошлое. Теперь все признают, что в эволюции науки огромную роль играет *преемственность* идей, проявляющаяся в сохранении и дальнейшем развитии всего твердо обоснованного и проверенного научного знания, унаследованного от предшественников. Такая преемственность наиболее отчетливо видна в абстрактных, теоретических науках, (например, в чистой математике), которые не имеют непосредственного контакта с эмпирическим материалом. На первый взгляд может даже показаться, что они развиваются чисто логически путем обобщения и спецификации выводов, основанных на прежнем материале. С возрастанием теоретического уровня эмпирических наук и проникновения в них математических методов исследования и в этих отраслях науки нередко возникает иллюзия их независимого от внешнего мира» автономного развития. Такой чисто *империалистский* подход сводит развитие науки к чистой филиации идей, и в лучшем случае допускает возможность возникновения исходных ее понятий и идей на основе познания внешнего мира. Однако в дальнейшем он отрицает какую-либо связь науки с миром, считая, что все последующее ее развитие осуществляется путем чисто теоретической разработки исходных идей.

Не вдаваясь в подробную критику этих двух крайних точек зрения на развитие науки, отметим, что они односторонне преувеличивают роль и значение одних, действительно важных факторов перед другими, не видят всей сложности и противоречивости развития такой сложноорганизованной системы, какой является наука. Сам процесс развития науки понимался далеко не однозначно. Долгое время он рассматривался в виде простого приращения научного знания, постепенного накопления все новых фактов, открытий и объясняющих их законов и теорий. Такой взгляд, получивший название *кумулятивистского* (от лат. *cumulatio* — увеличение, накопление), по сути дела, сводит на нет и даже игнорирует *качественные* изменения, которые происходят в структуре научного знания и которые связаны с изменением основных понятий и принципов науки, особенно в ходе научных революций. Но именно эти революции представляют собой поворотные пункты в развитии науки, меняющие взгляды ученых на изучаемый ими мир и определяющие перспективы дальнейшего его исследования. Не случайно поэтому в последние десятилетия так резко возрос интерес к этим проблемам не только со стороны философов и методологов науки, но и самих ученых.

Значительную роль в этом деле сыграла дискуссия, развернувшаяся в западной, а позднее и в нашей философской литературе вокруг книги американского историка и философа науки Т. Куна *«Структура научных революций»,* в которой автор обращает внимание на то, что представления об истории науки, встречающиеся в современных учебниках, искажают реальную картину научных открытий, возникновения новых идей и теорий. «Развитие науки при таком подходе,—указывал он,— это постепенный процесс, в котором факты, теории и методы слагаются во все возрастающий запас достижений, представляющий собой научную методологию и знание» (Кун Т., 1975, с. 17). Иными словами научный прогресс выступает как чисто кумулятивный процесс накопления все новых и новых научных истин. Однако, как показывает история науки, реальный прогресс науки всегда сопровождается коренными изменениями ее концептуальной структуры, возникновением новых фундаментальных понятий и теорий, которые Кун связывает с научными революциями.

Такие революции, по его мнению, «являются дополнениями к связанной традициями деятельности нормальной науки — дополнениями, разрушающими традиции» (там же, с. 22). Соответственно этим

установкам Кун и строит свою модель развития науки, в которой он различает прежде всего *период нормальной науки,* когда ученые работают в рамках единой *парадигмы.* Хотя понятие парадигмы остается у него четко не определенным и допускает множество разных интерпретаций, тем менее из приведенных в книге примеров становится ясным, что под ней он подразумевает фундаментальную теорию или концепцию, которой ученые руководствуются в своей деятельности применяя ее к конкретным явлениям и случаям. Типичными парадигмами являются, например, механика Ньютона, волновая теория света и эволюционная теория Дарвина. Таким образом, нормальная научная деятельность сводится к использованию парадигмы для исследования частных случаев или, как говорит сам Кун, «решения головоломок». При этом парадигма как образец для их решения, что соответствует бук вальному значению этого слова в переводе с древнегреческого *(paradeigma* — пример, образец).

Однако уже в период нормальной науки исследователи встречаются с фактами и явлениями, которые оказываются трудно объяснимыми в рамках существующей парадигмы. Такие *аномальные* факты пытаются объяснить путем модификации имеющейся теории или уточнения вспомогательных гипотез или даже придумывают так называемые *ad hoc* — гипотезы для данного случая. Наиболее поучительным в этом отношении является история с системой мира Птолемея, согласно которой центром мироздания является Земля, вокруг которой вращаются другие планеты и Солнце. Несмотря на то, что наблюдения за движением планет и других небесных тел все больше расходились с предсказаниями его геоцентрической системы, Птолемей и его сторонники добавляли различные эпициклы к основным орбитам планет, чтобы таким путем согласовать свои предсказания с действительными наблюдениями. Гелиоцентрическая система Н. Коперника разом покончила с этими трудностями, поместив в центр системы Солнце, а Землю — в разряд обычных планет. Многочисленные примеры не только из прошлого, но и из недавней истории науки свидетельствуют, что доминирующие в науке теории, выступающие как парадигмы исследования, сталкиваясь с противоречащими, или аномальны-

ми, примерами в конце концов уступают место новым парадигмам. Переход от парадигмы классической механики к парадигмам теории относительности и квантовой механики является наиболее убедительным подтверждением этой закономерности.

Таким образом, по мере накопления аномальных фактов возрастает сомнение в правильности существующей парадигмы, которое выливается в явный кризис прежних принципов и методов исследования. На смену нормальному периоду развития науки приходит кризисный период. «Переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме, от которой может родиться новая традиция нормальной науки, — писал Т. Кун, — представляет собой процесс далеко не кумулятивный и не такой, который мог бы быть осуществлен посредством более четкой разработки или расширения старой парадигмы» (там же, с. 115). В подчеркивании качественных различий в развитии науки, в существовании в ней наряду с периодами относительно спокойного развития коренных фундаментальных сдвигов, сопровождаемых революционными изменениями, переходом к новым парадигмам исследования, состоит одна из важных заслуг в концепции развития науки Т. Куна. Эта концепция не сводит развитие науки к простому количественному *росту* знания, к накоплению все новых фактов и истин, как считали сторонники кумулятивного взгляда на него, а рассматривает его именно *как развитие,* как процесс возникновения качественно нового, прогрессивного в науке. Такой подход хотя и вполне понятен с общефилософской Точки зрения на развитие, но его необходимо было подтвердить и обосновать исследованием фактической истории науки, в которой во многом преобладала, начиная с П. Дюгема, кумулятивистская точка зрения. Кроме того, господствовавшая в западной философии науки неопозитивистская концепция вообще игнорировала исследование процессов научного открытия и развития научного знания, а тем самым создавала неверное представление о природе науки в целом. Другая заслуга концепции Куна состояла в том, что он попытался взглянуть на развитие науки с точки зрения тех профессиональных групп, которые создают науку и

составляют *научное сообщество.* Такой подход означал выход за рамки чисто *интерналистской* концепции, в которой все внимание сосредоточивается на исследовании чисто внутренних, логико-методологических проблем развития науки. Изучение деятельности научного сообщества как социологического коллектива открывает возможность исследования более широкого круга вопросов взаимодействия науки с техникой, экономикой, культурой и обществом в целом. Но Кун сознательно ограничил рамки своего исследования научным сообществом. Несмотря на эти и некоторые другие достоинства, его концепция подверглась основательной критике. Большинство возражений встретило понятие *нормальной науки,* в период которой вся деятельность ученых сводится к применению существующей парадигмы к решению частных и второстепенных проблем, которые Кун сравнивает с решением головоломок. Многие критики хотя и не отрицают возможности такого периода в развитии науки, но считают его застойным, догматическим и консервативным, а отнюдь не нормальным явлением в науке. Дух критики, творчества и поиска присущ науке на всех этапах ее развития, и поэтому не всегда ученые работают в рамках единой парадигмы. В науке одновременно может существовать несколько парадигм. Ведь даже сам Кун признает, что аномалии, которые встречаются в нормальной науке, заставляют ученых сомневаться в принятой парадигме, не говоря уже о том, что именно увеличивающееся число аномалий в конце концов приводит к отказу от старой и принятию новой парадигмы.

Существенный недостаток его концепции заключается также в отсутствии четкого представления о переходе от нормальной науки к революционной стадии, сопровождающейся сменой парадигм. Переход от старой парадигмы к новой Кун нередко объясняет субъективными и волевыми факторами, такими, например, как изменение индивидуальной точки зрения субъекта, его ценностных установок, убеждений, и даже сравнивает такой переход с обращением в другую веру. Поэтому многие авторы критиковали его за то, что он отказывается здесь от рационального объяснения причин возникновения новых парадигм и связанных с ними научных революций.

Имре Лакатос, в отличие от Куна, рассматривает развитие науки в более широком контексте исследовательских программ, чем парадигмы. В такой программе обычно различают:

- *«жесткое ядра»,* состоящее из исходных предпосылок, которые в рамках программы считаются неопровержимыми;
- *«негативную эвристику»,* или *«защитный пояс»* ядра программы, который служит для устранения противоречий с аномальными фактами с помощью вспомогательных допущений и гипотез;
- *«позитивную эвристику»,* указывающую правила выбора для изменения и развития «опровержимых вариантов программы», вследствие чего сама программа выступает не как изолированная теория, а как серия модифицирующихся теорий, причем их основой служат единые принципы (Лакатос И. 1995, с. 135).

Научная революция в этой концепции представляет собой переход от одной исследовательской программы к другой и объясняется вполне рационально: «Программа считается прогрессирующей тогда, когда ее теоретический рост предвосхищает ее эмпирический рост, т.е. когда она с некоторым успехом может предсказывать новые факты. Программа *регрессирует,* если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, т.е. когда она дает только запоздалые объяснения либо случайных открытий, либо фактов, предвосхищаемых и открываемых конкурирующей программой...» (Лакатос И., 1978, с. 219-220.).

Такая идея о конкурирующих программах исследования весьма похожа на эволюционный подход к росту научного знания, выдвинутый учителем Лакатоса — К. Поппером, но отличается от него в двух существенных отношениях. В то время как Поппер говорит о конкуренции отдельных гипотез и теорий, Лакатос рассматривает конкуренцию целых исследовательских программ. Если для первого важна возможность фальсификации, или потенциальной опровержимости, теорий, то для второго — потенциальная предсказуемость исследовательской программы.

Рассмотренные выше концепции развития науки вызвали наибольший интерес со стороны специалистов по философии и методологии науки и были предметом обсуждения и критики в последние десятилетия. Поиски новых, более адекватных моделей и концепций продолжаются и в настоящее время. Наряду с такими общими или

глобальными концепциями широко обсуждаются также более конкретные модели развития научного познания.

Методология научного поиска и обоснования его результатов

Проведенный анализ моделей научного познания ясно показывает, что в них односторонне противопоставляются хотя и разные, но взаимно дополняющие друг друга и составляющие единство, стороны развития науки. Защитники гипотетико-дедуктивной модели отказываются, как мы видели, от какого-либо логического и даже методологического исследования процесса возникновения новых научных идей и гипотез, или, в лучшем случае, относят это к компетенции психологии научного познания. Следовательно, они ограничивают методологический анализ только обоснованием уже сформулированных научных гипотез и руководствуются при этом либо критерием верификации, либо критерием фальсификации. Их оппоненты — логики и методологи научного открытия — заявляют, что процесс творчества в науке нельзя понять без рационального анализа генерирования новых идей и гипотез. Они, конечно, отдают себе отчет в том, что в этом процессе огромную роль играют факторы, которые трудно или даже невозможно анализировать в логических терминах. К ним относятся интуиция, воображение, догадки, индивидуальные особенности ученых (их склонности, предпочтения и даже предубеждения, не говоря уже о таланте, опыте и квалификации исследователей). Против этого вряд ли можно что-либо возразить, как и против необходимости привлечения психологов и историков науки к изучению научного творчества ученых разных специальностей.

Не подлежит, однако, сомнению и необходимость исследования всего процесса научного познания в едином контексте, где процесс генерирования и выдвижения новых научных гипотез органически дополняется их обоснованием. В таком целостном процессе генерирование и обоснование гипотез будут выступать как взаимосвязанные этапы *научного поиска,* суть которого сводится к разработке гипотез, начиная от предварительной их оценки и кончая проверкой данными опыта и практики.

Критический анализ процесса генерирования новых идей дает возможность понять, как происходит реальный процесс познания в

науке. Хотя цели у психологов, историков науки и методологов разные, но все они направлены к достижению единой цели — достижению более глубокого и целостного понимания творческого процесса в науке. Методология науки интересуется интерсубъективными моментами этого процесса, и поэтому ее методы направлены на раскрытие общих, а не индивидуальных особенностей научного поиска. Именно этим обстоятельством, по-видимому, объясняется тот факт, что методологи и философы науки при анализе научного поиска ограничивались только анализом проблем обоснования его результатов. Между тем действительная практика научного исследования свидетельствует, что процесс поиска в науке отнюдь не сводится к обоснованию заранее известных гипотез и тем более произвольных догадок, проб и ошибок. Более того, сам поиск, *во-первых,* начинается с осознания специфической проблемной *ситуации,* т. е. выявления противоречия между новыми данными науки и старыми теоретическими представлениями, неспособностью последних объяснить эти данные. *Во-вторых,* поиск детерминируется всем предшествующим знанием в соответствующей отрасли науки, ибо без его анализа невозможно было бы заметить и понять несоответствие старых теоретических представлений новым данным наблюдений, опытов и практики в целом.

Результатом анализа проблемной ситуации является *постановка* и точная формулировка *научной проблемы.* Выдвигая проблему, ясно указывают, какую цель с ее помощью стремятся достичь, в какой мере она будет способствовать приращению знания в конкретной отрасли науки, какие условия и ограничения налагаются на ее решение, и указываются возможные пути такого решения.

После ясной и четкой формулировки как самой проблемы, так и условий или требований, предъявляемых к ее решению, начинается та стадия научного поиска, которую обычно характеризуют как *генерацию новых идей,* которую в эмпирических науках точнее можно назвать построением *рабочих гипотез* для решения поставленной проблемы. Именно на этой стадии происходит сравнение, оценка и выбор среди рабочих гипотез наиболее перспективных для дальнейшей разработки. Методологические нормы и эвристические методы рассуждения могут сделать такой выбор более рациональным и эффективным. Такие критерии, как простота, эмпирическая проверяемость, правдоподобность гипотезы, ее логическая сила и некоторые другие, не говоря уже о логической ее непротиворечивости и нетавтологичности, могут значительно облегчить процесс отбора гипотез. Ясно, однако, что та-

кие критерии должны способствовать выбору не столько наиболее вероятной, сколько наиболее *информативной* гипотезы. Из логических методов наибольший интерес на этой стадии представляют такие *эвристические* методы рассуждений, как аналогия, экстраполяция, методы подобия и моделирования и особенно абдукция, когда она выступает совместно со статистическим анализом, экспертными оценками и другими вспомогательными методами.

После выбора одной из гипотез начинается систематическая ее разработка с помощью логических, эвристических и эмпирических методов исследования, когда речь заходит об эмпирических науках. Даже в абстрактных науках, как например, в математике, все более широкое признание находит идея о том, что аксиомы различных ее теорий возникают первоначально как некоторые гипотезы или допущения, которые впоследствии подтверждаются существующим и тем •более новым знанием. Нельзя, однако, думать, что для решения выдвинутой перед научным сообществом важной и актуальной проблемы разрабатывается лишь одна единственная гипотеза. Разные научные школы и коллективы руководствуются обычно различными подходами и точками зрения при решении той же самой проблемы. Не случайно поэтому в течение определенного времени в науке сосуществуют разные — часто противоположные — теоретические системы для объяснения тех же самых явлений, хотя впоследствии одна из них становится господствующей или объединяется с другой. Наиболее известным примером может служить история противоборства корпускулярной и волновой теорий света в оптике, декартовой и ньютоновской теорий в механике и гравитации, абиотического и биотического происхождения жизни на Земле, расширяющейся и пульсирующей модели Вселенной в космологии и т.п.

Пожалуй, в наиболее отчетливом виде разные подходы к решению возникающих проблем можно наблюдать в современной чистой, или теоретической, математике. Сторонник классической математики при исследовании бесконечных множеств рассматривает их по аналогии с конечными множествами и поэтому применяет к ним все законы классической логики. Конструктивист или интуиционист считает такой подход неприемлемым, ибо бесконечное множество возникает в процессе своего построения, следовательно, его нельзя рассматривать как актуальное, завершенное, заданное со всеми своими эле-

ментами множество. Поэтому он считает бесконечное множество потенциальным множеством, к которому неприменим закон «исключенного третьего» классической логики. В самом деле, допустим, что мы не обнаружили в бесконечном множестве натуральных чисел такое, которое обладает свойством *P*, но можно ли на этом основании утверждать, что все непроверенные нами числа также обладают таким свойством? Ведь бесконечный процесс всегда мыслится как неограниченный и незавершенный и, значит, к нему нельзя применить закон исключенного третьего, который возник из опыта оперирования с конечными множествами объектов.

Все сказанное свидетельствует о том, что при выборе новой идеи или гипотезы для их разработки исследователи руководствуются не только новыми данными, но и теми требованиями, которые предъявляются научным сообществом для решения поставленной проблемы. О них подробно пойдет речь в следующей главе, здесь же хотелось обратить внимание на то, что процесс поиска и разработки новых научных идей идет рука об руку с процессом их обоснования. Проверка гипотез и теоретических систем на непротиворечивость, выведение из них логических следствий, сравнение результатов с известными научными знаниями, оценка правдоподобности идей и т.п. — все это составляет взаимосвязанные стороны единого процесс обоснования научного поиска. Поэтому такое обоснование не ограничивается только окончательной проверкой гипотезы или теоретической системы в эксперименте или на практике.

Глоссарий
Парадигма *– законченная система научного знания, включающая ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ, включая ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимают коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени. Некоторые из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направ-*

ляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания.
Вопросы для обсуждения
1. *В чем заключается связь и различие научного и обыденного знания?* 2. *Охарактеризуйте понятие «здравый смысл» ?* 3. *Что собой представляет научный метод?* 4. *Чем отличаются эвристические методы от методов построения и обоснования научного знания?* 5. *Укажите различие между научной теорией и другими формами знания?* 6. *Установите различие и связь между дифференциацией и интеграцией научного знания?* 7. *Что изучает методология науки и чем она отличается от логики и гносеологии?* 8. *В чем состоят динамические и статические аспекты методологии науки?* 9. *Что означает интерсубъективность научного знания?* 10. *В чем состоит критерий непротиворечивости знания?* 11. *Обязателен ли критерий непротиворечивости для обыденного знания?* 12. *В чем заключается критерий проверяемости знания и к каким наукам он непосредственно относится*? 13. *Можно ли непосредственно проверять любые утверждения науки?* 14. *Чем различаются критерии верификации и фальсификации?* 15. *К чему приводит абсолютизация верификации и фальсификации?* 16. *В чем состоит сущность гипотетико-дедуктивного метода?* 17. *Может ли этот метод служить в качестве способа научного поиска?* 18. *В чем несостоятельность противопоставления контекста открытия контексту обоснования научного знания?* 19. *Что называют парадигмой, и какую роль она играет в науке?*
Для дополнительного чтения
1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.

2. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977.
3. Лакатос И. История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. — М, 1978.
4. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10-ые – 30-ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. — М.: МГУ, 1992, с. 47–78.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.
6. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. — М., 1992.
7. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М: Наука, 1990.
8. Философия и методология науки — М.: Аспект-пресс, 1996.
9. Юревич А.В. Социальная психология науки. – СП б: Изд-во РХГИ, 2001.

Основной источник

1. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск.: Бестпринт, 2000.

ГЛАВА II. НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Научное познание начинается и всегда сопровождается решением проблем. Отсутствие проблем привело бы к остановке исследования и застою в науке. Поэтому прогресс знания представляет собой непрерывный процесс решения все новых и новых проблем.

Классификация проблем может производиться по разным основаниям деления. Обычно различают теоретические и эмпирические, общие и частные, фундаментальные и прикладные проблемы. Как бы, однако, проблемы ни различались между собой, их назначение состоит в том, чтобы точно и ясно указать на трудность, появившуюся в начале любого процесса исследования, и тем самым придать ему поисковый характер.

Возникновение проблем связано с установлением недостаточности или непригодности прежних методов и средств для объяснения вновь обнаруженных фактов и результатов познания. Отсюда легко может возникнуть представление, что всякий процесс познания начинается именно с фактов, их накопления и систематизации, как об этом часто заявляют склонные к эмпиризму исследователи и защищающие такую точку зрения философы. Действительно, факты — это основа всякого исследования, их поиск, установление и объяснение требует значительных усилий ученого. Но чтобы найти такие факты, надо располагать либо готовой теорией, либо гипотезой, или даже догадкой. Чаще всего приходится обращаться к гипотезам, поскольку теории, объясняющей новые факты, нередко просто не существует. Поэтому гипотеза выступает здесь как форма предварительного, проблематического объяснения, с помощью которой происходит поиск, отбор и оценка новых фактов. Таким образом, реальный процесс исследования всегда совершается в тесном взаимодействии эмпирических и теоретических методов, фактов и теорий, опыта и разума, причем генерирующей и направляющей силой в этом процессе выступает именно идея, разум, теоретическая мысль.-

Проблемная ситуация как возникновение противоречия в познании

В самой общей форме проблемная ситуация может быть охарактеризована как проявление противоречия между существующим старым знанием и вновь обнаруженными результатами эмпирического или теоретического исследования. В экспериментальных и фактуальных науках такое противоречие выражается в *несоответствии* прежних средств и методов познания новым фактам и, прежде всего, результатам наблюдений или экспериментов. Это значит, что прежние методы оказываются неспособными объяснить вновь открытые данные.

В абстрактных науках, таких, как математика, противоречие выражается в несоответствии прежних методов обоснования *новым результатам* развития ее теорий, появлению более общих и фундаментальных понятий и теорий, которые впоследствии могут стать основанием отдельной математической дисциплины. Типичным примером может служить появление теории пределов О. Коши, которая устранила противоречия в математическом анализе, возникшие вследствие некритического использования понятия бесконечно малого. Действительно, в одних случаях оно приравнивалось нулю, в других — весьма малой, но конечной величине. Из-за этого возникли противоречиями парадоксы в математическом анализе, которые преодолела теория пределов, определив бесконечно малое как величину, которая стремится к нулю как своему пределу. Еще более примечательно возникновение теории множеств Г. Кантора, которая не только устранила противоречия в анализе, но и стала с единой точки зрения рассматривать объекты исследования всех математических дисциплин. Однако парадоксы, обнаруженные в этой теории, вновь выдвинули проблему обоснования математики, хотя многим ученым казалось, что теория множеств окончательно решила эту проблему.

В естествознании и фактуальных науках, имеющих дело с реальными предметами и явлениями, противоречия выражаются в несоответствии старых теоретических представлений (понятий, законов и теорий) новым объективно установленным фактам (результатам

экспериментов, наблюдений и практики). Нередко наиболее радикальные противоречия сопровождаются кризисами в науке. Так, например, парадоксы в теории множеств привели к третьему кризису оснований математики, который все еще остается не преодоленным. В физике противоречия между классическими представлениями о строении вещества, излучении и поглощении энергии, свойствах пространства и времени и вновь обнаруженными экспериментальными данными привели в конце прошлого и начале нынешнего века к резкому кризису основ классических идей. Проблемы, которые были выдвинуты в связи с этим кризисом, были решены в рамках новой, неклассической физики, главное содержание которой составляют квантовая механика и теория относительности. Однако в ходе исследования и в этих науках возникают новые проблемы.

Таким образом, в какой бы форме ни выступало несоответствие между старыми теоретическими представлениями, с одной стороны, и новыми фактами и результатами развивающегося научного знания, с другой, оно свидетельствует о возникновении определенной *проблемной ситуации.* Поскольку степень такого несоответствия может быть весьма различной в разных науках и на различных стадиях их развития, постольку становится возможным оценить ее хотя бы качественно. Наиболее подходящим для этой цели будет введенные Т. Куном представления об *аномальных фактах* и *нормальной науке.* Такие аномальные факты обнаруживаются в рамках определенной парадигмы, с которой работает нормальная наука. Первоначально аномалии устраняются путем модификации парадигмы, а также посредством уточнения начальных и граничных условий той фундаментальной теории, на которую опирается парадигма. Однако, когда количество аномальных фактов непрерывно возрастает, и они становятся совершенно необъяснимыми в рамках существующей парадигмы, тогда, указывает Кун, аномалия «оказывается чем-то большим, нежели еще одной головоломкой нормальной науки, начинается переход к кризисному состоянию, к периоду экстраординарной науки» (Кун, 1978, с112-113).

С прагматической точки зрения проблемную ситуацию можно рассматривать как выражение несоответствия между целью исследования и средствами ее достижения прежними средствами. В научном познании в качестве таких средств выступают как концептуальные, так и эмпирические способы и приемы исследования. Очевидно, что ясное осознание проблемной ситуации происходит лишь постепенно,

по мере накопления аномальных фактов и результатов, а также точной оценки наличных средств их разрешения.

Как показывает история науки, ученые лишь постепенно приходят к убеждению о необходимости замены теории и основанных на ней средств и методов объяснения и предвидения. В самом начале тщательно проверяются сами факты на достоверность. Все, что не отвечает такому требованию, исключается из рассмотрения, затем предпринимаются попытки тем или иным способом модифицировать существующую теорию. В этих целях прежде всего пересматриваются и уточняются вспомогательные допущения и гипотезы, на которых основывается теория. Нередко к ним добавляются новые допущения и гипотезы, в том числе и гипотезы типа *ad hoc* (предложение или допущение, придуманное доя объяснения частного случая, когда последний противоречит общей теории.), чтобы спасти теорию от опровержения, хотя последняя операция логически считается незаконной. И лишь после того, когда аномальных фактов накапливается слишком много, а сама теория становится слишком громоздкой, сложной и искусственной, возникает ясное осознание несоответствия теории действительности. Хорошей исторической иллюстрацией этому может служить переход от птолемеевой геоцентрической системы к гелиоцентрической системе Коперника.

Многочисленные примеры подобного рода можно найти в истории физики, химии, биологии и других отраслей естествознания. Обсуждая их, некоторые ученые приходят к выводу, что в науке никогда не отказываются от старых теорий до тех пор, пока не построены новые альтернативные теории. Такой именно точки зрения придерживается, например, Т. Кун. Вряд ли. однако, с этим можно согласиться, во-первых, потому, что новая парадигма при подобном подходе возникает совершенно необъяснимо, и ее связь с прежней исчезает. Во-вторых, процесс развития науки всегда связан с выдвижением новых гипотез для объяснения аномальных фактов, а отнюдь не ограничивается «решением головоломок» с помощью существующей парадигмы. В лучшем случае такие примеры не играют решающей роли в процессе серьезного научного исследования.

Несоответствие между прежними теоретическими представлениями и вновь обнаруженными результатами и фактами выражает *противоречие роста научного знания.* Поэтому его никоим образом нельзя рассматривать как выражение формальнологического противо-

речия. Последнее фиксирует лишь несовместимость суждений теории, ее противоречивость. Самой же глубокой основой противоречий роста науки служит периодически возникающее несоответствие между теорией и опытом, мышлением и практикой в процессе их развития. Именно с такого рода противоречиями мы встречаемся при констатации проблемной ситуации. Поскольку опыт и практика в конечном итоге выступают движущей силой познания и критерием его истинности, постольку они детерминируют поиск новых идей, а тем самым и новых средств для их реализации. Однако в силу *относительной* самостоятельности развития науки проблемные ситуации могут и должны возникать в рамках самого теоретического знания.

Наиболее ярко эта особенность проявляется в абстрактных науках, например, в математике, где наиболее важные проблемные ситуации часто выступают в форме *парадоксов* или *антиномий.* В первое время, когда математическая теория еще недостаточно разработана и обоснована, а выводы из нее находят многочисленные применения в прикладных науках и на практике, на некоторые противоречия, возникающие в ее рамках, не обращают внимания. Так обстояло дело в анализе бесконечно малых, которое давало поразительно точные результаты при исследовании механического движения и других процессов. Из-за успехов нового исчисления вначале ученые не отдавали себе отчет в том, что его исходное понятие бесконечно малой величины не было точно определено. Это, как мы отмечали выше, не могло не привести к путанице, недоразумениям, и в конце концов, к несогласованности и противоречивости полученных результатов. Возникшее противоречие в анализе бесконечно малых было разрешено путем построения сначала теории пределов, а затем последующей арифметизацией анализа. Но и в рамках последнего возникли противоречия, которые сначала пыталась разрешить теория множеств Кантора, а ? после возникновения в ней кризиса — аксиоматическая теория множеств, а также программы выхода из кризиса, выдвинутые формалистами, интуиционистами и конструктивистами.

Этот краткий исторический экскурс показывает, что возникновение проблемной ситуаций отнюдь не сводится к фиксации и устранению формально-логических противоречий, хотя бы потому что вначале их трудно выявить. Проходит немало времени, прежде чем детальная разработка теории и практика ее применения обнаружат недостаточную обоснованность исходных понятий и принципов тео-

рии. Иногда в специальной литературе можно встретить утверждения, что с противоречивыми системами можно работать, если предварительно каким-либо образом локализовать противоречия антиномического характера. Такая идея лежит, например, в основе аксиоматической теории множеств, которая действительно избегает парадоксов «наивной», канторовой теории за счет ограничения объема используемых множеств. Однако таким способом устраняются лишь уже обнаруженные, замеченные парадоксы, и не существует гарантии, что новые парадоксы не могут появиться в другом месте и в иной форме. Все это, таким образом, показывает необходимость четкого отличия *противоречий роста* от противоречий *формально-логических.* Если бы они совпадали друг с другом, тогда не было бы необходимости как-то доказывать или ограничивать противоречия первого рода, поскольку их можно было бы с самого начала элиминировать в соответствии с требованиями логики. Все дело, однако, в том, что когда возникают парадоксы, или антиномии, то в большинстве своем они свидетельствуют о возникновении проблемной ситуации, анализ которой связан с целым рядом фундаментальных вопросов научного познания.

С методологической точки зрения очевидно, что в ходе исследования ученые сначала обращают внимание на одну из сторон противоречивого процесса познания и не учитывают противоположную сторону, с которой она находится в единстве. Поэтому их выводы оказываются в конечном итоге антиномичными. Этот тезис можно проиллюстрировать многими примерами из истории науки, начиная от математики и кончая экономикой и философией. Действительно, классическая физика представляла корпускулярные и волновые свойства физической материи как взаимоисключающие и потому противопоставляла их друг другу. Обнаружение дифракции пучка электронов убедило ученых, что эти мельчайшие частицы вещества обладают не только корпускулярными, но и волновыми свойствами. Отчетливое осознание этого противоречивого единства, названного *дуализмом* волны и частицы, явилось источником проблемной ситуации и выдвижения новой проблемы, разрешение которой привело к появлению волновой механики, впоследствии названной квантовой. Характеризуя зарождение этой новой теории, Вернер Гейзенберг отмечал, что новые вопросы, вставшие перед учеными, практически «имели дело с

явными и удивительными противоречиями в результатах различных опытов» (Гейзенберг В. 1963, с. 16-17).

Теория множеств в математике базируется на концепции актуальной, т.е. ставшей, завершенной, бесконечности, в которой последняя в некотором отношении уподобляется конечному множеству. Определенное преимущество такого подхода состоит в том, что при этом простые законы классической логики становятся применимыми и к бесконечным множествам. По-видимому, такое одностороннее подчеркивание *актуальности* при рассмотрении множеств и противопоставление ее *потенциальности* и явилось гносеологической предпосылкой возникновения парадоксов теории множеств. В пользу такого предположения говорит тот факт, что поиски радикального разрешения этих парадоксов идут по линии введения потенциальной, т.е. возникающей, становящейся бесконечности (программы интуиционизма и конструктивизма).

В политической экономии эволюция рыночной экономической системы Представляется в виде движения от одного равновесного состояния к другому, вследствие чего остается непонятным, почему в ней возникают неравновесные состояния, депрессии и кризисы.

В философии известные антиномии И. Канта о конечности и бесконечности мира, начале и отсутствии начала мира (вечности мира) стали в настоящее время предметами конкретных исследований современной космологии, которая для их разрешения использует не только чисто логические аргументы, но и привлекает выводы общей теории относительности и богатейший эмпирический материал, накопленный внегалактической астрономией.

Все перечисленные примеры свидетельствуют о том, что гносеологические корни возникновения важнейших проблемных ситуаций в науке заключаются в фундаментальных особенностях окружающего нас мира и способах их познания. Сложность, противоречивость и многообразие свойств и отношений мира вынуждают ученых абстрагироваться от ряда его особенностей, а это неминуемо приводит к возникновению несоответствия между познанием и действительностью, теорией и практикой.

Предпосылки возникновения и постановки проблем

Научная проблема представляет собой результат осознания возникшей в науке проблемной ситуации, связанной с трудностью развития дальнейшего познания. Об этом свидетельствует этимология древнегреческого слова *problema,* означающего преграду, трудность или задачу. Обычно под задачей подразумевают либо частную, конкретную проблему, которая возникает при решении сложной, разветвленной проблемы, либо вопрос, на который существует готовый ответ. Именно в последнем смысле вопросы рассматриваются в практике обучения, когда они используются для проверки усвоения учебного материала. Понятие о задаче как части общей проблемы, для которой существует единая парадигма, близко по смыслу решению головоломок в понятии нормальной науки Т. Куна.

Анализ проблемной ситуации в конечном счете и приводит к постановке новых проблем, что в свою очередь требует необходимость их *выбора.* Именно выбор определяет не только последовательность решения проблем, но и направление дальнейшего научного поиска в целом. Действительно, любое исследование оптимально призвано решить определенную проблему, которая в свою очередь влечет множество других проблем. Как справедливо замечает Луи де Бройль: «Каждый успех нашего познания ставит больше проблем, чем решает» (Брюль де Л., 1962, с. 317).

Последовательность выдвижения проблем в ходе научного поиска, согласно Попперу, может быть представлена следующей схемой:

P >7T-> *EE-* * P_2,

где *Pj* обозначает исходную проблему, *TT* — пробную теорию *(tentative theory), EE* — элиминацию ошибок теории *(error — elimination)* и i*2 — новую проблему[2].

Под пробной теорией следует понимать гипотезу (в крайнем случае гипотетико-дедуктивную систему), устранение ошибок которой приводит к новой проблеме, а разрешение последней — к другой проблеме. Этот процесс в принципе нельзя считать завершенным даже тогда, когда в результате многократных проверок найдена достаточно обоснованная и общепризнанная теория, которую зачастую рассматривают как окончательно истинную и не нуждающуюся в дальней-

шем развитии. Такой теорией считалась, например, классическая механика Ньютона, признававшаяся почти полтора столетия парадигмой исследования в классической физике. Однако рано или поздно в любой естественно-научной или фактуальной теории обнаруживаются определенные дефекты, связанные прежде всего с неадекватностью некоторых ее выводов при сопоставлении с действительностью. Отчетливее всего эта неадекватность выявляется при попытках распространения теории за прежние границы ее применимости. Так, например, принципы классической механики оказались несостоятельными при исследовании термодинамических и электромагнитных процессов классической физики, не говоря уже о явлениях, изучаемых в квантовой физике и в теории относительности.

Неадекватность теории действительности, наличие аномальных фактов, противоречащих теории, сначала может быть обнаружено в прежней области ее применения. Это также ставит проблемы перед учеными. Однако от старых теорий, хорошо обоснованных и проверенных с помощью соответствующих наблюдений и экспериментов, никогда полностью не отказываются в науке. Как отмечалось выше, их стараются вначале модифицировать так, чтобы они оказались способными объяснить вновь обнаруженные аномальные факты. Когда же это не удается, возникает проблема поиска новой теории, которая в результате оказывается более глубокой и общей, чем прежняя. Так, например, общая теория относительности явилась дальнейшим развитием и обобщением классической теории тяготения, а квантовая механика — классической механики Ньютона. Хотя такое обобщение отнюдь не сводится к формальнологической операции расширения объемов понятий классических теорий, тем не менее их понятия и принципы оказываются предельными или частными случаями понятий и принципов новых неклассических теорий. С этой точки зрения, выдвижение и постановка новых проблем в наиболее развитых науках вено связана с *обобщением* прежних теорий. Поэтому устранение дефектов прежних теорий в приведенной выше схеме Поппера в конечном итоге сводится либо к модификации старых теорий, либо к поиску новых, более общих теорий. В связи с этим нам бы хотелось обратить внимание читателей на то, что в отечественной литературе, в частности популярной, нередко при анализе возникновения проблем и развития научного знания в целом, обычно чрезмерно подчеркивается их детерминиро-

ванность потребностями общественной практики, задачами совершенствования производительных сил и социальных отношений в обществе. В общей форме с таким утверждением нельзя не согласиться, но не следует забывать, что наука обладает относительной самостоятельностью развития, которая выражается в автономном процессе возникновения и развития ее проблем, понятий и теорий.

В настоящее время вряд ли кто будет связывать появление каждой проблемы в науке с потребностями практики, хотя такие подходы к развитию науки с позиций экономического детерминизма в прошлом встречались неоднократно. Нельзя, конечно, отрицать *определяющей* роли общественной практики, потребностей материального производства и социальной жизни в развитии научного познания в целом, и особенно в период становления самой науки. Даже сейчас немало проблем в естествознании и технических науках возникает под воздействием запросов материального производства, совершенствования его технологии, повышения качества выпускаемой продукции и улучшения условий труда. Такие крупнейшие достижения современной научно-технической революции, как овладение атомной энергией, освоение космоса, автоматизация и механизация технологических процессов, широкое внедрение промышленных роботов и компьютеризация — вот далеко не полный перечень тех результатов, которых удалось добиться именно благодаря постановке проблем и задач со стороны производства и общественной практики в целом. Однако сама постановка и тем более решение этих проблем стали возможны благодаря наличию определенного теоретического «задела» в соответствующих отраслях научного знания. Это, конечно, не означает того, что в этих науках уже существовали готовые ответы на вопросы, поставленные практикой, но тем не менее имеющийся в них теоретический аппарат давал возможность поставить новые проблемы, которые решали задачи, выдвинутые современной практикой.

Ярким тому примером может служить практическая проблема усовершенствования и автоматизации вычислительных процессов, ставшая особенно актуальной при расчетах космических аппаратов, ядерных реакторов и других сложных устройств. Прежние механические средства вычисления в виде арифмометров и калькуляторов не обладали необходимым быстродействием, и поэтому возникла про-

блема создания электронных вычислительных машин (ЭВМ), или компьютеров. Наряду с постановкой и решением чисто технических проблем возникли и теоретические проблемы создания программного обеспечения для них, в частности создания различных формальных языков программирования. Основой для создания таких языков стала символическая, или математическая, логика, которая до этого успешно применялась для исследования проблем оснований математики. Идеи и принципы математической логики способствовали точной постановке и эффективному решению проблемы создания математического обеспечения для быстродействующих вычислительных средств, алгоритмизации множества так называемых *массовых проблем,* допускающих точное описание с помощью логико-математических методов. Уже этот пример ясно свидетельствует, что в реальном процессе научного исследования практические и теоретические проблемы взаимодействуют друг с другом. Практическая потребность, выраженная в форме четко поставленной проблемы, приводит к выдвижению чисто теоретических проблем, решение которых способствует дальнейшему автономному, относительно самостоятельному развитию возникшей теории. Результаты теоретических исследований либо непосредственно, либо чаще всего впоследствии находят применение при решении практических проблем.

Таким образом, процесс выдвижения проблем носит сложный, противоречивый и нередко запутанный характер, поскольку в нем взаимодействуют не только практика и теория, но и различные другие факторы, такие, как интеллектуальный климат эпохи, ее мировоззрение и философия. В связи с этим интересно отметить, что нередко фундаментальные проблемы науки возникают под влиянием онтологических философских идей, которые в западной литературе называют метафизическими принципами.

Поскольку научные теории служат для объяснения определенной группы явлений, постольку ее идеи и принципы имеют определенное сходство с более общими онтологическими идеями, с помощью которых философы пытаются с единой точки зрения объяснить все существующие явления. Конечно, такие идеи имеют слишком общий и абстрактный характер, чтобы использовать их в качестве конкретного объяснения конкретных явлений. Действительно, подобные идеи и воззрения являются чаще всего результатом интуиции и воображения, кото-

рые нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении. Однако нередко они оказываются полезными в качестве определенных регулятивных и эвристических средств научного исследования, а также источником возникновения конкретных научных проблем. Вопрос об этом подробно обсуждал И. Агасси в работе «Природа научных проблем и их корни в метафизике» (Agassi J., 1964). Анализируя работы Кеплера, Ньютона, Фарадея и других ученых, он показывает, что в них они сознательно или стихийно ориентировались на определенные философские идеи при решении конкретных научных проблем. Однако эти идеи и принципы непосредственно не входят в состав специальных научных теорий и поэтому осуществляют *регулятивную функцию* в процессе научного поиска. Правда, в сравнении со специальными научными регулятивными принципами, такими, например, как принцип соответствия, дополнительности и даже простоты теорий, они имеют более общий и онтологический характер. Чаще всего воздействие мировоззренческих идей на возникновение научных проблем выражается через процесс формирования соответствующей *научной картины мира.* Общее представление о мире как огромной четко функционирующей машине выдвинуло перед классической механикой множество конкретных научных проблем по исследованию законов движения земных и небесных тел. На этой же основе сформировались основополагающие принципы строгого механического детерминизма, причинности и абсолютного движения.

Идея о существовании физических полей, возникшая у М. Фарадея в связи с исследованием электромагнитных явлений, впоследствии стала элементом новой картины мира. Она явилась источником возникновения ряда конкретных научных проблем, в частности новой неклассической теории тяготения. Как известно, ее идеи были воплощены в общей теории относительности А. Эйнштейна, согласно которой свойства пространства—времени в данной области определяются действующими в ней полями тяготения. В наше время в научную картину мира все настойчивее вторгаются идеи о самоорганизующейся и эволюционирующей Вселенной, которые, в свою очередь, выдвигают перед конкретными науками новые проблемы по исследованию специфических механизмов самоорганиза-

ции в разнообразных системах, начиная от простейших гидродинамических и физико-химических процессов и кончая сложноорганизованными живыми и социальными системами.

Отмечая влияние мировоззренческих и философских идей на возникновение конкретных научных проблем, не следует забывать и об обратном их воздействии на происхождение философских проблем. В связи с труднопреодолимыми негативными взглядами на роль философии, усиленными позитивистской пропагандой, этот вопрос приобретает важное значение. На него в свое время обратил внимание К. Поппер, когда критиковал позитивистские взгляды В. Витгенштейна. Последний, как известно, считал философские суждения и принципы *бессмысленными* утверждениями и в качестве примера ссылался чаще всего на философское учение Гегеля. Соответственно этому, он ставил перед своими сторонниками задачу — выявлять бессмысленность утверждений традиционной философии посредством лингвистического анализа языка. Руководствуясь такой программой, представители лингвистической философии занялись анализом обычного языка, а неопозитивисты — ограничились логическим анализом языка науки.

В противовес этому, Поппер заявлял, что все выдающиеся философы как прошлого, так и настоящего решали отнюдь не бессмысленные и совсем не простые лингвистические задачи, а наиболее фундаментальные проблемы, которые выдвигались развитием научного познания и социальной практики своего времени. В качестве примера он подробно анализирует, как исторически возникла центральная доктрина Платона о формах и идеях в связи с кризисом в древнегреческой науке после открытия несоизмеримых отрезков, например, иррационального числа — корня квадратного из двух (Popper, 1968, с. 75). Рассматривая этот и другие примеры, Поппер приходит к выводу, что *«подлинные философские проблемы всегда имеют корни в настоятельных задачах вне философии, и они исчезнут, если эти корни будут разрушены»* (там же, с. 72). К числу таких задач вне рамок философии он относит, например, потребности космологии, математики, политики, религии и социальной жизни. Это и вполне понятно, если учесть, что философия, в отличие от кон-

кретных наук, не имеет особого предмета исследования и занимается прежде всего исследованием мировоззренческих проблем, связанных с анализом принципов и методов развития человеческого знания вообще и научного в частности.

Что касается вопроса о постановке, и тем более точной формулировке научных проблем, то здесь многое зависит от уровня теоретической зрелости той или иной отрасли науки, состояния ее эмпирической и экспериментальной базы, перспектив дальнейшего развития соответствующей отрасли знания и науки в целом. Все эти условия имеют *интерсубъективный* характер, и с ними должен считаться любой исследователь, приступающий к решению проблем в определенной области науки. Однако не менее значительную роль при постановке проблем играют *субъективные* особенности ученых, занятых научными исследованиями. К ним следует отнести не только личный опыт, квалификацию, одаренность и т. п., но и умение видеть точки роста науки, наиболее эффективные направления научного поиска, смелость в выдвижении новых идей и тщательность в проверке полученных результатов. Но эти психологические качества присущи лишь талантливым исследователям, обладающим высокоразвитой интуицией, воображением и творческим потенциалом, и в то же время способным критически оценивать как собственные, так и чужие результаты. Не случайно поэтому наиболее актуальные и в особенности фундаментальные проблемы науки выдвигаются, как правило, выдающимися учеными, много и плодотворно поработавшими в своей науке, хорошо представляющими себе трудности научного поиска и способными правильно наметить стратегию дальнейшего ее развития.

История науки знает немало примеров, когда выдающиеся ее представители на многие десятилетия вперед определяли основные вехи развития своей науки, формулируя наиболее фундаментальные ее проблемы. Хорошо известно, что Ньютон, заложив основы классической механики и теории гравитации, выдвинул также ряд новых проблем, которые предстояло решить другим ученым. Наиболее актуальной он считал анализ природы гравитации, или тяготения. Хотя он признавал, что тяготение «действует согласно изложенным... законам и вполне достаточно для объяснения всех движений небесных тел и мо-

ря», тем не менее считал, что эти законы устанавливают лишь количественную связь между «тяготеющими массами». Качественную природу тяготения он оставил исследовать другим ученым. А. Эйнштейн в общей теории относительности объяснил механизм тяготения, использовав введенное им понятие гравитационного поля и установив равенство тяготеющей и инертной масс. Благодаря этим открытиям было подорвано представление «о мгновенном дальнодействии гравитационных сил», однако природа тяготения до настоящего времени полностью не объяснена. В частности, до сих пор остаётся спорным вопрос о существовании *гравитонов* как особых частиц поля тяготения.

Замечательным образцом постановки новых проблем в области физики служит известная книга И. Ньютона «Оптика», в которой были сформулированы не только важнейшие проблемы учения о свете, но и изложены основные методы исследования физических явлений, в частности его известный метод принципов. Хотя впоследствии некоторые из проблем оптики, поставленных Ньютоном, оказались малоперспективными вследствие появления новой волновой концепции света, тем не менее остальные способствовали творческим поискам ученых на протяжении многих десятилетий. К тому же корпускулярная теория света вновь возродилась в идее фотонов как квантово-механических объектов светового поля.

Более близким к нашему времени примером является программа исследования наиболее актуальных проблем математики, впервые сформулированная знаменитым немецким ученым Д. Гильбертом на Международном математическом конгрессе в 1900 г. Многие из этих проблем к настоящему времени уже решены, некоторые из них переформулированы или уточнены, но в целом эта программа стимулировала математические исследования и оказала решающее воздействие на развитие математики XX столетия.

В ходе научного исследования решение одних проблем, очевидно, приведет к постановке других, новых проблем. Поэтому выдвижение программы исследования носит в основном ориентировочный и поисковый характер, способствует выявлению точек роста научного знания. Точки роста легче выявить в

таких абстрактных науках, как математика, теория систем, информатика и другие, но значительно труднее — в экспериментальных и фактуальных науках, поскольку в них ход поиска во многом определяется результатами эмпирических наблюдений и экспериментов, которые могут целиком изменить ход дальнейших поисков.

Разработка и решение научных проблем

Существуют различные точки зрения на процесс разработки и решения проблем. Одни авторы считают, что он охватывает весь путь исследования проблемы: от ее осмысления в рамках проблемной ситуации, постановки и формулирования и до ее решения. Другие утверждают, что решение проблем начинается уже с ее постановки (Берков В.Ф., 1983, с. 64). Третьи — связывают разработку проблемы непосредственно с ее решением. Такой подход обычно защищается сторонниками определения проблемы как вопроса или совокупности вопросов.

Хотя разные стадии исследования и разработки проблемы тесно связаны друг, с другом, и каждая из них влияет на последующую стадию, все же в целях теоретического анализа целесообразно рассматривать их отдельно, с тем, чтобы выделить наиболее характерные их особенности. Исходя из этого, с т а д и ю р а з р а б о т к и п р о б л е м ы можно связать с анализом и оценкой тех *альтернативных возможностей,* которые могут стать *вероятными решениями* проблемы. Эта стадия непосредственно следует за стадией *генерирования* новых догадок, предположений, рабочих гипотез, которые возникают в результате осмысления создавшейся проблемной ситуации. Хотя процесс генерирования новых идей не поддается точному логическому анализу, но его результаты могут изучаться рациональными методами, в частности для оценки различных альтернатив могут быть использованы эвристические методы рассуждений и вероятностные оценки полученных выводов.

Проще всего процесс подобной оценки альтернатив можно представить на примере анализа принятия решений в ситуации неопределенности, когда имеется конечное (обычно сравни-

тельно небольшое) число возможностей, из которых следует сделать либо единственно возможный, либо чаще всего наиболее оптимальный выбор. Если определить проблему как вопрос, тогда ответ на него и тем самым решение проблемы можно представить как результат вероятного выбора среди конечного числа альтернатив.

Существует специальная теория принятия решений с развитым математическим аппаратом, дающим возможность осуществить оптимальный выбор среди возможных альтернатив на основе оценки их вероятности и эффективности. Сама содержательная идея, лежащая в основе этой теории, весьма проста и, по сути дела, мы постоянно опираемся на нее в повседневных решениях. Принимая то или иное решение, мы интуитивно оцениваем, насколько оно может оказаться, во-первых, вероятным среди других возможных, во-вторых, в какой мере оно будет эффективным для достижения поставленной цели (полезным, ценным, предпочтительным и т.д.). Оптимальный выбор в простейших случаях осуществить легко, но когда число альтернатив значительно возрастает, оценка вероятности их реализации и достижения цели требует обращения к специальным математическим методам и вычислительным средствам. Сама теория принятия решений, возникшая в связи с планированием военных операций в период Второй мировой войны, может быть с успехом использована не только для анализа и принятия «глобальных решений» в развитии народного хозяйства, энергетики, экологии, обороны страны, но и для разрешения частных проблем экономики, образования, культуры и других. Однако теория принятия решений вряд ли может применяться в процессе научного поиска новых идей универсального характера (законов, теорий, концепций) по той простой причине, что количество альтернатив для них не определено и ничем в точности не ограничено. С помощью определенных регулятивных принципов и эвристических методов число альтернатив можно было бы ограничить или выбрать более правдоподобные гипотезы, но при абстрактном подходе именно последние оказываются фактически наименее содержательными. Никакого систематического способа, ведущего к цели, в данном случае не существует. Поэтому на

этой стадии решающую роль в исследовании проблемы играет творческий поиск, опирающийся на опыт, талант и интуицию ученого.

Логико-математическая стадия разработки проблем представляется наиболее ясной и обоснованной. Она сводится, во-первых, к проверке самой формулировки проблемы и предложенного ее решения на *непротиворечивость, нетавтологичность* и *информативность.* Эти требования составляют минимально необходимые условия для того, чтобы считать данную проблему *научной,* ибо противоречивые утверждения, как уже упоминалось, не могут корректно использоваться для рассуждений, тавтологии не содержат конкретного, содержательного знания, а неинформативные гипотезы и теории не способствуют приращению нового знания, особенно эмпирического. Во-вторых, для проверки полученного решения проблемы необходимо вывести из нее логические следствия, причем не столько любые, сколько допускающие эмпирические интерпретации, чтобы их можно было сопоставить с соответствующими эмпирическими результатами наблюдений или экспериментов. Этот аспект разработки проблем посредством использования логического вывода обычно признается как единственно возможный не только сторонниками *дедуктивизма* и *критического рационализма,* но и защитниками *эмпиризма* и *логического позитивизма.* Именно на этой основе в 30-е гг. было выдвинуто противопоставление контекста *обоснования* контексту *открытия,* в связи с чем в западной философии науки исследования по логике и методологии были ограничены контекстом обоснования новых идей, гипотез и теорий.

Говоря об общем подходе к решению научных, проблем, следует особо выделить вопрос об отношении между эмпирическим и теоретическим знанием в общем процессе постановки и разработки проблем. Выше уже отмечалось, что ведущая роль в этом процессе принадлежит рациональному, теоретическому знанию, даже если оно выступает в неразвитой, примитивной форме догадки, предположения или даже предчувствия. Чтобы начать целенаправленный и систематический поиск новых фактов, надо, по крайней мере, располагать интуитивной догадкой или рабочей гипотезой, так как чтобы обнаружить что-то новое, надо знать *что* искать. Это, однако, вовсе не означает, что всякий конкретный процесс исследования в науке начинается всегда с догадки, предположения или гипотезы. Мы уже видели, что после

решения проблемы, открытия закона или построения теории, могут появиться новые факты, которые не объясняются существующим теоретическим знанием, и такой цикл перехода от теории к фактам, а от них к поиску новой теории, постоянно повторяется на протяжении более или менее длительного процесса исследования.

Сторонники *эмпиризма* обычно замечают именно эту сторону процесса исследования, преувеличивают значение эмпирического уровня в научном познании, роли в нем фактов, результатов наблюдений и опыта, вследствие чего главное внимание обращают на накопление, обобщение и систематизацию эмпирической информации. Соответственно этому, основным методом логической разработки проблем они признают *индукцию,* ибо именно с ее помощью происходит расширение знания, переход от частных случаев к общему заключению и выдвижение гипотезы для решения проблемы. Однако таким путем могут быть решены лишь элементарные проблемы и найдены простейшие законы о наблюдаемых свойствах и отношениях предметов. Решение же сложных проблем требует обращения к теоретическим понятиям и законам, раскрытия внутренних механизмов протекания процессов и явлений, введения *ненаблюдаемых* объектов (таких, как атомы, элементарные частицы, гены и т.п.), а также образования теоретических понятий и установления теоретических утверждений и их систем. Таким образом, эмпирический и индуктивный подходы в лучшем случае могут способствовать решению тех проблем научного познания, которые связаны с анализом наблюдаемых свойств и отношений окружающего мира и, следовательно, той стадией исследования, которая приблизительно соответствует эмпирическому уровню познания. После резкой критики попыток обоснования индукции, предпринятой Д. Юмом, показавшим неокончательный и недостоверный характер ее заключений, многие исследователи научного метода обратились к испытанному средству достоверных *дедуктивных* умозаключений. Однако поскольку дедукция не расширяет нашего знания, в качестве ее посылок стали рассматриваться любые гипотезы, которые содержат проблематическое знание и истинность, которых должна быть проверена путем дедукции из него следствий и сравнения их непосредственно с реальными фактами наблюдений и результатами экспериментов. Так возникла концепция гипотетико-дедуктивного метода, согласно которой задача не только логики, но и методологии науки при решении проблем должна сводиться ис-

ключительно к дедукции следствий из выдвинутых для этого гипотез или предположений. Как возникают при этом сами гипотезы, чем руководствуются ученые при их генерировании, используют ли для этого какие-либо эвристические рассуждения и регулятивные принципы поиска — все это сторонники гипотетико-дедуктивного метода исключают из логического и методологического анализа. Как уже отмечалось раньше, сторонники критического рационализма и логического позитивизма все эти вопросы относят к компетенции психологии научного творчества. Нетрудно понять, что психологические аспекты связаны главным образом со стадией генерирования новых идей и касаются индивидуальных особенностей исследователей и не охватывают интерсубъективных аспектов научного познания.

Решение проблем как показатель прогресса науки

Как бы ни полемизировали друг с другом различные направления в методологии науки, — все они не могут не признать важнейшей роли критического анализа при разработке проблем. Как только ученый осознает трудность, с которой он сталкивается в процессе исследования и сформулирует ее как проблему, он сразу же вовлекается в круг интересов определенного сообщества ученых, которые пытаются ее решить. Как правило, первоначальные решения редко достигают своей цели быстро, поскольку предположения и гипотезы, предлагаемые для этого, бывают сравнительно неглубокими, неполными и недостаточно обоснованными. Ведь с первой попытки трудно оценить как возникшую трудность, так и средства и методы, предложенные для ее решения.

Вся дальнейшая разработка проблемы должна вестись в направлении *критического анализа и оценки* предложенной гипотезы или теоретической системы. Насколько адекватно они решают поставленную проблему, если решают, то целиком или частично, в какой степени решения согласуются с имеющимся эмпирическим *v* теоретическим знанием, допускают ли они логический вывод предсказаний и принципиальную возможность их проверки. Таким образом, если первоначальная гипотеза не опровергается данными наблюдений и экспери-

ментов, то она нуждается в дальнейшей разработке и проверке. Действительно, в качестве гипотез в науке чаще всего выдвигаются универсальные, а не частные утверждения. Поэтому у нас нет гарантии в том, что подтвержденные некоторыми эмпирическими данными гипотезы не могут быть опровергнуты другими данными. Верификация или подтверждение гипотезы всегда имеет лишь *вероятностный,* а не достоверный и окончательный характер. Поэтому в случае подтверждения гипотезы можно говорить лишь о той или иной степени ее правдоподобия, или логической вероятности. В связи с этим следует подчеркнуть, что в опытных или фактуальных науках решение проблем нельзя считать окончательным и исчерпывающим, исключая, разумеется, тривиальные случаи. Вот почему каждая исследованная проблема здесь выдвигает множество новых, других проблем, и. поэтому первоначальная проблема приобретает сложный и разветвленный характер. Вследствие этого в прежнее решение часто приходится вносить уточнения, добавления и даже коренные изменения, а иногда и целиком отказываться от первоначального решения.

Чем больше и тщательнее мы разрабатываем проблему, тем яснее и полнее начинаем понимать, почему наши первоначальные предположения и гипотезы оказываются неадекватными для ее решения, каким требованиям должно удовлетворять это решение, от каких дополнительных условий оно зависит и т.п. Очевидно, что по мере возникновения и последовательного решения все новых проблем, будет расширяться и углубляться наше знание об изучаемой действительности. Поэтому вполне можно согласиться с К. Поппером в том, что *«рост знания происходит от старых проблем к новым проблемам»* (с. 258). Однако вряд ли можно принять вторую часть его тезиса, что такой рост всегда происходит *«посредством проб и ошибок»* (там же). Несомненно, что смелые догадки, глубокие прозрения и интуиция играют важнейшую роль в процессе научного открытия, генерирования новых научных идей, но они всегда бывают подготовлены всей предшествующей деятельностью ученого или научного сообщества над решением проблем. Эта деятельность, особенно в индивидуальном плане, трудно поддается логическому и методологическому анализу, но она всегда имеет осмысленный и рациональный харак-

тер. В науке критическому анализу и оценке подвергаются не только уже сформулированные и готовые к проверке предположения, гипотезы и теоретические системы, но и те, которые предстоит еще выбрать среди множества возможных допущений.

Такой выбор существенно ограничивается принципом *преемственности* развития научного знания, ибо он элиминирует те предположения, которые не согласуются с ранее установленными, хорошо проверенными и надежно подтвержденными принципами, законами и теориями. С этой точки зрения, концепция роста научного знания, выдвигаемая Поппером, нам представляется недостаточно последовательной, а в ряде моментов противоречащей реальной практике развития науки. Сильной ее стороной является признание того факта, что рост нашего знания и прогресс науки происходят путем непрерывного выдвижения и решения все новых и новых проблем. Важно также отметить, что в этом процессе движущим началом, источником развития науки служат именно проблемы, свидетельствующие о возникновении трудностей в науке, которые обнаруживаются и разрешаются с помощью новых идей, предположений и гипотез.

В процессе решения проблем, по мнению Поппера, происходит как бы *естественный отбор гипотез.* Те гипотезы, которые оказываются более подходящими для объяснения соответствующих явлений, побеждают в борьбе за выживание, а другие — элиминируются из науки. Такая терминология, заимствованная Поппером из эволюционного учения Ч. Дарвина, ясно свидетельствует, по собственному его признанию, о том, что его теория роста знания носит в целом дарвинистский характер. Более того, он категорически утверждает, что «от амебы до Эйнштейна рост знания всегда происходит тем же самым способом: мы пытаемся решать наши проблемы и приходим в процессе элиминации к некоторым приблизительно адекватным решениям»[1].

Хотя аналогия между ростом знания и эволюцией живых организмов в теории Ч. Дарвина имеет определенный смысл, но в целом она носит скорее характер метафоры, аналогии, чем настоящего, глубокого сходства. Качественные различия здесь •настолько очевидны, что вряд ли на них следует останавливаться особо.

На наш взгляд, указанная аналогия потребовалась Попперу для того, чтобы:

- придать своей концепции роста научного знания общефилософский и мировоззренческий характер;
- обосновать свой критерий фальсификации, согласно которому единственно допустимыми в эмпирических науках являются гипотезы и теории, которые могут быть потенциально опровергнуты с помощью наблюдений и экспериментов (нетрудно понять, что такой критерий, представляющий в сущности применение *modus tollens* классической логики, необходим был ему для того, чтобы противопоставить его критерию верификации логических позитивистов, не имеющего окончательного характера);
- выдвинуть в качестве универсального способа решения любых проблем так называемый *метод проб и ошибок,* который трудно считать систематическим по характеру и успех которого существенно зависит от количества и разнообразия проб. Такой метод, по его мнению, является универсальным потому, что он используется как живыми организмами в процессе адаптации к условиям среды, так и людьми в ходе познания окружающего мира и приспособления к нему. «Если метод проб и ошибок, — пишет Поппер, — развивается все более и более сознательно, тогда он приобретает характерные черты «научного метода» (Popper, с. 313).

Вряд ли, однако, с этим можно согласиться полностью хотя бы потому, что в процессе познания, особенно научного, используются не столько многочисленные и произвольные пробы и догадки, сколько разнообразные эвристические приемы рассуждений и регулятивные принципы, которые в значительной мере сокращают перебор всевозможных, в том числе бесполезных, вариантов. Поэтому даже в различных технических устройствах искусственного интеллекта, эвристические принципы закладываются в алгоритмы их работы.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что развитие научного познания в любой области исследования действительно начинается и сопровождается решением все новых, более сложных и разветвленных проблем. Но сам процесс их решения отнюдь не сводится к непрерывным попыткам догадок и опровержений. Такой чисто отрицательный подход к истине оказался ограниченным, если не сказать несостоятельным, еще в элиминативной

индукции Бэкона—Милля, когда было установлено, что для элиминации неадекватных гипотез необходимо вначале сформулировать их на основе существующего знания. Поэтому после выдвижения проблемы необходимо:

- осуществить четкую постановку и дать точную формулировку самой проблемы;
- установить ясные критерии, требования и условия, которым должно удовлетворять решение проблемы (такие критерии особенно важны для точных наук, которые требуют решений, выраженных с заданной точностью в количественной форме);
- выдвинуть гипотезы для решения проблемы и ориентированной эвристической оценки их пригодности для объяснения исследуемых явлений. Уже на этом этапе могут быть отсеяны явно неправдоподобные гипотезы, не объясняющие сути дела, не удовлетворяющие тем требованиям, которые были сформулированы и приняты научным сообществом, малоинформативные по содержанию и т.д.

После выбора одной или нескольких правдоподобных гипотез начинается тщательный их анализ и разработка с помощью существующих теоретических и эмпирических средств и методов.

Глоссарий
Парадигма *– законченная система научного знания, включающая ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ, включая ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимают коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени. Некоторые из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ог-*

раниченных областях знания.
Вопросы для обсуждения
1. *Что представляет собой проблемная ситуация с методологической и прагматической точек зрения ?* 2. *Чем отличается проблема от проблемной ситуации?* 3. *Какое отношение можно выявить между проблемой и парадигмой ?* 4. *Чем отличается проблема от задачи?* 5. *В чем выражается относительная самостоятельность развития науки.* 6. *Какая связь существует между проблемными ситуациями, кризисами и революциями в науке?* 7. *Чем детерминируется возникновение проблем в науке?* 8. *Как взаимодействуют практические потребности и теоретические поиски при постановке проблем?* 9. *Как влияет философия на выдвижение фундаментальных проблем в научном познании?* 10. *Охарактеризуйте основные стадии разработки проблем?* 11. *Какие требования предъявляются к проблемам в абстрактных и эмпирических науках?*
Для дополнительного чтения
1. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977. 2. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.
Основной источник
2. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск.: Бестпринт, 2000.

ГЛАВА III. РОЛЬ МЕТОДОЛОГИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Эволюция психологического знания

Ситуация перманентного кризиса, в которой находится психология, стимулирует попытки разрешения той или иной метапроблемы, определяющей перспективное развитие этой науки. "В последние два десятилетия психология переживает кризис своих методологических оснований, связанный с очередным размыванием не только границ ее предмета, но и границ науки и представлений о науке вообще, с разрушением основополагающих и в предыдущий период весьма четких оппозиций «житейская психология – научная психология», «академическая психология – прикладная психология», «гуманистическая психология – механическая психология», «глубинная психология – вершинная психология», а также концептуальных оппозиций «аффект – интеллект», «сознание – бессознательное», «познание – действие» и т.п.", – пишет Д.А. Леонтьев [2003, с. 3]. В истории психологии в числе таких метапроблем выступали: проблема субъективности [Skinner B.F, 1971; Watson J.B., 1919]; проблема необходимости гуманизации психологии [5; 11]; проблема ограниченности позитивистской методологии в изучении психологической феноменологии [Аллахвердян А.Г. с соавт, 1998; Янчук В.А., 2000; Brunner J., 1990; Foucault M., 1970; Kvale S., 1997; и др.]; проблема «одушевления» психологии [5] проблема «либерализации» психологии [Юревич А.В., 2001] и многие другие. Последние две обусловлены прежде всего разрывом, образовавшимся между академической и практической психологией. Надежда на получение исчерпывающих знаний об универсальных законах функционирования психического с последующим их применением к решению прикладных проблем не оправдалась. Это и стимулировало попытки переосмысления психологического знания с целью нахождения новых путей и средств понимания психологической феноменологии.

В существенной степени на состояние психологической науки, и в особенности отечественной, повлияло изменение социокультурной ситуации, вызванное процессами демократизации общества. Углубление демократизации влечет за собой повышение

активности и самостоятельности личности, мотивированной на удовлетворение индивидуальных и общественных интересов. Такого рода активная, саомосозидающая, творческая личность, будучи идеалом гуманистического подхода, не вписывается в классические позитивистские рамки, ориентированные на нахождение универсальных решений всего класса проблем развития науки и культуры. Следует отметить, что ориентация на поиск универсальных решений напрямую связана с авторитаризмом и тоталитаризмом в общественном устройстве (обладание «единственно верными», «абсолютно истинными» решениями порождает стремление навязать их обществу в качестве эталонов развития). Примеров этому и в психологическом знании более чем достаточно. В частности, выдающийся психолог своего времени Б. Скиннер в своей работе «Walden II» не избежал искушения создать социально-утопическую модель идеального обустройства общества. Авторитарно-тоталитарные системы порождают социально-пассивные личности, уделом которых является исполнение направляющих решений, а не генерирование самостоятельных. Наличие же только исполнителей приводит к резкому дефициту возможностей и ресурсов инноватики и, как следствие, импульсов для развития общества и производства. В условиях обостряющейся конкуренции больших успехов всегда добивается личность, умеющая мыслить самостоятельно и отстаивать собственные взгляды, находя точки пересечения с окружающими.

Перемены, происходящие в обществе, предполагают осмысление глубинных оснований эволюции культуры и научного знания от традиции модернизма к традиции постмодернизма. Подробное рассмотрение модерна и постмодерна в психологическом знании нами было представлено в специальной работе [Янчук В.А., 2003]. Здесь мы остановимся лишь на рассмотрении постмодернистских тенденций в современной психологии, ориентированной на поиск новых идей в понимании психологической сущности человека.

Традиция модернизма в культуре, основывающаяся на идеях европейского рационализма XVII века, характеризуется сформировавшимися в эпоху просвещения представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Их постижение, как ожидалось, приведет к воплощению гуманистических идеалов в практику гармонического реформирования природы и общества. В научном познании эта идея нашла свое воплощение в разработке методологии научного исследования, обеспечивающей

открытие объективных законов. В XIX веке таковой стала методология позитивизма с ее фундаментальными принципами операционализации и верификации, обеспечивающими подлинную научность и объективность результатов исследования. Реализация позитивистской методологии в психологических исследованиях нашла свое выражение в применении экспериментального метода к изучению феноменологии развития личности. Изначально этот метод использовался с целью выявления универсальных закономерностей психической активности, а именно – номотетического в ней, т.е. универсально присущего человеку вообще.

Ориентация на выявление номотетики привела к развитию факторного подхода, в рамках которого была предпринята попытка найти универсальные измерения. Они позволяли, во-первых, определиться в индивидуальных различиях личности, а, во-вторых, стали базой для познания ее первооснований, или «атомов» (по К. Левину – аристотелевский подход), что давало возможность понять и реконструировать природу психической активности. К сегодняшнему дню эта идея, пережив различные вариации (Х. Айзенк, Р. Кеттел и др.), получила свое воплощение в так называемой большой пятерке факторов [John O.P., 1990]. Однако нахождение этих факторов, как и универсальных описаний номотетического в личности, сопровождалось осознанием бесперспективности дальнейших исследований, отмечаемой многими авторами [там же]. Отказ от дальнейшего изучения факторной номотетики означал то, что вместе с водой выплеснули и ребенка. Ведь основание для соотнесения людей друг с другом, каковым является номотетическое описание, позволяет определиться в их отличиях по некоторым универсальным измерениям или критериям. Без такого рода сравнения размывается сам предмет психологии, и она просто тонет в море идиографии.

Но тут возникает вопрос: что именно отражают эти критерии или измерения и насколько адекватно они отражают психическую реальность? Сложность такого рода выяснения состоит в том, что предмет психологического знания, в качестве которого часто определяется психика, не подлежит непосредственному изучению. Предположения о закономерностях психической активности основываются на косвенных ее проявлениях, интерпретация и реконструкция которых всегда включают аспект субъективности. Более того, сама позитивистская методология, лежащая в основании естествознания, требует обязательной операционализации и верифика-

ции выявленных научных фактов, т.е. количественно выражаемого измерения и пространственно-временного подтверждения. Непосредственное же измерение внутренней активности невозможно без обращения к ней самой. Единственным «непосредственным свидетелем» ее, как известно, является только обладатель психики, т.е. сам человек, что определяет необходимость обращения к нему. Но любая коммуникация с человеком носит опосредованный характер. Причем эта опосредованность имеет знаковую, или символическую, природу, что снова ставит вопрос об адекватности интерпретации изучаемого явления.

Номотетическое описание исходно предполагает однозначную интерпретацию изучаемого символического содержания. Доказать же однозначность и изоморфность научной интерпретации весьма и весьма проблематично, что показано нами в ряде предыдущих работ, связанных с анализом онтолого-эпистемологических оснований психологического знания [Янчук В.А., 2000]. По крайне мере, на современном этапе развития психологической науки таких оснований не найдено. Тем не менее, номотетический подход, представляющий своеобразный описательный период развития психологического знания, сыграл позитивную роль в истории психологической науки и обладает несомненной научной ценностью как для постижения природы психического, так и для научного конституирования психологического знания.

С течением времени многочисленные эмпирические исследования экспериментального толка, ориентированные на номотетику, показали, что каких-либо новых оснований для углубления уже сформировавшихся представлений даже с учетом осознания их ограниченности нет. Идея реконструкции закономерностей внутренней активности личности посредством систематизации ее внешних проявлений оказалась также тупиковой, т.к. не подлежала тем же процедурам операционализации и верификации, а в инструментальном аспекте – экологической валидизации. Во многом это связано со сложностью самой изучаемой природы, включающей качественно отличные типы реальностей (биологическая, символическая и рефлексивная), которые подлежат изучению соответствующими исследовательскими методологиями (количественная, качественная, рефлексивная) [Stevens, 1998]. Проблема как раз и заключается в выявлении оснований и возможностей такого разнокачественного диалога методологий.

Осознание бесперспективности развития психологических представлений о личности и ее природе стимулировало поиск новых идей в понимании социальной сущности человека. За описательным этапом последовал объяснительный, инициированный блестящими исследованиями Ф. Хейдера в области атрибутирования [Heider, 1958]. Именно Хейдер обосновал неизбежность обращения к самому исследуемому как источнику психологических данных, разработав известную теперь теорию «человека как наивного ученого». Поскольку испытуемый для своего самоотчета получал в сущности упорядоченный набор знаков, или символов, подлежащих интерпретации в аспекте их объективности, вновь встала проблема адекватности текстовой интерпретации. Поиск ее решения привел к тому, что в психологии сформировался социально-конструктивистский подход, определяющий в качестве предмета психологического знания текст, а изучаемую реальность – как текстовую, или символическую [9; 12]. Текстовый, или символический, характер исследуемой реальности потребовал разработки качественно иных исследовательских методологий. Кроме того, обращение к текстам реминисцировало проблему культурной детерминированности психологической феноменологии, поставленную еще Л.С. Выготским [1984], но после него лишь констатировавшуюся.

Это резонировало с постмодернистскими тенденциями в развитии науки и культуры, которые выражались в непринятии самой возможности получения универсального знания о сущем и его природе, активного, творческого, культурно-исторически детерминированного ее характера. Применительно к социально-гуманитарному знанию они нашли свое выражение в постструктуралистской (Ж. Деррида, французский феминизм и постмодернистской (М. Фуко [1970; 1976], Ж.-К. Лиотард [Lyotard J.-K., 1984], Ж. Бодрильяр [Baudrillard J., 1981; 1983]) критике объективизма в научном познании. Значение этой критики для психологических исследований развития личности особенно велико в силу того, что постижение внутренней реальности личности носит ярко выраженный опосредованный знаковый характер. В психологии эта идея поддерживается представителями культурно конструктивистского подхода, отрицающими саму возможность обладания универсальным «над-знанием» по отношению к человеческой сущности и ее природе. Являясь по своей сути антифундаментализмом, культур-

ный конструктивизм исходит из посылки об отсутствии рациональных или каких-либо иных очевидных оснований для исследований в области социально-гуманитарных знаний. Его последователи считают возможным сосуществование различных теорий, методов и практик, отражающих определенные традиции или формы жизни, одновременно отдавая предпочтение принципу диалога как условия взаимообогащения и развития, а не «всеобщего равенства». К. Джерджен и М. Джерджен предлагают три пути возможного развития психологического знания: рефлексивное освобождение; многокультуризация методологии; рассмотрение теорий и исследований как культурных достояний [Gergen K.J., Gergen M.M., 1997]. (Названные идеи рассмотрены в рамках разрабатываемого автором данной статьи интегративно-эклектического подхода к анализу психологической феноменологии [Янчук В.А., 2000].)

Следствием отрицания фундаментализма явилось то, что специфика внутренних переживаний личности не могла быть выявлена по ее косвенным проявлениям (например, стимулам и реакциям). Это, в свою очередь, потребовало переосмысления еще одного фундаментального вопроса – предмета психологического знания. Ранее господствовавший постулат о психике как предмете психологии в контексте культурно-исторического подхода сегодня уже не воспринимается как непоколебимый. Так, первоначально психология определялась как наука о душе. Душа же ассоциировалась с внутренним миром человека во всем многообразии его аспектов и проявлений. Будучи идеальной по своей природе, душа наделялась и соответствующим содержанием. Вопрос наполнения этого содержания, по мнению идеалистов, решался с участием божественных сил. Последователи материалистического подхода (отнюдь не единственного из существующих) оперировали уже не душой, а психикой как свойством высокоорганизованной материи. Последней вполне соответствовали идеи модернизма о принципиальной возможности открытия универсальных законов бытия (в том числе и психического).

Переосмысление предмета психологического знания потребовало пересмотра его методолого-теоретических оснований, а также методологии и методов психологического исследования. По существу единственным способом постижения данной реальности является обращение к самому ее субъекту. Это возможно посредством диалога с ним, носящем опосредованный (знаковый, интерпретационный) характер. Проблема как раз и заключается в том, что в

силу отсутствия непосредственного доступа к исследуемой реальности мы вынуждены оперировать ее символическими репрезентациями, включающими соотношение знака и значения. Эти репрезентации требуют адекватной интерпретации, предполагающей максимальное приближение к системам значений и смыслов субъекта, закодированных в языке.

Поиск новых оснований научного познания социальной сущности человека привел к развитию идей постмодернизма. В научной литературе постмодернизм часто отождествляется с постструктурализмом, хотя эти понятия не идентичны. Постструктурализм в его оригинальном значении – это теория знания и языка (Деррида, французский феминизм), а постмодернизм (Фуко, Бартес, Лиотард, Бодрильяр) – теория общества, культуры и истории.

Деррида убедительно показывает, что любой текст представляет собой спорную территорию, поскольку не может быть понят без обращения к скрытостям и контекстуализациям значений, представленных в нем соответствующими последовательностями знаков. Эти скрытости и контекстуализации могут быть раскрыты в выводах, но они не всегда присутствуют в тексте или же читатель часто не охватывает их своим вниманием. По Дерриде [Derrida J., 1978], чтение представляет собой особый тип активности, с помощью которого читатели наполняют эти скрытости и контекстуализации значениями, как бы становясь на время авторами и изменяя иерархию написанного обращением к культуре и субкультуре, а также опыту собственных жизненных переживаний. По существу, утверждает Деррида, именно в природе языка коренится способность продуцирования значений только в отношении других значений, в соотношении с которыми они и обретают собственную означенность. Таким образом, мы никогда не сможем установить стабильные значения, пытаясь найти соответствие между языком и описываемым им миром. Наоборот, значение является результатом различных означений, придаваемых словам [там же].

Выбор слов не определяет нашего мышления и не разрешает основных интеллектуальных противоречий. Мы обречены на существование с неразрешенными проблемами языка посредством самого языка, создающего эти проблемы и обстоятельства для деконструкции [Coward R., Ellis J., 1977]. Несмотря на то, что постмодернисты открыто признают несовершенство своих подходов, отвергая при этом позитивистскую претензию на абсолютную доказательность, Деррида не дает указаний, как писать лучше (в случае соци-

альных наук – как лучше проводить эмпирическое исследование). Он в большей степени заинтересован в разрушении представлений о том, что язык является просто техническим средством установления однозначных, стабильных значений. Этот вывод демистифицирует позитивизм, показывая его собственную зависимость от языка и, в случае науки, от метода исследования. Единственным путем к постижению значений является языковая практика, которая, однако, порождает новые противоречия и конфликты. По мнению Дерриды, мы обречены на бытие в языковой тюрьме. Он отмечает, что сложности обучают, а простота представляет собой мнимую ясность, скрывая присущую языку внутреннюю неразрешимость [Derrida J., 1978].

Влияние работ Дерриды на развитие социальных наук непереоценимо. Он не только разрушает код чисто количественных эмпирических исследований социальных наук, но и указывает возможные способы письма и прочтения. Методология может быть определена как риторика, расшифровывающая некоторые выводы и ценности о социальном мире. В качестве такого рода методологии выступает деконструкция, которая позволяет обнаружить ценности и интересы, скрытые за поверхностью науки, предоставляя возможность читателю «войти» в существо исследуемых проблем и определить их отношение к самому себе. Конечно же, деконструированный научный текст никогда не решит всех своих проблем неопределенности и неразрешенности. К научному познанию вообще невозможно применение категории «абсолютной истины».

Постструктурализм помогает автору и читателю признать соответственно свой вклад в научные тексты и причастность к их созданию. Вне зависимости от кажущейся сиюминутности любое незначительное действие по отношению к тексту сказывается на его общем значении. То, как мы оформляем сноски, озаглавливаем статьи, описываем проблемы, осуществляем литературные обзоры, используем методы количественной обработки данных для презентации полученных результатов, сказывается на формировании общего смысла текстов. Вместе с тем любой фрагмент текста, соотносясь с общим содержанием, должен обладать самостоятельностью. Согласно теории постструктурализма научный текст не является неким зеркалом мира; это, скорее, настойчивое, образное, литературное вмешательство в него со своими собственными правами. Так как методология представляет собой свою собственную версию прочтения, она должна быть легко читаемой, чтобы обеспечить

больший доступ к закодированным в научном тексте выводам [13]. Это имеет прямое отношение и к психологическому знанию. Поскольку любой психологический текст связан с определенной культурно-научной традицией, отражает авторскую научную позицию и своеобразие индивидуальной культуры, определяющих контекст текста, то без раскрытия этого контекста многие положения могут быть прочитаны или интерпретированы неправильно. Поэтому одной из центральных задач психологической науки является изучение связи текста и контекста и адекватного донесения последнего до читателя с учетом его возможной субъективной интерпретации.

Еще большую связь с перспективой развития социальных наук имеет постмодернизм в его видении М. Фуко, особенно в контексте реальностей культурного и дискурсного анализа [20; 21]. Несмотря на то, что постмодернизм зарождается в рамках архитектурного движения, его философская составляющая оформляется в работах Ж.-К. Лиотарда. В своем труде «Постмодернистское условие: отчет о знании», посвященном обсуждению центральных вопросов модерна и постмодерна, он отвергает тоталитарную перспективу развития истории и общества, называя ее грандиозным нарративом (grand narrative). Примером такого рода нарратива является марксистская попытка детерминистического объяснения мира. Утверждая, что никто не обладает единственным правом создания всеобъемлющего повествования о мире (могут быть лишь небольшие гетерогенные повествования с «субъектных позиций» индивидов и многочисленных социальных групп), Лиотард проповедует идею плюрализма и многомерности по отношению к рассмотрению социального знания [Lyotard J.-К., 1984]. По мнению Фуко, знание должно рассматриваться с позиций различных дискурсов/практик, структурирующих знания, формулируемые в них [Foucault M., 1976]. Как считают некоторые исследователи, здесь уместна аналогия с парадигмальным подходом Куна, утверждающего, что в научном сообществе существуют исторически сложившиеся согласованные мировоззренческие представления, определяющие отношение к исследуемым явлениям [1975]. Правда, Фуко больше акцентирует внимание на использовании повседневного опыта и обычного языка для определения этих парадигматических знаний. В своих исследованиях криминальности и сексуальности он показывает, как эти состояния исторически конституируются посредством дискурсов, делающих их проблемными.

Как и постструктурализм, постмодернизм отрицает саму возможность репрезентаций на том основании, что знание контекстуализировано своей исторической и культурной природой. Достижение универсального социального знания невозможно в силу отсутствия «объективных» критериев измерения и соотнесения позиций различных субъектов друг относительно друга. Например, невозможно установить, кто более притеснен в современном обществе – женщины или цветные. Куда важнее знание того, как различные переживания мира структурируются дискурсами /практиками, конституирующими переживания бытия женщиной или цветным в данный момент. Отвергая универсальную перспективу развития социальных наук, последователи постструктурализма и постмодернизма оперируют лишь отдельными состояниями знания, которые определяются совокупностью субъектных позиций людей. Здесь прослеживается связь с социальной феноменологией и этнометодологией, во многом опирающихся на идеи Ницше и Хайдеггера о невозможности открытия универсального знания.

Последующее развитие постмодернизма связано с именем еще одного крупного французского мыслителя – Ж. Бодрильяра, разработавшего его современную социологическую версию [Baudrillard J., 1981; 1984]. Бодрильяр утверждает, что реальность (он называет ее гиперреальностью) все в большей степени приобретает имитационный характер, поскольку создается мощными средствами массовой коммуникации и другими культурными источниками. Люди теряют способность различать стимулы и реальность. Средства массовой коммуникации, придавая транслируемым системам знаков динамичный характер, способствуют размыванию поля тех или иных значений, что вызывает в индивидуальном сознании состояние неопределенности. Многие понятия на протяжении достаточно небольшого промежутка времени изменили свои значения чуть ли не на противоположные. Так, например, под влиянием средств массовой коммуникации акт вторжения американо-британской коалиции в Ирак начинает восприниматься массовой аудиторией почти как благородная миссия. Подобная динамика значений, создавая ситуацию неопределенности, может привести к внутри- или межличностному конфликту, требующему разрешения.

Идеи постструктурализма и постмодернизма оказали несомненное влияние на развитие социальных наук в целом и психологии в частности. Это влияние, по мнению Б. Егга (B. Agger), выражается в ряде требований к социальным наукам, которые должны:

- быть рефлексивны в отношении утверждений о непогрешимости их методов исследований и безграничности возможностей;
- рассматривать все дискурсивные (в том числе и научные) тексты как риторические, форма изложения в которых направлена на донесение соответствующих систем значений до читателей, обладающих способностью и возможностью собственной их интерпретации;
- проводить мысль, что язык конституирует реальность, предполагает изучение особенностей ее формирования, проявления и развития, определяющих специфику само- и мировосприятия субъекта;
- исключать возможность существования единственно верных, однозначных, универсальных описаний социальной реальности [Agger B., 1991].

Таким образом, поиск дополнительных ресурсов психологического знания смещается с отстраненного «объективного» описания в сторону понимания специфики внутренних переживаний личности и их динамики, т.е. развития. Понимание этого процесса становится невозможным вне контекста культурно-исторической детерминированности (Л.С. Выготский) и диалогического характера познания и понимания (М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов). Как подчеркивает Дж. Брунер, центральной категорией психологии должно стать значение», а не стимулы и реакции и непосредственно наблюдаемое поведение [Brunner J., 1990]. Значения не транслируются в навсегда заданном содержании, они формируются во взаимоотношениях, опосредованных культурой и субкультурой. Язык приобретает способность к значению во взаимоотношениях между людьми, в которых они устанавливаются, уточняются и развиваются. Любой, в том числе и научный дискурс, возникает из сообщества пользователей языка, и каждое такое сообщество, как и отдельный индивид, привносят в его содержание свое индивидуально специфичное значение, понятное преимущественно членам этого сообщества, которые обладают общим опытом жизненных переживаний. Но даже в рамках наиболее близкого сообщества не существует тождественности систем значений, т.к. каждый индивид привносит в него свою собственную уникальность, без приближения к осознанию которой невозможно понимание и взаимопонимание. Согласованный характер значений определяет их новый порядок, определяющий, в свою очередь, определяющий но-

вые формы активности. Так как значения формируются во взаимоотношениях, «приспосабливаясь» к условиям координации взаимодействия, они всегда открыты для изменений. Любое взаимодействие создает условия для уточнения и изменения существующих значений, что приводит к генерированию нового порядка значений. Это, в свою очередь, предполагает переход от психологии описательной через психологию объяснительную к психологии понимающей.

Предметом понимающей психологии является процесс взаимопонимания как формирование единого поля значений в межличностном взаимодействии в системах различного уровня сложности (обыденное сознание – обыденное сознание, исследуемый – исследователь и т.п.).

Понимающая психология должна быть диалогической по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии – от интраспективной (методология первого лица) через экстраспективную (методология третьего лица) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленное на взаимопрояснение адекватности сформировавшегося поля значений. К диалогической методологии относятся нарративная методология, многоголосое исследование и совместные исследования [Gergen K.J., Gergen M.M., 1997]

Нарративная методология ориентирована на самоописания исследуемых. Сегодня она достаточно многообразна. Самоописания (автобиографии, рассказы и т.п.) дополняются уточнениями и интерпретациями авторов, а также рефлексиями о точности их понимания исследователем. Одна из особенностей этой методологии состоит в том, что при исследовании измерения «коллективизм–индивидуализм» статистические сравнения центральной тенденции заменяются подробными описаниями того, что различные взаимоотношения означают для представителей разных культур, времен и народов. Эти исследования показывают сложные вариации в казалось бы гомогенных культурах.

Многоголосое исследование плюралистично по содержанию и направлено на выявление особенностей интерпретации изучаемого всеми участвующими сторонами. Один из примеров этой методологии – работа П. Лейза и К. Смизис «Сопереживая с ангелами» [приводится по Gergen K.J., Gergen M.M., 1997] в которой описаны личные переживания женщин, больных ВИЧ-инфекцией, и то, как

эти переживания отражаются на их мировосприятии. Отдельный раздел книги посвящен собственным переживаниям исследователей, имевших место в процессе исследования. Кроме того, в книге содержатся результаты академического исследования, а также комментарии к прочитанному всех участвующих сторон.

Совместные исследования предполагают открытость изучаемых паттернов многообразным культурным традициям и альтернативным интерпретациям. Последователи этой методологии пытаются демонтировать исследовательскую иерархию, заменив традиционную автономию исследования новыми формами, ориентированными на сотрудничество. Наиболее известным примером такой методологии является исследование совместных действий, при котором исследователь реагирует на запросы исследуемых и помогает им применять различные инструменты для достижения поставленных целей.

Первые попытки «субъективизации» и «диалогизации» исследовательской методологии были предприняты Е.Ю. Артемьевой, заложившей основы психологии субъективной психосемантики [1999]. Такого рода диалогические методологии, позволяя углубляться в поля значений и смыслов, открывают для психологии широчайшие исследовательские горизонты, существенно меняя и расширяя концептуальный аппарат. По существу, создаются возможности для реализации идеи «неклассической психологии» Л.С. Выготского, современные ориентиры которой сформулированы Д.А. Леонтьевым: «от жизнедеятельности к жизнетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от психологии изменяющейся личности в изменяющемся мире – к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» [Кун Т., 1975, с. 444].

Философские основания развития психологического знания

Развитие любого знания, в том числе и психологического, с неизбежностью предполагает его осмысление на разных уровнях обобщения. Высшим уровнем такого рода осмысления является метатеоретический.

Метатеория представляет собой область размышлений, выходящую за пределы конкретного содержания. Она рассматривает

более фундаментальные вопросы: за чем должно вестись наблюдение, каким образом, в какую форму должна вылиться соответствующая теория.

Глобальное рассмотрение фундаментальных вопросов познания действительности ведется в рамках философии. Здесь исследуются основоположения и методы доказательств, используемые в генерации познаний всех аспектов жизни и их анализу. Применительно к нашей проблеме это: эпистемология (познание), онтология (существование) и аксиология (ценности) и соответственно им три общих уровня – метатеоретический, гипотетический, описательный.

Метатеоретический уровень является наиболее общим и представляет основополагающие выводы исследователя.

Гипотетический – дает картину представлений исследователя о реальности и установленные рамки знания.

Описательный – включает утверждения и операции, непосредственно совершаемые исследователем в ходе наблюдения тех или иных явлений. Оперируя одним уровнем, исследователь неизменно соотносит его с двумя и более другими, добиваясь тем самым более глубокого познания (См. таблицу 1).

Так как психологическое познание связано с феноменами социальной жизни, одним из центральных, в частности, в сфере социальных наук, является вопрос – *можно ли феномены социальной жизни быть объяснить таким же образом, как явления неживой природы?* Ответ на него включает три аспекта. Прежде всего *методологический,* т.е. вопрос о научном методе и его универсальности по отношению к естественным и социальным наукам. Второй аспект – *эпистемологический,* т.е. проблематика знания вообще и мышления в частности. Третий – *онтологический аспект,* предполагает выяснение того, с чем мы имеем дело или что есть бытие? Не менее значимыми остаются и ответы на вопросы о типах феноменов, проявляющихся в социальном мире, об адекватности методов исследований, критериях истинности знаний.

Таблица 1. Области философского анализа

	Эпистемологический	Онтологический	Перспективный	Аксиологический
Метатеоретический	Методологические вопросы	Метафизические вопросы	Вопросы дефиниций	Вопросы этики и ценностей

Гипотетический	Методы и процедуры	Теории, понятия, гипотезы, законы и схемы интерпретации	Определения и метафоры	Этические и моральные посылки и ценности
Описательный	Инструменты и техники	Утверждения о наблюдаемом	Фокусы внимания	Решения
Вещей-самих-по-себе	Поток событий			

Приводится по: Littlejohn, S.W. Theories of Human Communication. Belmont, Calif.: Wudsworth Publishing Company, 1994, стр. 31.

Все они предполагают уяснение того, как продуктивнее исследовать социальный мир, – посредством изучения активности человека (индивидуализм), структур (холизм) или в их единстве? Как лучше проводить анализ – сверху вниз (объяснение) или снизу вверх (понимание)? Анализ сверху вниз приводит к объяснению, а анализ снизу вверх – к пониманию. Мы будем исходить из обоих этих типов анализа и воспользуемся матрицей, предложенной Hollis (См. таблицу 2).

Таблица 2. Четыре ключа к анализу социальных действий.

	Объяснение	Понимание
Холизм	Системы	Культуры
Индивидуализм	Рациональный выбор	Субъективные значения

Приводится по: Hollis, M. Philosophy of Social Science. In N. Bunnin and E.P. Tsui-James. The Blackwell Companion to Philosophy. Oxford: Blackwell Publishers, 1996, p. 359.

Выделение индивидуалистического и холистического аспектов связано, прежде всего с тем, что это есть своеобразный водораздел к пониманию социальной феноменологии. В истории философии, связанной с Юмом, Гоббсом и Миллем, осознаваемые и неосознаваемые мотивы поведения личности являются внутренне присущими человеческой природе (индивидуализм). В холистической версии, часто ассоциируемой с Дюркгеймом, перевес отдается функциональному объяснению. Социальное поведение, являясь элементом целостной социальной системы, подчиняется принципу

равновесия, и любое его нарушение приводит к формированию устойчивых сил, направленных на его восстановление. Как индивидуалистическая, так и холистическая модели имеют своих сторонников и противников, аргументы которых связаны с предпочтением одного из аспектов: эпистемологического, онтологического и аксиологического. Остановимся на них подробнее.

Эпистемологические основания

Эпистемология (от др. греческого episteme, что означает понимание, знание). В философии охватывает область знания, которая занимается сферой познания, т.е. ищет ответы на вопросы о том, как люди познают мир, приходя к выводу о том, что они знают. Понимание природы познания и процессов, посредством которых оно осуществляется, существенным для любого научного знания, в том числе и для психологии. Психологи всегда проявляли особый интерес к эпистемологическим проблемам, а в последние годы этот интерес особенно возрос.

Здесь тоже наиболее существенны вопросы:

Априорно или апостериорно наше знание? Понятие a priori означает предшествующее, a posteriori – постшедствующее. Апостериорность в со времен Канта определяется как основанное на эмпирическом опыте, априорность –основанное на очевидности. Примером априорного знания является утверждение типа: мы не можем существовать и не существовать одновременно. Философы и психологи всегда дебатировали об априорности природы познания (например в понимании добра и зла); о его полной зависимости от эмпирического опыта как основы достоверности знаний. Не смотря на укоренившуюся в психологии тенденцию признания приоритетности эмпирического опыта как основы познания, в этом вопросе имеется и ряд расхождений.

Сторонники природного подхода, или нативисты, утверждают наличие в человеке специфических природных структур и функциональных свойств нервной системы, наследуемых уже при рождении и определяющих в дальнейшем его восприятие. Эмпирики же провозглашают полную его зависимость от опыта; в классических исследованиях показано, что новорожденный уже обладает перцептивными способностями определения удаленности предметов и пространственной локализованности звуков (Wertheimer, 1961).

Другую сопряженную с этим область представляет соотношение инстинктивного – научаемого. В истории психологии и социальной психологии, в частности, имеется немало примеров противоположных утверждений. Например, для Фрейда и МакДаугол-ла была вполне очевидной инстинктивность человеческого поведения. Такой же позиции придерживался и Фрейд. С укреплением бихевиоризма получила распространение точка зрения о полной научаемости поведения. Так Куо (Kuo, 1924) в своей работе «Психология без вражды» показывает наученность враждебным отношениям мышей и кошек. В то же время в работах этолога К. Лоренца и социобилога Эд. Уилсона, представителей биологического и экологического подходов в психологии, отрицание роли инстинктов в поведении не столь очевидно.

Каковы критерии истинности наших знаний? На каком основании мы приходим к убеждению в обладании истиной? На основании авторитетности источника? Обоснованности? Данности свыше? По этим вопросам Эпистемологи спорят с представителями естественных наук, с религиозными адептами и т.п. Одним из методов утверждения истинности является ссылка на авторитеты – книги, институты, родители и т.п. Однако в истории немало примеров неблаговидной роли авторитетов в торможении развития знания, например, в случае Джордано Бруно. В своей книге «Человек для самого себя» (1947) Э. Фромм, предупреждая об опасности слепого следования авторитетам, которые в случае авторитаризма порождают потребность в постоянном направлении с их стороны. В их качестве могут выступать теоретические построения, традиции, инструменты, схемы обоснования и т.п. Все они обладают как положительными сторонами (например, создают систему ориентиров и эталонов), так и отрицательными (сдерживают развитие нового, выходящего за рамки традиций, отрицают то, что не вписывается в систему их представлений и т.п.).

Не менее важным критерием истинности является эмпирическая достоверность – познания, основанные на наблюдении фактов объективной реальности. Однако и эмпиризм сталкивается с рядом проблем, например, с тем же соотношением априорности и апостериорности знания. К тому же наши органы чувств, в силу ограниченности своих возможностей, не дают адекватного представления о внешней среде и в существенной степени ограничена эмоциями, социальным контекстом, жизненным опытом, мотивацией и т.д.

Еще одним критерием истинности выступает рационализм – утверждающий, что мышление обладает своими собственными внутренними организующими функциями, фильтрующими и перестраивающими информацию, поступающую от органов чувств, позволяющими активно формировать понятия, не представленные в чувственном опыте. Эмпирики и рационалисты видимо еще долго не сойдутся в мнениях. Своеобразный критерий истинности предлагает эстетизм, утверждающий принцип красоты для всех областей мышления. В числе сторонников эстетизма можно назвать психологов Дж. Уотсона (Watson) и Эд. Крика (Crick), физиков П. Дирака (Dirac) Н. Бора и др., придерживавшихся того мнения, что теоретик должен подумать и о красоте теоретических и практических выкладок.

Прагматизм в философии выдвигает в качестве критерия истинности утилитарность знания. Если теоретическое построение работает на конечный результат, можно смело говорить о его истинности. Однако даже сам В. Джемс – один из основателей прагматизма – признавал верность этого тезиса лишь в применении относительной истины, т.к. то, что является верным сегодня, может оказаться ложным завтра.

В истории философии и психологии имеются примеры и вовсе отрицания самой объективного знания – чистой воды скептицизм. Например, Рене Декарт утверждал, что есть только одна истина, в которой можно не сомневаться – это необходимость сомневаться во всем. Не следует, однако, представлять скептиков негативистами, скорее их позиция ориентирована на отрицание статичности и монополистичности истины, на уяснение способности человека отличать знание от мнения о нем.

Вопрос: *что есть истина*? – самый значимый из эпистемологических вопросов бытия. Им занимались мудрецы всех веков и всех поколений человечества. Видимо, логика доказательства анализируемого факта является критерием его истинности. Общей чертой большинства теорий истины (корреспондентной, когерентной, прагматической, дескриптивной и их вариаций) является, по И.Т. Касавину (1990, с. 65), трехзвенная структура, которая помогает уточнению истины (например, соответствие знания и реальности, мышления и ощущений, внутренняя согласованность знания и т.п.). Конечно, можно понимать истину как соответствие знания реальности, но как устанавливать это соответствие – вопрос довольно не простой.

Истина обладает множественными показателями: ложность или доказуемость (соотношение альтернативного истинному), когерентность (согласованность в системе знаний, включая отношение истинной теории к исследуемой), проективность (способность истинного знания к прогрессивному сдвигу проблем, расширению базисной теории), конструктивность (показатель существования и способ утверждения идеальных объектов), инвариантность (независимость от конкретной системы преобразований) и т.п.

Истину в разных концепциях можно рассматривать как непосредственно интуитивно (знание-знакомство у B. Rassel), как сопоставление предложений языка-объекта и метаязыка (A. Tarsky), теории и фактов (верификационизм, фальсификационизм, т.е. знания, основанные на том или ином истолковании практики). Короче, всякий раз соответствие знания реальности каждый раз устанавливается по-своему, что придает специфический смысл понятию истины. В качестве критерия истины всегда выступает некоторая норма, с помощью которой и определяется истинность знания. И все же соотношение всех этих концепций имеет место в рамках некоторой нормы (см. таблицу 3).

Таблица 3. Основные концепции истины.

Название концепции	Сущность концепции	Критерий истинности
• Корреспондентная	Соответствие действительности	Практика
• Когерентная	Соответствие знанию, достоверность не вызывает сомнений	Логика
• Прагматическая	То, что приносит результат	Эффективность
• Феноменологическая	То, что имеется в наличии	Очевидность
• Доксическая	Соответствие общему мнению, консенсуальность	Правдоподобие
• Дескриптивная	Особый тип философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том	Рефлексивное самоопределение (позиционирование)

	«свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости	

В *корреспондентной теории истины* в качестве критерия выступает практика, однако она не всегда является универсальным основанием его оценки. Часто знание весьма далеко от своего практического применения, а иногда вообще не находит отражения в оценках истинности: имеется в виду конкретное знание и конкретная практика.

В *когерентной концепции истины* знания должны соответствовать определенным нормам их выведения, и в то же время в рамках этого подхода остается не ясным, почему должна использоваться та, а не иная система норм и критериев.

В *прагматической концепции истины* в качестве ведущего критерия выступает утилитарный, т.е. истинно то, что приносит результат. А результат, как известно, явление временное: казавшееся результативным сегодня – завтра может оказаться тупиком.

В *дескриптивной концепции истины* процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии, описательного сравнения результатов разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием ограниченности познания и его бесконечности. Такая логика дескриптивного обоснования истинности знания на данной ступени развития человечества представляется наиболее приемлемой для развития идей диатропики и интегративной эклектики.

В какой степени знание может предшествовать жизненной практике? Многие исследователи считают, что знание порождается жизненным практикой: мы наблюдаем окружающий нас мир и на этой основе приходим к знанию о нем. Однако есть ли что-либо в нашей природе, что дает нам знания о мире до момента соприкосновения с ним? Философы отвечают на этот вопрос в основном

положительно. Такого рода знание должно предполагать наличие механизмов мышления и восприятия. Например, очевидно, что дети обучаются языку не только посредством речи и слушания. Существует много подтверждений того, что они могут говорить, используя внутренне присущие им модели проверки того, что они слышат.

В какой степени наши знания могут быть познаны? Дискуссия по этому вопросу продолжается сотни лет. Исследователи, придерживающиеся точки зрения о познаваемости объективных знаний, признают, что здесь они пока не достигли полной истины. Релятивисты же считают, что объективное знание не достижимо в принципе, т.к. не существует такой универсальной реальности, которую можно понять до конца.

Посредством, каких процессов обретается знание? Можно выделить четыре позиции по сути данного вопроса. *Рационалисты* полагают, что знание возникает в восприятии. Мы переживаем, мир и в буквальном смысле видим, что происходит. *Прагматики* считают, что люди формируют знания из чисто прагматических соображений жизни. Люди проецируют себя на то, что они испытывают. *Конструктивисты* думают, что феномены окружающего мира можно продуктивно концептуализировать разными способами. Знание рождается из того, чем человек занимается в мире. Наконец, *социальные конструктивисты* утверждают, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах, т.е. реальность конструируется как продукт групповой и культурной жизни.

Как лучше познается знание – целостно или по частям? Представители гештальт традиции считают, что истинное знание целостно и несводимо к составляющим его частям. Все феномены его в высокой степени взаимосвязаны и оперируют как системы. Аналитики же, придерживаются взгляда, что знание предполагает понимание обособленного функционирования частей.

В какой степени знание эксплицитно? Другими словами представлено ли оно в опыте? Одни считают невозможным познание того, что не представлено в опыте. Другие считают, что большая часть знания является латентным, что оно оперирует на основе чувствительности к тому, что не осознается и что, следовательно, не может быть выражено. Такое знание определяется как тацитное (от латинского tacit – молчаливое, безмолвное). Третьи полагают вполне познаваемым то, что базируется на ощущениях.

Эпистемологические выводы, которых придерживаются исследователи, лежат в основе методологии научного исследования, *мировоззрений*. Применительно к области психологии последние можно свести к двум типам, определяемым Литтлджоном (Littlejohn, 1994, с. 32) как ***Мировоззрение I*** и ***Мировоззрение II.***

Мировоззрение I основывается на идеях эмпиризма и рационализма. Она относится к реальности, как отличной от человеческого бытия, как к чему-то, открываемому людьми вне себя, как к реальности объективной, познаваемой, доступной подготовленному исследователю.

Для данной позиции важнейшей является категория открытия: мир ожидает постижения себя учеными. ***Мировоззрение I*** часто определяется как *приобретенный взгляд*. Важным аспектом его является объективность и точность определения операций, используемых в ходе наблюдения за изучаемыми событиями. В рамках этой традиции работает физическая наука, в рамках психологии – подходы, основывающиеся на позитивистской методологии.

Мировоззрение I стремится к установлению закономерностей исследуемых феноменов, вырабатывает обобщения, сохраняющие свою истинность во времени и в различных ситуациях, пытается выявить что представляет исследуемое явление и как оно функционирует. Для ученого с таким мировоззрением характерен высокий уровень аналитичности, строгости в определении каждого элемента и субэлемента изучаемого объекта.

Традиция ***мировоззрения II***, по сути конструктивизм, относится к миру вещей как процессу, а к людям – как активно участвующим в построении субъективной структуре знаний. Мир вещей существует вне индивида, но он обладает способностью их концептуализации многообразными способами, а в процессе взаимодействия между познающим и познаваемым возникает знание – результат открытия, таким образом приобретает изучение перцептивных и интерпретативных процессов.

Традиция Мировоззрения II не пытается открыть универсальные законы, она описывает его богатейший бытийный контекст, в котором живет и оперирует индивид, она интерпретирует индивида и стимулирует его.

В контексте рассмотрения психологического познания особый интерес представляет анализ эволюции пяти познавательных моделей, предложенных Ю. Чайковским (1993: 105-111).

Ю.В. Чайковский подчеркивает, что в каждую эпоху обычно господствует одна – две модели, образующие ядро познавательных средств эпохи, тогда как остальные составляют в это время периферию познания. Схоластическая модель рассматривает природу как божественную книгу; механическая – как машину; статистическая – как совокупность балансов; системная – как целостный живой организм, диатропическая – рассматривает природу и общество как совокупность уникальностей.

Возможно, для понимания развития научного познания данную типологию можно дополнить моделью синкретической, представляющей как бы исходную точку в эволюции познания, когда знание представлено как синкретическое целое, без вычленения каких либо областей знания или прототипичных моделей. Происходит своеобразное нащупывание некоторых обобщений, тенденций, повторений без какого либо общеобразующего фундамента. Примером подобного рода познавательной модели может служить философия древнего мира, своеобразная праматерь всех наук.

Диатропическая познавательная модель предполагает смещение акцентов в сторону рассмотрения природы и общества с позиций множественности, разнообразия, одновременного сосуществования иногда диаметрально противоположных, подходов к анализу явлений социального и физического мира, что дает возможность находить новые аспекты и грани, синтезировать и объединять их друг с другом, находить общее, выстраивать линию познания.

В рамках философии и методологии научного познания не менее важный аспект представляет онтология.

Онтологические основания.

Онтология является областью философии исследующей природу бытия или, более узко, природу феноменов, которые мы стремимся познать (Gergen, 1985). Фактически эпистемология и онтология неотделимы друг от друга, т.к. наше понимание знания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и особенно в социальной, онтологический аспект в большей степени связан с природой человеческого существования. Все психологические подходы или парадигмы в явном или неявном виде базируются на достижениях в области познания человеческого бытия, онтологического аспекта реальной действительности.

Что есть реальность? Представлена ли реальность в сознании? Является ли человеческое сознание независимым от деятельности мозга? Существует одна реальность (монизм), две (дуализм), или множество реальностей (плюрализм)? Если есть две и более реальностей, как они сосуществуют друг с другом, как влияют они друг на друга? Является ли объектом исследований психолога активность сознания или таковым является социальное поведение, взаимодействие и т.п.? В какой степени человек обладает реальным выбором? Как лучше понимать человека – с позиций анализа его состояний или черт? Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании – индивидуальные или социальные? В какой степени контекстуализировано поведение личности? Ответы на эти и другие вопросы определяют исследовательскую позицию, принадлежность к той или иной психологической традиции, парадигме. Попытаемся представить спектр возможных, зачастую альтернативных подходов современной психологии.

Что есть реальность и сколько реальностей существует? В логике *монизма* реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство, универсум. По замечанию М. Вертгеймера (Wertheimer, 1972), монизм приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная реальность понимается либо как физическая (материализм), либо как мыслимая (объективный идеализм). Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов «мышление» сводится к простой активности мозга. Идеалисты считают, что мысль (идея у Платона) являет собой фундамент всех наук. Переживания, сознание, осведомленность априорны по отношению к мозгу. Единственным доступным миром является мир переживаний. Материалистический подход к психологическим феноменам сегодня обладает большим влиянием, тем не менее, применительно к таким категориям, как «опыт», «осведомленность», «сознание» более продуктивным является использование идеалистического подхода.

В логике дуализма утверждается существование двух фундаментальных порядков, двух универсальных реальностей – физической и психической. Каждая из них обладает своим статусом – наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и влияние физической реальности. Как они существуют? Независимо одна от другой? Если они влияют одна на другую, то каким образом? В соответствии с *интеракционистским подходом* психи-

ческое влияет на физическое, и наоборот. При кажущейся приемлемости такого вывода возникает вопрос, как нематериальная психическая система может выступать в роли причинообусловливающей в отношении физической и наоборот, и где находится локус этого взаимодействия? В *психофизиологическом параллелизме* утверждается тезис о независимом, параллельном сосуществовании двух реальностей. Центральной проблемой здесь выступает некий предустановленный, координирующий и синхронизирующий механизм, регулирующий взаимоотношения обеих реальностей. В *эмерджентизме* независимое сосуществование психического и физического признается лишь при том условии, что первое является продуктом второго, но продуктом, приобретающим иное качество. Особой разновидностью эмерджентизма выступает *эпифеноменализм*, рассматривающий психическое как бипродукт активности мозга, но продукт, обладающий причинной действенностью и независимым статусом. В отличие от эмерджентизма, претендующего на выход за рамки материализма, эпифеноменализм является разновидностью последнего.

Плюрализм утверждает, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. Он принимает существование физического и психического, но не признает, что они исчерпывают все возможности. Обсуждая проблему онтологического плюрализма Маккормак (MacCormac, 1990) утверждает, что понятия не всегда являются порождением только мозговой активности (с. 417); его причинные источники могут быть весьма разнообразны. Онтологический плюралист считает, что могут существовать фундаментально отличные типы осознания действительности, не подчиняющиеся известным правилам (Viney, 1994, с. 31). Плюралистический подход в последние годы завоевывает все большую популярность, но порождает и много проблем, главная из которых сосуществование этих реальностей друг с другом. Например, классический дуалист пытается установить, как взаимовлияют дух и тело, классический теист сражается за проблему теодосии (отношения бога к миру; дословно, оправдание Бога, т.е. праведное всемогущество Бога в мире) и т.п.

Основной вариацией онтологического плюрализма является *атрибутивный плюрализм*. Он предметом своего рассмотрения делает анализ взаимоотношений между объектом и словом, используемым при описании объекта. Согласно этому подходу люди, как пользователи слов, имеют возможность атрибутирования объекту

ряда качеств. Например, на вопрос о том, что представляет собой закат?: физик ответит по-своему, физиолог и психолог - по-своему, поэт привнесет свои нюансы, монист и плюралист, опять-таки выскажут суждения.

В какой степени человек обладает реальным выбором? Практически все исследователи сходятся в том, что человек обладает свободой выбора. Детерминисты, однако, утверждают, что его поведение детерминировано множеством предшествующих условий, люди в своем поведении и пассивны и реактивны. Прагматисты усматривают в человеке целенаправленный, планируемый характер поведения. Люди принимают решения, обладают активным бытием, влияют на свою собственную судьбу. Есть и другой подход, утверждающий, что человек обладает свободой выбора в ограниченном числе ситуаций, что некоторые типы поведения детерминированы, некоторые являются результатом свободной воли.

Как лучше понимать человека - с позиций анализа его состояний или черт? Широкий спектр походов к данному вопросу предложен Андерсеном (Andersen, 1986) и Первиным (Pervin, 1990), которые утверждают, что характер человека динамичен проходя через множество состояний на протяжении дня, года, всей жизни. Меняются сами, меняется образ мышления. Сторонники, скажем, доминантного подхода того положения, что в человеке какие-то черты главенствуют, доминируют, придерживаются позиции предсказуемости поведения людей, т.е. что люди в большей своей части все же статичны. Есть сторонники синтетического подхода, полагающего значимость, как состояний, так и черт характера по отношению к поведению.

Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании - индивидуальные или социальные? Многие психологи придерживаются персоноцентрического, или индивидного подхода, к человеку. Признавая тот факт, что люди не могут быть изолированы друг от друга и что категория взаимодействия является важной для понимания специфики человеческого поведения, они объясняют его прежде всего личностными детерминантами, атрибутами. В качестве единицы анализа поведения для этих исследователей выступает индивидуальная человеческая жизнь. Другие придерживаются приоритета социальной жизни как единицы анализа: человека можно понять только во взаимоотношении с другими людьми, группами, культурами. Этот подход особенно характерен для интеракционистской традиции в психологии (Pervin, 1990).

В какой степени контекстуализировано человеческое поведение, т.е. регулируется ли оно некими универсальными принципами или исключительно ситуационными факторами? Одни считают, что человеческая жизнедеятельность определяется универсальными факторами; другие – что поведение в высокой степени контекстуализировано и какие-либо обобщения вне конкретной ситуации сделать довольно трудно. Представители синтетического подхода придерживаются значимости как личностных, так и ситуативных факторов. Применительно к социальной психологии водораздел по данному вопросу проходит между бихевиористами и когнитивистами, интеракционистами и т.д. Так же присутствует и объединительная традиция, подчеркивающая значимость как ситуативных, так и личностных детерминант взаимодействия.

Такая многоаспектность человеческого поведения, рассматриваемая через призму эпистемологического и онтологического аспектов, демонстрирует различные возможности реализации того или иного построения в рамках конкретного психологического вмешательства, а следовательно напрямую связано с аксиологическим или этическим аспектами.

Аксиологические основания.

Аксиология представляет собой область философии, изучающую ценности. В сфере психологического знания для нее актуальны следующие вопросы:

Обладает ли исследователь свободой воли? Безусловно! Классическая наука придерживается точки зрения, что исследователи нейтральны в своих попытках получения фактов, такими как они представлены в реальном мире. Если ценности исследователя начинают сказываться на результатах его работы, то имеет место несовершенная наука, не обладающая объективной методологией исследования. Свобода воли означает свободу выбора исследователя, но подчиняется таким метаценностям, как истина, объективность, ценность науки как таковой. Другие утверждают, что наука не обладает свободой воли в принципе, т.к. исследовательский поиск направляются интересами ученого как члена научного сообщества в проведении определенного рода исследований.

С другой стороны, что исследование никогда не может обладать свободой воли ни в методе ни по существу. Исследователь выбирает то, что он будет изучать, но этот его выбор уже детерми-

нирован как личностными, так и институциональными ценностями. На выборе вольно или не вольно сказывается влияние правительства, учреждения, финансирующего исследования, политика, идеология, культура и т.п.

В какой мере процесс проведения исследования воздействует на полученные результаты? Традиционно признается, что наблюдения ученого точны и объективны, во всяком случае должны быть таковыми независимо от результатов, к которым они приводят. Критики выражают сомнения в верности подобного утверждения. С их точки зрения, наблюдение по самой своей природе искажает наблюдаемый объект. В одном случае это искажение велико в другом нет, но оно всегда присутствует.

Знание само по себе влияет на ход человеческой жизни и заметно на самого – на самого человека. Иллюстрацией сказанному является происшедшая ценностная переоценка у многих ученых – ядерщиков после применения атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки.

В какой мере исследователь должен добиваться позитивных социальных изменений? Многие считают, что миссия ученого в продуцировании знаний, а дальше уже дело техников и политиков. Другие в корне не согласны с таким подходом: ученый должен всячески стремиться к позитивным изменениям в жизни.

В плане аксиологии правомерно обсуждать и такие вопросы: обладает ли человеческое бытие имплицитной моралью (т.е. какие мы от рождения – хорошие, плохие, нейтральные?). Что составляет адекватное объяснение? Какие формы анализа наиболее пригодны к психологическим феноменам? Эти и другие вопросы можно обсуждать и обсуждать. Диатропическое многообразие дает возможность схватывать множество оттенков социальной реальности, и в частности, психологических феноменов.

Роль метатеоретических метафор в развитии психологического знания

Культурно-исторический контекст развития психологических представлений, находящий свое выражение в их трансформации, смене представлений, теоретических моделей и приоритетов, создает основания для констатации их зависимости от сформировавшихся в общественном самосознании культурных аналогий или

метафор. Рассмотрение такого рода полезно по причине динамики изменений взглядов на социальную природу и сущность человека. В этом смысле присутствуют как бы две линии познания. Первая связана с традиционным для эмпирической психологии стремлением к открытию универсальных, внеисторичных законов, постижения сути вещей таковой, какая она есть. Однако такая логика сталкивается с большей объемностью социальной феноменологии и отсутствия непосредственного доступа к ней. Единственной возможностью познания здесь является выстраивание предположений, основанных на косвенных проявлениях универсальной реальности, с неизбежным отбором наиболее репрезентативных ее проявлений, достраиванием тех пробелов, которые присутствуют в любой реконструкции. Отсюда – значимость гипотетических моделей социальной сущности на основе косвенных аналогий или культурных метафор.

Другая линия рассуждений, связанная больше с традициями социального конструктивизма, исходит из постулата принципиальной непостижимости универсальной сущности, конструируемости ее посредством значений, поставляемых культурой, культурно-исторических метафор, в качестве своеобразных проводников для построения теоретических моделей изучаемой феноменологии.

Само понятие «метафора» (от др. греч. metaphora – перенос) определяется как оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения, часто ассоциируется с аналогией, иносказанием. В психологическом контексте оно определяется как выведение, расширение, перенос одной реальности дискурса или содержания на другое, более яркое, вспоминающееся [Reber, 1995, с. 19], т.е. нечто большее, чем образ, способствующий более глубокому пониманию и видению. Метафора требует способности отражения вопроса за его рамками для образования его возможной связи с чем-то другими для понимания чего-то сложного более отчетливо и быстро сравнивая его чем-то хорошо известным и понятным.

В методологическом аспекте понятие метафоры было использовано П. Рикером (P. Ricouer) в его противостоянии позитивизму с помощью разработанной им теории метафорической истины (1977), которая, суть метафорическое рассуждение, обладающее творческим характером. Исследуя параметры человеческой активности, он разработал метод герменевтической рефлексии.

Метафоры играют особую роль в процессе создания нового видения проблемы. Они сцеплены со временем и культурой. По мнению Дака, им принадлежит решающая роль в творческом расширении мышления, значений и понимания, зависящих от контекста, в котором это расширение имеет место» (Duck, 1994, с. 21-22). Автор подчеркивает: «Мы все используем язык для проведения исследований, и этот язык структурирует исследование, расширяя и ограничивая процесс размышлений об исследовании.» (там же, стр. 32). Эти структуры информируют и ограничивают процесс рассмотрения феномена. Каждый видит феномен в соответствии с исходной точкой зрения и относительность различных точек зрения может помочь нам увидеть что-то фундаментально важное» (там же, стр. 33).

Проблема метафоризации научного сознания достаточно очевидна при проведении сопоставительного анализа вновь сконструированных теоретических моделей, ставших приоритетными в общественном сознании. Каждое уже свершившееся великое открытие в области естествознания или просто культурно-историческое явление неизбежно становятся своеобразной метафорической аналогией для построения соответствующих теоретических моделей в психологии.

В.С. Степин в этой связи отмечает, «в процессе становления и развития картины мира наука активно использует образы, аналогии, ассоциации, уходящие корнями в практическую деятельность человека (образы корпускулы, волны, сплошной среды, образы соотношения части и целого как наглядных представлений и системной организации объектов)» [Степин, 1989, с. 10].

В истории психологии реально просматривается ряд таких общекультурных метафор: синкретическая – многобожество, схоластическая – Священное Писание, механическая – часы, статистическая – бухгалтерский отчет, энергетическая – закон сохранения энергии, системная – баланс, кибернетическая или компьютерная, гендерная, синергетическая и более частные, каждая из которых обусловливала соответствующие теоретические модели (энергетическая модель личности З. Фрейда, компьютерные модели в когнитивной традиции т.п.). Именно общекультурные метафоры выступают, в силу отсутствия непосредственного доступа к исследуемой реальности, в качестве аналогий для интерпретации психологической феноменологии, определяя ассоциативное поле исследователя, создавая предпосылки для теоретического многообразия.

Общекультурная метафоризация психологического знания, возможность множественной интерпретации изучаемого феномена сопряжены с проблемой влияния личности исследователя на выбор методологии, ход исследования и интерпретацию его результатов.

Глоссарий
Аксиология *– область философии, изучающая ценности (истины, добра и красоты). Аксиологический аспект познания связан, прежде всего, с обсуждением роли этических принципов в научном познании. В его рамках обсуждается вопрос, имеет ли право ученый вмешиваться в жизнь, не имея исчерпывающего представления о последствиях такого рода вмешательства.* ***Априорность*** *означает предшествующее знанию. Примером априорного знания является утверждение типа - мы не можем существовать и не существовать одновременно. Применительно к психологическому познанию априорность означает наличие своеобразного предзнания, например, структур зрения, определяющих предметность восприятия, без которых человек просто не в состоянии различать отдельные предметы.* ***Апостериорность*** *означает постшедствующее знание. Со времен Канта и по сегодня, апостериорность определяется как знание, основывающееся на эмпирическом опыте. Применительно к психологическому познанию примером такого знания является научение.* ***Диатропика*** *– учение о многообразии. Диатропическая познавательная модель предполагает смещение акцентов в сторону рассмотрения природы и общества с позиций множественности, разнообразия, одновременного сосуществования многих, иногда диаметрально противоположных, подходов к изучению и рассмотрению явлений социального и физического мира, предоставляющих возможность многозначности трактовок, способствующих нахождению новых, зачастую недоступных какому-либо одному подходу, аспектов и граней, их синтезу.* ***Дуализм*** *– философская доктрина, утверждающая существование двух фундаментальных порядков, универсальных реальностей – физической и психической. Каждая из этих реальностей обладает своим статусом – наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и влияние физической реальности. Дуализм в психологии выражается в соотношении физиче-*

ского и психического, биологического и социального.

Когерентность *– согласованность высказываний системы или систем знания, включая отношение истинной теории к исследуемой.*

Конструктивизм *– устанавливает то, что люди формируют знания для прагматического функционирования в жизни, они как бы проецируют себя в то, что испытывают. Конструктивисты считают, что феномены окружающего мира могут быть продуктивно концептуализированы многими способами. Знание представляет то, что человек делает в мире. Наконец, еще более решительный шаг предпринимают социальные конструктивисты, утверждающие, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах.*

Монизм *– философская доктрина утверждающая, что реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство. Все принадлежит всему остальному – представляет универсум. Монизм приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная реальность понимается либо как физическая (материализм), либо как мысленная (идеализм). Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов «мышление» сводится к активности мозга. Идеалисты считают, что умственное являет собой фундамент всех наук.*

Онтология *– область философии, исследующая природу бытия или более узко природу феноменов, которые мы стремимся познать. Фактически онтология неотделима от эпистемологии, т.к. наше понимание знания и познания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и особенно в социальной, онтологический аспект в большей степени связан с природой человеческого существования.*

Плюрализм *– философская доктрина, утверждающая, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. В психологии плюрализм проявляется в существовании разных (зачастую альтернативных друг другу) традиций, по-разному трактующих одни и те же феномены и явления.*

Рационализм *– доктрина, провозглашающая априорность обоснований или внутренне присущих идей. Рационалисты утверждают, что мышление обладает своими внутренними организующими принципами, фильтрующими и перестраивающими ин-*

формацию, поступающую от органов чувств, активность мышления, его способность формировать понятия не представленные в чувственном опыте.

Тацитность *знания (от англ. tacit – безмолвный, молчаливый) – философская доктрина, утверждающая, что большая часть знания является скрытой, не осознаваемой и не выражаемой.*

Теория социально-психологическая *– совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования; взаимоотношения между индивидами и социальной структурой.*

Фальсифицируемость *– установление ложности положения, альтернативного истинному. В соответствии с утверждениями Поппера, знание, не фальсифицируемое, не может признаваться истинным, т.к. оно как не доказуемо, так и не опровергаемо. Примерами такого рода знаний Поппер определял марксизм и психоанализ.*

Эмпиризм *– доминировавшая в естествознании на протяжении многих десятилетий доктрина, провозглашающая единственным основанием знания факты, основанные на наблюдении и представляющие объективную реальность.*

Эпистемология *– (от греческого episteme – понимание или знание). В философии – область знания, занимающаяся изучением познания. Эпистемологи пытаются найти ответы на вопрос о том, на основании чего люди приходят к выводу о том, что они знают.*

Вопросы для обсуждения

1. В чем необходимость теоретического доказательства в социальной психологии?

1. Охарактеризуйте основные функции теории?
2. Что означают понятия валидности и надежности по отношению к теоретическому доказательству?
3. Что подразумевается под эпистемологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области эпистемологии и в чем сложность однозначных решений по ними?
4. Что подразумевается под онтологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области онтологии и в чем сложность нахождения однозначных реше-

ний по ним? 5. Что такое аксиология? Какие вопросы рассматриваются в области аксиологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ними?
Для дополнительного чтения
1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998. 2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М.: ЧеРо, 1997. 3. Ломов Б.Д. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. 4. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10–30–ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: МГУ, 1992. – 364 с. – С. 47–78. 5. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СП б: Изд-во «Речь», 2003. 6. Первин Л., Джон О. Психология личности: теория и исследования / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2000. 7. Перспективы социальной психологии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 8. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 9. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учеб. пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. 11. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987. 12. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / Под ред. А.Д. Наследова. – СП б: Изд-во «Евразия», 2002. 13. Юревич А.В. Социальная психология науки. – СП б: Изд-во РХГИ, 2001. 14. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск: Бестпринт, 2000.
Основной источник
1. Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методоло-

гии, истории и теории. – СП б: ИГУП, 1999.

ГЛАВА IV. ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Существующее в современной социальной психологии многообразие подходов и традиций, часто придерживающихся диаметрально противоположных методологических позиций в отношении тех или иных явлений, ставит перед заинтересованным читателем несколько проблем: 1) В чем причина этого многообразия? 2) Почему, при казалось бы, обоснованной аргументации верности той или иной позиции она не становится общепризнанной и единственно верной? 3) Почему в разных традициях используются разные исследовательские инструменты и способы теоретического доказательства? 4) Почему существуют разногласия? Эти и множество других вопросов стимулируют поиск ответов на них, предполагая не просто отсылку к соответствующим аргументам и фактам, поразному воспринимающимся оппонирующими сторонами, но и объяснений, понятных участникам диалога, и взаимоприемлемых решений.

Такого рода диалог может стать продуктивным при четком определении предмета разногласий и спектра позиций. Наиболее продуктивным в данном вопросе является понятие парадигмы, широко используемой в методологии науки.

Понятие парадигмы и его психологическая специфика

Использование понятия парадигмы представляется целесообразным прежде всего по соображениям его широкого распространения в научной литературе, определения параллельных, многомерных тенденций в рамках различных психологических традиций.

Понятие парадигмы ассоциируется в философии науки с работой Т. Куна «Структура научных революций» (1970), в которой он утверждает, что определенные научные работы, такие, как «Принципы, или новая система философии химии Джона Гальтона», представляют законченную систему: ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ (Blackborn, 1996, с. 276). Нормальная наука исходит из такого рода построений или парадигм, включающих ряд

фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимается «коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени» (Reber, 1995, с. 534). Одни из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфические, ограниченные области знания.

Парадигма столь же существенна для науки, как и наблюдение, она определяет мировоззрение исследователя, ориентирует его в проблемной области, вооружает понятийным и инструментальным аппаратом, предоставляет возможность диалога с научным сообществом по существу. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функции – в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Одни проблемы и решения, представлявшиеся ранее как ключевые, могут быть объявлены несообразными или ненаучными, другие – отнесены к иной проблемной области.

Новая, радикальная теория никогда не будет, по мнению Куна, приращением к существующим знаниям, она меняет основные правила, требует решительного пересмотра фундаментальных допущений прежней теории, проводит переоценку существующих фактов и наблюдений. Не останавливаясь на расшифровке уже представлявшегося в разделе, посвященном развитию научной теории, процесса смены одной парадигмы другой посредством научной революции, отметим, что сегодня как в естествознании и философии, а также в психологии, в частности, формируются предпосылки новой научной революции, ставящей под сомнение одномерную логику развития Куна. В данном контексте мы вполне согласны с аргументацией П. Фейерабенда, подвергающего сомнению доводы Куна в отношении нормальной науки: «Кун не только признает, что множественность теорий изменяет стиль аргументации, он также приписывает этой множественности определенную функцию ..., что опровержения без альтернатив невозможны ... подробно описывает, каким образом альтернативы увеличивают

значение аномалий и тем самым подготавливают научные революции» (Фейерабенд, 1986, с. 122).

Сам Кун относил область социальных наук и социальную психологию, к пред-парадигмальным в силу отсутствия у различных традиций единого смыслово-понятийно-инструментального поля. Однако впоследствии он выделил два основных компонента парадигмы: частные случаи (exemplars) и «дисциплинарные матрицы» (disciplinary matrices). Последние представляют собой решение конкретных задач, оформленное в понятиях и принимаемые группой работников данной научной дисциплины в качестве символического обобщения ее проблем. Дисциплинарная матрица – это «общие представления в данной профессиональной области», содержащие символические обобщения, модели и примеры (Kuhn, 1970, с. 463). Как перефразирует это Суппе, дисциплинарная матрица содержит все общие элементы, которые необходимы для относительной полноты профессиональной коммуникации и для анонимности профессионального суждения (Suppe, 1974, с. 495).

Х. Айзенк (1993, с. 10) адаптирует понятие парадигмы применительно к психологии, определяя ее как «теоретическую модель, разделяемую большинством работников в данной области, включающую согласованные методы исследования, принятые нормы доказательства и опровержения и процедуры экспериментальной проверки». Учитывая, что сам Х. Айзенк является последовательным представителем экспериментальной парадигмы, которая не является единственной в многообразии психологического знания, считаем нецелесообразным включение в рабочее определение парадигмы понятия «экспериментальная проверка». Это обусловлено тем, что лишь незначительную часть феноменологии социального бытия личности и ее окружения можно проверена экспериментально. Более того, экспериментирование в социальной психологии и персонологии с неизбежностью приводит к препарированию, дискретизации и статизации живого человеческого бытия.

Мы будем исходить из следующего определения, согласно которому парадигма есть – коллективно сформированное на основании конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научное психологическое мировоззрение в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающее согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяс-

нения исследуемой феноменологии, норм и процедур доказательства научности получаемого знания, его верификации, а также процедур и техник исследования. Это определение является наиболее пригодным для разведения укоренившихся в психологии традиций, имеющих оригинальный подход к актуальной для современной психологии проблематике, поскольку оно во-первых, включает элемент онтолого-эпистемологической детерминированности психологического мировоззрения, определяющей специфику объекта, предмета и метода исследования, логику описания и объяснения полученного знания; во-вторых, включает элемент конституированности мировым психологическим сообществом и временной привязки к конкретной культурно-исторической ситуации, определяющей общекультурные метафоры и аналогии, привлекаемые исследователем к теоретической интерпретации; в-третьих, согласованный ряд основоположений, выступающих в качестве аксиом и постулатов выведения теоретического знания и обоснования его последовательности и доказательности; в-четвертых, способы верификации полученного знания в контексте соотнесения полученного знания с фрагментом исследуемой реальности и ее репрезентантами; в-пятых, метод исследования, во многом определяющий как характер получаемой информации, так и ее интерпретацию.

Одни парадигмы обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания. Психологические парадигмы как бы определяют своеобразный тип психологической ментальности, сложившийся в рамках конкретного научного сообщества, объединенного под эгидой соответствующей методологической или теоретической традиции, школы и т.п. Они детерминирует методологию и технику исследования, тип описания или объяснения, характер и направленность интерпретации психологической феноменологии.

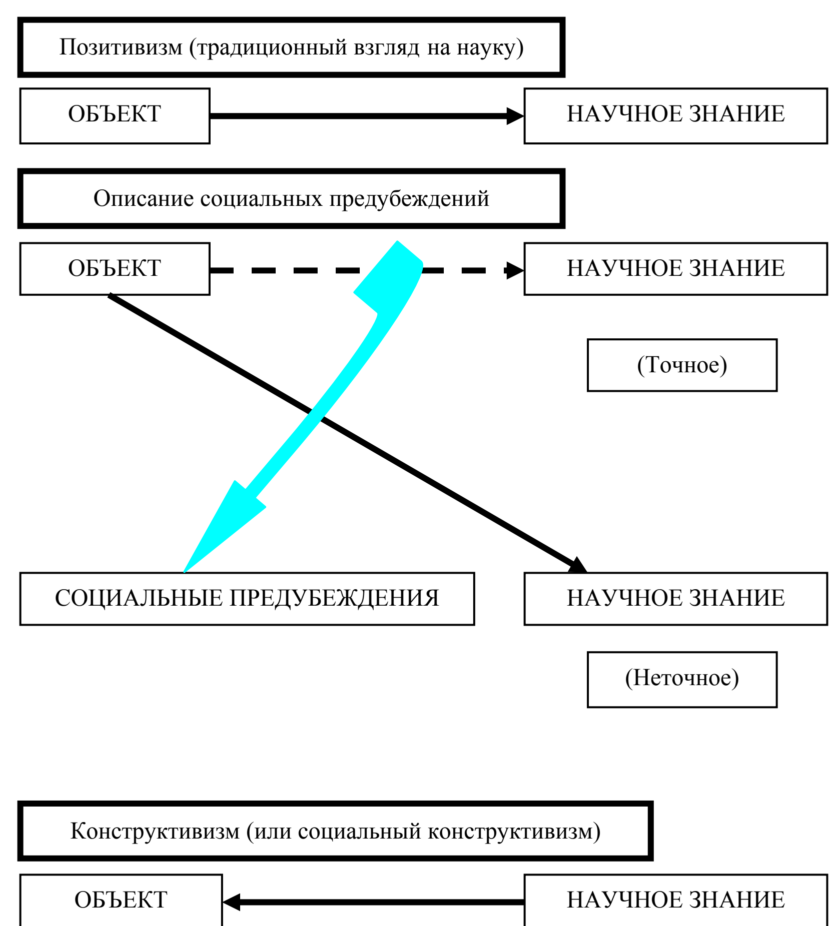
Парадигма столь же важна для науки, как и наблюдение, она определяет мировоззрение исследователя, ориентирует его в проблемной области, обеспечивает понятийным и инструментальным аппаратом, предоставляет возможность диалога с научным сообществом по существу данной проблемы. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функции – являются утверждениями о природе реальности, они определяют проблемное поле, устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений.

Сложность выбора парадигмы обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, самоопределением в исследовательских приоритетах – следованием обязательным нормативам научности или выходом за их рамки во целях приближения к реальной жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования.

Разноуровневость парадигм, конституированных в психологическом знании, ставит проблему их иерархизации. Одна из таких иерархий, построенная по критерию общих типов когнитивных схем, предложена А.В. Юревичем [1999], выделяющим метатеории, парадигмы, социодигмы и метадигмы. С нашей точки зрения, применительно к различным традициям и подходам, сформировавшимся в психологическом знании оправданной является двухзвенная иерархия – метапарадигм и парадигм. К первым отнесем ***глобальные системы парадигмальных координат, приближающиеся к теориям познания и охватывающие различные традиции и подходы на общеметодологическом уровне***, ко вторым – более частные, содержащие интегрированную сумму представлений по наиболее фундаментальным категориям.

В общем плане – на уровне метапарадигм – можно выделить позитивистски-ориентированную систему парадигмальных координат, признающую в принципе возможность получения объективного знания; подход социальных предубеждений (или критический), в целом придерживающийся позитивистских постулатов, но признающий существование научных предубеждений, требующих разработки особых инструментов их снижения и социально-конструктивисткую систему парадигмальных координат, исходящую из посылки о принципиальной невозможности получения объективного знания, т.е. о социальной конструируемости окружающего мира. Отличительные особенности перечисленных парадигм представлены в схеме 1.

Схема 1. Метапарадигмы психологического знания.

Приводится по: (Pigeon, Henwood, 1998, с. 248).

Глобальный характер метапарадигм проявляется в том, что они, по существу, пронизывают разные системы парадигмальных координат, определяя отношение к объекту научного знания и к способу познания, наконец, к методу исследования. Определяющий характер метадигм по отношению к развитию психологического познания проявляется в том, что зафиксированные в них нормы и

эталоны интериоризируются исследователями и на протяжении достаточно длительного периода выступают в роли абсолютных истин, направляющих характер исследовательской деятельности и отношение к альтернативным способам познания и объяснения, часто выражающееся в конфронтационном неприятии. При этом сам объект – социальное бытие личности и ее окружение – превращается в препарированный объект науки, лишенный многообразия реальных жизненных проявлений. Верификация этого объекта осуществляется не с его реальными проявлениями, которые не вписываются в жесткие рамки позитивистской схемы, а с его абстрактными репрезентациями.

Приверженность научной позитивистской ортодоксии связана со слишком дорогой платой – потерей целостности понимания. Прогрессирующее дробление предмета исследования ведет к узкой специализации и в результате – к утрате контекста. Сущность социально-психологической феноменологии, наоборот, требует умения восстанавливать этот контекст, более того, включать его в работу, буквально «держать под рукой». В противном случае от нас ускользает само качество психического. В естественнонаучной логике идеалом является умение предсказать некое явление, основываясь на законе, которому оно подчиняется. Стремление предсказывать неизбежно сдвигает исследователя к изучению следствий из этой сущности, более поверхностных ее проявлений.

В контексте обсуждаемого метапарадигмального многообразия Бохнер (Bochner, 1985, с. 39) вводит представление о трех уровнях научной методологии в социальных науках, в частности, в психологии, как соответствующих трем целям науки. Развернутую расшифровку их см в таблице 4.

Таблица 4. Уровни научной методологии в социальных науках

Перспектива	Эмпирицизм	Герменевтика	Критицизм
Цели:	предсказание и контроль	интерпретация и понимание	критичность и социальные изменения
Взгляд на феномены:	факты (внеисторические)	смыслы (контекстуальные)	ценности (исторические)
Функции:	подвести под закон	поместить в объяснимые рамки	просвещение и эмансипация

Каким образом производятся знания	объективирование (зеркальное)	путем наставлений (бесед)	рефлексия (критическое оценивание)
На основании чего выносится суждение об истинности:	фальсификация (Поппер)	экспертное подтверждение (Рикер)	свободный консенсус (Хабермас)

Приводится по : Bochner, 1985, с. 39.

Естественнонаучный уровень методологии здесь обозначен как эмпирицизм. Наиболее подходящей для социальных наук парадигмой на данном историческом этапе, по мнению Бохнера, является герменевтика. Представляя скорее некую эклектику способов научного мышления, Бохнер не заботится о выстраивании единой логики, обосновывая тезис о том, что ни один из них не может претендовать на статус безотносительно предпочтительного. Предпочтение герменевтики предполагает, на мой взгляд, ряд оговорок. Безусловно, она способствует «оживлению» психологической науки за счет включения интерпретационных процессов, имеющих место во внутреннем мире реального человека, одновременно, помогая освобождаться от элементов субъективизма. Но не следует, во-первых, впадать из одной крайности в другую – на поиски «нового универсального» подхода, а во-вторых – не следует отказываться полностью от достижений «объективной» психологии с ее скрупулезно разработанной процедурой эксперимента и наблюдения. Более корректным будет включение в анализ психологической феноменологии аспекта или элементов герменевтичности.

M.S. Poole и R.D. McPhee предложили классификацию способов объяснения и понимания – каузальные, конвенциональные и диалектические, которые выводятся из допущений о характере зависимости между исследователем и объектом исследования, предлагаемых форм объяснения и критериев, по которым они оцениваются, предположений о дальнейшем ориентире для исследования.

Каузальный способ объяснения исходит из допущения, что исследователь является независимым наблюдателем изучаемых феноменов. Причинное объяснение предоставляет ему преимущество в отношении определения конструктов, выделении причинных связей, проверки причинных гипотез. В перспективе исследователь должен адекватно описать изучаемый им объект. Конвенциональный способ объяснения также исходит из положения о независимо-

сти исследователя от объекта изучения. Вместе с тем допускает, что мир есть социальный продукт, а человек в нем, как его начальная точка. Объяснение состоит в демонстрации того, как испытуемые приноравливают свое поведение к соответствующим условиям: нормам, правилам, алгоритмам. В качестве результата уже нет необходимости в установлении причинности и обобщенности, достаточным считается подведение наблюдаемых феноменов под одну из уже известных объяснительных или поведенческих схем, которые могут быть проверены:

а) модельно – сопоставлением поведения, которое из них следует, с реальным поведением людей;

б) практически – проверкой того, действительно ли по ним может действовать обученный со стороны человек;

в) экспертно – прямым опросом испытуемых, имеют ли место выделенные правила или схемы.

Диалектический способ объяснения, как и конвенциональный, исходит из допущения, что объекты изучения заданы социально. При этом исследователь не считает себя независимым от исследуемой реальности, как при каузальном подходе, а рассматривает научное исследование как опосредующее взгляды исследователя и испытуемого, не предоставляя преимуществ ни одному из них. Диалектическое объяснение комбинирует аспекты причинности и условности.

Таким образом, каузальный подход ставит ударение на объективных силах, конвенциональный фокусируется на субъективности (или межсубъектности), диалектический – подчеркивает обусловленность субъективности (или межсубъектности).

В отечественной психологии Г.А. Ковалев (1987, с. 9) предложил различать следующие виды парадигм:

«Объектная» или «реактивная» парадигма, в соответствии с которой психика и человек в целом рассматриваются как пассивный объект воздействия внешних условий и продукт этих условий.

«Субъектная» или «акциональная» парадигма, основанная на утверждении об активности и индивидуальной избирательности психического отражения внешних воздействий, где субъект, скорее сам как бы оказывает преобразующее воздействие на поступающую к нему извне психологическую информацию.

«Субъект-субъектная» или «диалогическая» парадигма, где психика выступает в качестве открытой и находящейся в постоян-

ном взаимодействии системы, которая обладает внутренним и внешним контурами регулирования.

Психика же в этом случае рассматривается как многомерное и «интерсубъектное» по своей природе образование.

Эти виды парадигм соотносятся, по замыслу автора, с типами научной абстракции на уровнях общего (объектная), особенного (субъектная), единичного (диалогическая). Теоретические объяснения формулируются в виде, соответственно, законов, правил или актуальных гипотез.

Е.Л. Доценко обнаруживает несколько оснований, по которым можно ориентироваться в выборе метода исследования:

Отношение к *феноменам* – то, к какому классу относит их исследователь: к фактам, к результату истолкования реальности, вневременным смыслам, преходящим или устойчивым ценностям и т. д.

Цели, на которые ориентируется исследователь, – для чего будут использованы полученные знания: для объяснения, предсказания и контроля, истолкования и понимания или для оценки и внесения изменений в изучаемую реальность.

Характер знаний, которые исследователь намерен получить, – всеобщие законы, частные закономерности, ограниченные объяснительные схемы, едва намечаемые тенденции или единичные уникальные сведения.

Способ установления *истинности знаний* – аппаратная (внесубъектная) проверка, тщательное планирование экспериментов, экспертные суждения, личное участие, непосредственное переживание соответствующего опыта и пр.

Исходные *допущения* (представления, верования, убеждения) о том, как этот мир устроен, то есть мировоззренческие установки исследователя. В конечном итоге, они являют результат его философских предпочтений, базовые положения которых нередко носят аксиоматический характер и основаны на едва рефлексируемых верованиях [1997, с. 21-22]).

Несколько отличается подход А.В. Юревича, считающего, что «главный водораздел между различными метадигмами состоит в том, что они опираются на разные *типы рациональности,* которых, по мнению А. Кромби, человечество выработало не менее шести» [1999, с. 6]. По его оценкам, психология, «оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отобража-

ется в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие имеют социальные корни, кризис психологии как кризис психологического знания и способов его получения обусловлен преимущественно социальными причинами, это кризис не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом,* а потому может разрешиться только социальным путем» (там же, с. 8).

Соглашаясь с высказанной оценкой в целом, следует отметить, что кризис психологической науки является для нее перманентным и выход из него видится в поиске путей в системе взаимоотношений с обществом, аккумуляции общекультурных метафор, продуктивного диалога.

Приведенный выше анализ метапарадигмальных координат психологического знания позволяет констатировать наличие триады, каждый из элементов которой имеет свою уникальность в мировоззренческом и инструментальном аспектах.

Оценочные критерии соотнесения психологических парадигм

В общеметодологическом плане исчерпывающий анализ характеристик «добротной научной теории» предложен Т. Куном: «Во-первых, теория должна быть точной: следствия, дедуцированные из теории, должны обнаруживать согласие с результатами существующих экспериментов и наблюдений. Во-вторых, теория должна быть непротиворечива, причем не только внутренне или сама с собой, но также с другими принятыми теориями, применяемыми к близким областям природы. В-третьих, теория должна иметь широкую область применения, следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, законов и подтеорий, на которые ее объяснение первоначально было ориентировано. В-четвертых (это тесно связано с предыдущим), теория должна быть простой, вносить порядок в явления, которые в ее отсутствие были бы изолированы друг от друга и составляли бы спутанную совокупность. В-пятых, это менее стандартная, но весьма важная для реальных научных решений характеристика – теория

должна быть плодотворной, открывающей новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее остававшиеся незамеченными среди уже известных» (1996, с. 62).

Более пестрая картина подходов к проблеме определения критериев научности теории представлена в психологическом знании. Л. Хьелл и Д. Зиглер ставят ряд фундаментальных вопросов в отношении многообразия теоретических подходов, представленных в персонологии: как при наличии огромного количества альтернативных теорий оценивать достоинства каждой из них? Как, не затрагивая вопроса об их объяснительной и прогностической функции, решать, благодаря чему одна теория лучше другой? (1997, с. 35).

Долгие дебаты научного психологического сообщества завершились достижением временного согласия в отношении следующих шести оценочных критериев:

- Верифицируемость, характеризующая открытость положений для проверки, осуществляемой независимыми исследователями.
- Эвристическая ценность, отражающая способность теории стимулировать ученых проводить дальнейшие исследования.
- Внутренняя согласованность, предполагающая свободу теории от внутренних противоречий.
- Экономность, предполагающая предпочтительность более простых и четких объяснений.
- Широта охвата, проявляющаяся в широте и разнообразии охватываемых феноменов.
- Функциональная значимость, отражающая способность теории оказывать помощь в решении проблем повседневного поведения людей (там же, с. 35–39).

K. Gergen предлагает дополнить данную систему критериев критерием полноты, характеризующим способность теории объяснять как можно больше проявлений изучаемого феноменального поля [1997, с. 109].

Однако данная система оценочных критериев, даже с учетом возможных дополнений и усовершенствований, носит все тот же номотетический характер, не позволяя выявить уникальное своеобразие той или иной теоретической традиции, разобраться в конкретных деталях ее своеобразия и возможностей. Эта абстрактность

послужила основанием для разработки альтернативных критериальных оснований.

К. Холл и Г. Линдсей предлагают в качестве оценочных критериев теорий ряд параметров: цель; бессознательные детерминанты; подкрепление; смежность; формальный анализ; структура личности; наследственность; ранний опыт; последовательность развития; организмичность; половой подход; уникальность; молярные единицы; механизмы гомеостаза; психологическая среда; Я-концепция; детерминанты группового членства; междисциплинарный подход; множественность мотивов сложность механизмов; идеальная личность; аномальное поведение (1997, с. 673). Наиболее уязвимым звеном подобного параметрического подхода являются потенциальная бесконечность параметров и отсутствие гарантии их представленности в соотносимых теоретических подходах.

У. Мишел выделяет ряд других оценочных критериев: основные единицы; поведенческие проявления; причины поведения; пользующиеся преимуществом данные; наблюдаемые проявления поведенческих реакций; фокусы исследования; подходы к изменению; роль ситуации (Mischel, 1993, c. 561).

Д. Макадамс предлагает в качестве оценочных критериальных оснований – основные цели изучения; основоположения; предпочитаемые методы исследования; и репрезентативность (McAdams, 1994, c. 28).

Не менее разноречивая картина представлена и в отношении социально-психологических теоретических подходов. Одной из самых удачных, по нашему мнению, является система оценочных критериев соотнесения теорий, предложенная Р. Сапсфордом (R.). Автор предлагает десять измерений сопоставления и сравнения различных традиций и теорий:

основоположения.
понятия (концепты).
приоритеты в описании и объяснении.
типы объяснения.
отчетливость в дифференцированности и проверяемости.
методологические основания.
фокусы и диапазон пригодности.
«внешняя» или «внутренняя» перспектива.
уровень анализа.
формальность предъявления (Sapsford с соавт., 1998, с. 46).

Аргументируя предложенную схему, Сапсфорд показывает, что любая традиция или теория представляют ряд основоположений, т.е. путей подхода и анализа предмета, рассматриваемых теоретиком как допустимых. Они выступают в качестве фундаментальных оснований теории, отражают специфику занимаемой автором позиции, без уточнения которых невозможно понимание сути и приложения теории.

Проведенный анализ различных оценочно критериальных сопоставительных измерений теорий, позволяет нам сформулировать собственную систему, включающую следующие параметры: метатеоретические основания (картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы); основоположения; базовые категории; ведущие методы изучения; приоритеты в описании и объяснении; дифференцируемость; прагматизм; верифицируемость и фальсифицируемость; удобство и экономичность; перспектива (внешняя – внутренняя); эвристический потенциал; уровни анализа; типы объяснения и интерпретации; возможности; ограничения.

Критерий метатеоретических оснований, характеризующий картину мира, стиль мышления, идеалы и нормы теоретика, позволяет определиться в исходной системе его парадигмальных координат, задающих рамки, методологию исследования и характер интерпретации полученных результатов. Значимость этого критерия определяется тем, что он позволяет дифференцировать основополагающие черты методологических метаустановок, направляющих последующие рассуждения теоретика, особенности онтолого-эпистемологических оснований, предпочитаемого способа теоретизирования и верификации получаемого знания.

Непосредственно примыкающим к метатеоретическим измерениям выступают основоположения. Они отражают исходную систему теоретических воззрений, постулатов в качестве отправной точки рассуждений теоретика, определяя его позицию как в отношении предполагаемой схемы объяснения изучаемого явления, так и предпочитаемого способа доказательства адекватности (объективности) полученных результатов и их интерпретации. Одним из путей рассмотрения специфики той или иной теоретической традиции является «определение основополагающей модели личности» (Stevens, Wetherell, 1996, с. 48). Чафец () утверждает, что если в области знания присутствует одна или несколько парадигм требуется определение того, «что должно изучаться, какие вопросы

должны ставиться и какие правила использоваться для интерпретации полученных результатов (Chafetz, 1978, с. 97).

Базовые категории создают возможность прояснения характера представлений исследователя об изучаемом феномене, фиксировать отличия избранного категориального аппарата от других, используемых в отношении той же феноменологии. Категориальные различия, в случае их кардинальности, служат свидетельством проблемности данной исследовательской области и ее поискового характера. «Проблема может заключаться и в том, что одни и те же слова могут обладать разными значениями в контексте разных теоретических подходов. Как пример, инстинкт в этологии понимается как наследуемый специфический паттерн поведения. В стандартной же интерпретации психоаналитической теории, тем не менее, он характеризует более общий инстинктивный драйв, который может проявляться различными путями» [Stevens, Wetherell, 1996, с. 49]. Соотнесение базовых понятий друг с другом предполагает и определенную работу по уточнению их контекстуальных значений.

Своеобразие теоретического подхода отражено и в методах исследования, которые демонстрируют инструментальные предпочтения теоретика, характер его представлений о необходимых эмпирических подтверждениях правомерности обобщений, способах проверки научности полученных результатов. Различие в методах предопределяет исследовательскую стратегию, своеобразие интерпретации и экстраполяции полученных результатов. Различия очевидны. В экспериментальной традиции строгое наблюдение и измерение рассматриваются как необходимое условие обеспечения научности результатов, что, в свою очередь, определяет критическое отношение к качественным методам и субъективным переживаниям. Полная противоположность представлена в других традициях и подходах (психодинамический, экзистенциально-феноменологический, социально-конструктивистский), рассматривающих жизненные переживания, значения, придаваемые людьми самим себе и окружающему миру как основной вопрос социальной психологии (там же, с. 46-47).

Приоритеты в описании и объяснении отражают позицию теоретика в отношении изучаемого явления, его исследовательские приемы, своеобразие и возможности предлагаемых объяснений природы изучаемого. Описательный и объяснительный потенциал теорий может весьма различаться. Так, теория способна концентрироваться на объяснении того, почему данное поведение имеет

место, одновременно предоставляя минимальные возможности для описания наиболее продуктивного поведения в соответствующих ситуациях повседневной жизни» (там же, с. 50).

Дифференцируемость теории определяет ее способность к кристаллизации изучаемого явления, схватыванию тончайших нюансов поведения и жизненных переживаний человека может варьироваться от простой до комплексной. Описание любого объекта, поведения или события предполагает помещение их в сеть умозаключений, связанных с их другими наблюдаемыми свойствами и эффектами: оно включает выход за пределы данной информации.

Прагматизм характеризует утилитарную значимость предлагаемого теоретического объяснения, способность давать конкретные результаты. В существующем теоретическом многообразии он выступает в качестве индикатора практической ценности теории для решения конкретных задач. Критерий прагматизма позволяет дифференцировать теоретические модели по уровню их абстрактности и сопряженности с запросами реальной практики. Д. Полкингхорн в этой связи подчеркивает: «В то время как академическая психология концентрировалась на открытии общих законов поведения, психология практики фокусировалась на прагматических действиях, направленных на разрешение проблем умственного здоровья и личностного развития людей. Практическая психология находит эпистемологические обязательства академической психологии как вызывающие сомнения и имеющими ограниченную применимость к потребностям клиентов; эпистемологическими основаниями практики выступают следующие утверждения: a) не существует эпистемологических оснований для установления утверждений об объективности истинности полученного знания; b) совокупность знания состоит из фрагментов понимания, а не системы логически интегрированных утверждений; c) знания представляют конструкцию, построенную вне когнитивных схем и вовлеченную во взаимодействие с окружением; d) проверка знаний осуществляется через оценку его полезности для достижения преследуемых целей, а не в производности от одобряемого ряда методологических правил» (Polkinghorne, 1997, с. 146-147).

Верифицируемость и фальсифицируемость представляют собой критериальные измерения проверяемости теории. В случае верификации речь идет «о процессе установления истины или корректности гипотезы. На научном языке она относится к контролируемым процессам сбора объективных данных с целью оценки ис-

тинности теории или гипотезы» (Reber, 1995, с. 840). В расширительном толковании под верификацией понимается способность уточнять верность наблюдаемого, соответствует ли то, что кажется тому, что есть на самом деле. Психологическая проблема как раз и заключается в том, что в разных традициях процесс верификации строится по-разному.

Понятие фальсификации ассоциируется с работами философа науки К. Поппера, утверждавшего, что научная теория не может быть признана истинной, если она не поддается фальсификации. С этой точки зрения научная теория может быть принята не по причине того, что включает корректную кодификацию класса исследуемых феноменов, а потому, что она не демонстрирует своей искусственности и неточности (1996, с. 280). Эта позиция обычно противопоставляется верификационизму, утверждающему, что научное исследование представляет собой попытку обосновать (верифицировать) свою точность логическим и эмпирическим путем. Сложность доказательства истинности психологических результатов путем верификации связана, прежде всего, с тем, что не существует прямого соотнесения того, что исследуется, с тем, что есть на самом деле. Тем не менее выделение данного измерения полезно в виду того, что большинство теорий все-таки предполагает верификацию позитивистского толка, и ее фиксация позволяет, по крайней мере, позиционировать предлагаемый подход.

Удобство и экономичность представляют характеристику минимально возможного привлечения доказательных и описательно-объяснительных средств в теоретическом доказательстве. Предполагается, что чем компактнее и экономичнее теория, тем она совершеннее. Как оотмечает Литтлджон, наличие небольшого числа основоположений и исходных посылок, логически приводящих к многообразным заключениям свидетельствуют о совершенстве теоретической конструкции [Littlejohn, 1994, с. 36].

Существенные различия между теоретическими подходами имеют место и с точки зрения занимаемой ими позиции в отношении перспективы (внешняя – внутренняя). Наиболее известное и глобальное различие представлено в персоноцентризме (внутренняя позиция или позиция ‘первого лица’) и ситуационизме (внешняя позиция или позиция ‘третьего лица’). Соотносимыми с представленной дихотомией являются субъективное – объективное, жизненные переживания – поведение. Стевенс подчеркивает в этой связи, что «внешний” взгляд является не более объективным и ва-

лидным или реальным чем взгляд “внутренний”. … две эти позиции взаимодополняют друг друга, предоставляя понимание, способное обогатить вклад альтернативного подхода» [1998, с. 59]. Тем не менее, определяемая позиция задает своеобразие исследовательского мировосприятия и интерпретации и учет ее при сопоставлении теоретических подходов оказывается полезным.

Многими исследователями отмечается значимость такого измерения как эвристический потенциал. С. Квейле пишет в этой связи: «Одной из первостепенных функций теории является оказание помощи исследователю в определении того, что наблюдать и как» (Kvale, 1997, с. 35). Способность теории раскрывать новые горизонты в исследовании проблемной области и в интерпретации полученных результатов, формировании новых инсайтов и перспектив является, несомненно, значимым оценочным измерением, позволяющим иерархизировать теоретические подходы с точки зрения их эвристического потенциала.

Обоснованным является и включение в качестве оценочно-сопоставительного критерия уровней анализа. Так как человек является не обособленным, индивидом, а членом общества, он может рассматриваться как элемент организованного целого: места в более широкой структуре – окружения, коммуникации, структуры власти, иерархии статусов, работы, ресурсов и т.п. «На нижнем уровне анализа, люди могут быть концептуализированы как члены различных групп и субкультур; на еще более низком уровне мы можем изучать людей как обладающих особым жизненным опытом и поведением» (Stevens, Wetherell, 1996, с. 60). Р. Стевенс указывает, что для более глубокого понимания людей мы нуждаемся в наличии возможности, хотя бы идеальной, понимания специфики каждого уровня и их взаимосвязи друг с другом». Определение уровня претензий теории, таким образом, становится важным оценочным критерием ее возможностей и отличий.

Основным предназначением теорий является объяснение и понимания сути происходящего или определенного типа феноменологии. Так, теория может быть направлена на демонстрацию того, почему имеет место данное поведение, не давая понятий, позволяющих описывать поведение лучше предоставляемого на уровне повседневной житейской практики. В экспериментальной теоретической традиции представлено много теоретических подходов, описывающих влияние тех или иных переменных на поведение, не раскрывается то, что происходит во внутреннем мире людей. В то

же время в рамках психодинамической и интеракционистской традиции накоплен большой материал описательного и объяснительного характера, не сопровождаемый соответствующей экспериментальной эмпирической базой.

В качестве оценочных измерений неизбежно присутствуют их возможности и ограничения по отношению к объяснению, описанию, предсказанию и т.п. В конечном итоге любое соотнесение различных теорий друг с другом направлено на выяснение потенциала их возможностей применительно к исследуемому классу задач.

Обоснованность и продуктивность предлагаемой системы оценочно-сравнительных критериальных измерений демонстрируется в таблице 5. схеме концептуально-критериального анализа психоаналитической теоретической традиции.

Таблица 5. Схема концептуально-критериального анализа психоаналитической теоретической традиции.

1.	Метатеоретические основания	Клинические – гипотезы порождаются (и проверяются) частично из разговоров с клиентом и анализа их ассоциаций, сновидений и т.п.
2.	Основоположения	Важное влияние на поведение оказывают: биология (драйвы, принцип удовольствия); социализация и конфликты, которые она может вызывать (репрессия, сублимация и т.п.); решающую роль играют ранние жизненные переживания.
3.	Базовые категории	Либидо, ид, эго, Супер-Эго, интернализация, репрессия и т.д.
4.	Ведущие методы исследования	Беседы с клиентом; анализ сновидений или использование свободных ассоциаций для выявления значений жизненных переживаний.
5.	Приоритеты в описании и объяснении	Описательные понятия (например, проекция, формирование реакций) строго связываются с объяснительными выводами. Объяснения выводятся из драйвов, биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми и событиями, особенно в раннем детстве; объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека

		события и поведение. Широко распространены не операционализируемые конструкты
6.	Степень дифференцируемости	Обладает большим *дифференцировочным* потенциалом
7.	Прагматизм	Низкий
8.	Верифицируемость и фальсифицируемость	Низкая
9.	Удобство и экономичность	Низкая
10.	Перспектива (внешняя, внутренняя)	Принимает как *внешнюю, так и внутреннюю перспективу*, заинтересован в анализе поведения и переживаний с внешней перспективы аналитика, но также заинтересован в значениях, требующих рассмотрения точки зрения самого субъекта.
11.	Эвристический потенциал	Высокий
12.	Уровни анализа	*Фокусируется* на эмоциональных переживаниях и поведении, но включает широкий *спектр* теорий. Может применяться к поведению и переживаниям индивидов, к группе, а также к феноменам культуры (например, мифология и искусство).
13.	Типы объяснения	Объяснения выводятся из драйвов и биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми и событиями, особенно в раннем детстве. Объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека события и поведение. Широко распространены не операционализируемые конструкты.
14.	Степень формализуемости	Исходно не был установлен как ряд *формальных предположений*, но исследователи, заинтересованные в проверке идей психодинамики показывают, что большинство идей с достаточной легкостью конвертируемо в пропозициональную форму.

15.	Возможности	Исследование сферы бессознательного, использование клинических методов, нетрадиционные инсайты, методы терапевтическая практика, изучение реальных переживаний и проблем клиента
16.	Ограничения	Высокий субъективизм, метафористичность, низкая валидность, ориентированность на прошлое в ущерб настоящему и будущему в развитии субъекта

Предлагаемая система не является исчерпывающей, но обладает рядом преимуществ, которые состоят во включении ряда интегративно-эклектизированных и дополнительных оценочных измерений, позволяющих, во-первых, включить плоскость метатеоретических оснований; во-вторых, интегративно-эклектизировать продуктивные решения, представленные во всех известных нам подходах к проблеме оценочно-сравнительных критериальных оснований соотнесения теории; в-третьих, доказать продуктивность интегративно-эклектического подхода к соотнесению и оценке существующего теоретического многообразия.

Анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии и персонологии показал общую тенденцию его кристаллизации, конвергенции и обобщения. Категории, ранее применявшиеся в рамках одних традиций, начинают диффундировать в другие, часто приобретая новый смысл и значение (McClure, 1991). Это, в свою очередь, приводит к формированию путаницы в используемой терминологии и их инструментальном обеспечении, к дискуссиям о явлениях, обозначаемых одними и теми же понятиями, либо сходных обобщений, обозначаемых разными понятиями.

Огромное количество понятий, которыми оперируют современная социальная психология и персонология, требуют систематизации, классификации и обобщения. Попытки такого рода анализа были предприняты исследователями в рамках разных теоретических подходов и школ. Проведенный A.-M. De Rosa контент-анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии подтверждает общую ситуацию хаоса и неупорядоченности. Ею была предпринята попытка иерархизации концептуально-понятийного аппарата с точки зрения вычленения уровней. В качестве критериев таковой она берет индекс цитируемости, и со-

подчиненности. К сожалению, данный анализ был проведен в рамках монолинейной схемы когнитивной традиции в психологии. Сопоставительный анализ результатов исследования с концептуально-понятийными системами других традиций (гендерной, деятельностной и дискурсной, интеракционистской, психодинамической, экзистенциально-феноменологической и системной), дополненный критериями принадлежности к определенной традиции и интегративной эклектизируемости позволяет сформулировать иерархизированную систему (см. таблицу 6).

Таблица 6. Представленность социально-психологических категорий в разных системах парадигмальных координат.

Базовые категории	Примеры субкатегорий	Традиции
Самость	Идентичность, аутентичность, эго-протяженность и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социализация	Институты, механизмы, стадии, нормы, процессы и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальный опыт	Структура, формирование, репрезентация, проявление и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Жизненные переживания	Жизненный смысл, экзистенции, кризис, самоактуализация и т.д.	ГП, КП, ИП, ПП, ЭФП
Социальное познание	Категоризация, стереотипизация, социальная репрезентация,	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное объяснение	Атрибутирование, стиль, процессы, атрибутивная терапия	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное мышление	Смыслообразование, инсайтирование, творчество и т.д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное поведение	Поведенческие алгоритмы, поведенческий репертуар и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное взаимодействие (общение)	Воздействие, коммуникация, координация, понимание и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное окружение	Малые и большие группы, групповая динамика и т.д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП

Таким образом, феноменальное поле современной социальной психологии и социального аспекта персонологии могут концептуализироваться базовыми категориями: как «самость», «жизненные переживания», «социальный опыт», «социализация», «социальное познание», «социальное объяснение», «социальное мышление» и «социальное взаимодействие» (общение), «социальное окружение».

Эти категории, во-первых, охватывают весь спектр изучаемой феноменологии, во-вторых, фиксируют историческую эволюцию исследовательских приоритетов и акцентов, в-третьих, определяют перспективу последующего развития концептуального аппарата. Причем эволюционный аспект социально-психологического концептуально-понятийного аппарата демонстрирует общую тенденцию – от дискретных и статичных единиц описательного характера, представленных в исследованиях социальной перцепции, через описательно-объяснительные единицы теорий атрибуции, к объяснительным категориям социального мышления.

Второй тенденцией является изменение акцентов с универсально статичных категорий естественнонаучного характера, представленных на уровне социальной перцепции, к социально жизненно насыщенным категориям постижения здравого смысла, представленных в рамках подхода теории социальных репрезентаций. Наконец, в качестве третьей тенденции, прослеживается эволюция представлений от жесткой структурной организации изучаемой феноменологии к экзистенциально-феноменальной и континуальной.

Изучение данного поля и конкретизирующего его концептуального аппарата должно осуществляться в контексте экзистенциально-феноменальной поточности, динамичности и пространственно-временной континуальности, отражающих реальность социального бытия личности и ее социального окружения. Признавая безусловность данного утверждения, остается констатировать сложность его инструментальной выполнимости. Тем не менее, учитывая поступательное развитие психологического знания, проблема должна решаться. Возможные решения предлагаются в рамках подходов сенсмейкинга.

Исходное осознание поточности и пространственно-временной континуальности социального бытия приводит к пониманию того, что любая фрагментаризация, статизация, дискретиза-

ция, атомизация и т.п. феноменального поля должны сопровождаться проблемой соотношения дискретизированного, статизированного фрагмента с реально существующим полем, что является необходимым условием обеспечения взаимосвязи изучаемого феномена с его аналогом в реальном социальном бытии (В.Е. Франкл [1990]; R. Stevens [1998]).

Во многом проблемное поле, сложившееся с изучением феноменальности в ее экзистенциальной и пространственно временной континуальности, связано с используемыми в социальной психологии и персонологии для описания изучаемого феноменального поля базовыми категориями «личность», «ситуация», «активность». Эти категории также должны рассматриваться в континуальной экзистенциально-феноменальной диалектической взаимозависимости. Во многих фундаментальных исследованиях показано, что любое акцентирование на одном из компонентов данной базовой триады неизбежно приводит к ограниченности понимания сути описываемой феноменологии и гипертрофированию одних аспектов в ущерб другим. На практике же преобладают исследования, концентрирующиеся на одном из неразрывных компонентов данной триады – на личности (персоноцентризм, персонология); на ситуации (ситуационизм, бихевиоризм); на активности (акционизм, мыследеятельностный подход и т.п.). Возможным решением проблемы соотношения личности, ситуации и активности являются разработанный Бандурой принцип взаимного детерминизма (1986).

Этой же позиции придерживается интеракционистский подход в целом, исходно сформировавшийся в рамках социологического течения в социальной психологии на основе фундаментальных идей Дж. Мида о социальной сущности личности и ее окружения, но в последующем в большей степени переключившегося на обсуждение проблемы соотношения биологического и социального (1974).

Д. Магнуссон подчеркивает, что в основе понимания личности с позиций современного интеракционизма, лежат три положения, рассматриваемых во взаимосвязи друг с другом: Индивид развивается и функционирует как всеобщность, интегрированный организм; текущее функционирование и развитие не происходят в аспектах самих по себе, в изоляции от тотальности.

Индивид развивается и функционирует в динамическом, продолжающемся и взаимном процессе взаимодействия со своим окружением.

Характерный путь развития и функционирования индивида во взаимодействии с окружением влияет на процесс между подсистемами мыслительных и биологических факторов (Magnusson, 1990, с. 196).

Взаимозависимость и взаимодействие факторов, детерминирующих социальное поведение личности и ее окружения, являются характеристикой классического интеракционизма. Она представлена у разных авторов разными категориями: трансакционность (Pervin); взаимный детерминизм (Bandura); диалектический контекстуализм (Baltes, Reese, Lispitt); процесс-личность-контекст (Bronfenbrenner, Crouter); развивающийся контекстуализм (Lemer, Kauffmann).

Несмотря на различие используемых обозначений и моделей, смысл этих подходов можно свести к следующему: Актуальное поведение представляет функцию продолжающегося процесса многомерного взаимодействия обратных связей между индивидом и ситуацией, в которой он находится.

В процессе взаимодействия индивид является интенциальным активным агентом.

Со стороны личности наиболее существенными детерминантами поведения во взаимодействии являются когнитивные и мотивационные факторы.

Со стороны ситуации наиболее значимым фактором выступает ее психологическое значение для личности» (Magnusson, 1990, с. 198).

Проведенный анализ дает нам общее представление об особенностях психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат, которой характерно многообразие способов теоретизирования, критериев определения научности теории и категориального поля в его экзистенциально-феноменальной, пространственно-временной континуальности.

Критериальное поле соотнесения парадигмальных координат

Все основания, по которым мы могли занять какую-то методологическую позицию занять, в конечном итоге оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик.

Эта зависимость четко обозначена В. С. Библером [1991] при сопоставлении различных видов логик познания. Современное познание (на которое сориентированы естественные науки) предполагает стремление объективно, отстраненно, «бесконтактно» проникнуть в сущность вещей. Исходная философская посылка гласит: «Я» и Мир стоят по разную сторону онтологической пропасти. Задача науки заключается в стремлении гносеологически преодолеть эту пропасть – «познать» объективную реальность, данную нам в органах чувств.

Разнообразные попытки преодоления этой пропасти представлены как мы видели, в наиболее диатропической форме на уровне парадигмального поля координат, менее связанного, по сравнению с метапарадигмальным полем с глобальными проблемами методологического свойства и, как следствие, более свободного в способах постижения феноменологии реального бытия.

В числе психологических парадигм, утвердившихся в современной психологии, конституированы:

- по критерию отношения к реальности (как к объективной или субъективной) – позитивистская, феноменологическая и критическая;
- по критерию конституированности в научном психологическом сообществе – поведенческая, биологическая, когнитивная, психодинамическая, экзистенциальная, гуманистическая, герменевтическая, социально-конструктивистская, системная, деятельностная, феминистская (гендерная), синергетическая парадигмы;
- по критерию антропоцентризма – натурализм, социоморфизм, культурализм, теологизм, гносеологизм и антропологизм;
- по критерию активности или типа научной абстракции – объектная или реактивная, субъектная или акциональная, субъект-субъектная или диалогическая;
- по критерию культурно-исторической традиции – модернистская, постмодернистская, пост-постмодернистская, пост-пост-постмодернистская;
- по критерию метатеоретических оснований – когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ.

Каждая из этих парадигм имеет свою исторически и культурно обусловленную подоплеку, свое преимущество в решении тех или иных дискуссионных в психологической науке вопросов;

каждая обладает рядом существенных ограничений, не позволяющих претендовать на универсальность. Следует отметить, что диатропика парадигмальных координат не является следствием согласия исследователей от разных психологических традиций и школ с объективной неизбежностью, скорее она связана с невозможностью создания в сложившейся системе методологических координат единого, последовательного, устраивающего всех конструкта.

Ключевая идея В. С. Библера заключается в том, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство. А именно, от одной логики (рациональной на данном этапе) мы переходим к диалогике. Логика, т.е. диалогика способна совместить уже существовавшие в прежние исторические эпохи логики и новые, только проявляющиеся (1991).

Как подчеркивает Е.Л. Доценко, «идея о принципиальной совместимости разных логик представляется весьма привлекательной по нравственно-экологическим соображениям. К тому же она имеет уже и свои операциональные конкретизации: во-первых, начинать необходимо со знакомства с феноменологией, на первом шаге пытаясь проникнуться богатством ее связей, а во-вторых, это должен быть диалог несовпадающих логик. Не борьба, не высокомерное (или тревожное) игнорирование, а всестороннее обсуждение общих проблем на различных языках. Исследователю для этого надо будет освоить несколько языков, а практику – переосмыслить эклектичность как многоресурсность» (1997, с. 24). Майер и Саттон отмечают, что если вы выбираете одно из теоретических направлений, то закрываете путь к пониманию всех граней функционирования личности (Mayer, Sutton 1996, с. 156).

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является наличие соответствующих ориентиров соотнесения различных психологических мировоззрений. Причем сложность осуществления выбора обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах – следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования.

Достаточно наглядная демонстрация такого рода диатропики с выбором концептуально-критериальных, оценочно-сопоставительных измерений в персонологии приводится Л. Хьеллом и Д. Зиглером (1997, с. 40). Причем анализ целого ряда фундаментальных критериев представлен ими в форме биполярных конструктов: свобода – детерминизм; рациональность – иррациональность; холизм – атомизм; наследственность – окружающая среда; изменяемость – неизменность; субъективность – объективность; активность – реактивность; гомеостаз – гетеростаз; познаваемость – непознаваемость, исчерпывающе показывает наличие многообразия альтернативных решений. Следует заметить, что в силу определенного нами предмета исследования – социально-психологического и персонологического аспектов феноменологии социального бытия личности и ее окружения избрание в качестве концептуально-критериальных оценочно-сопоставительных измерений только измерений персоналистского толка было бы исходно неверным. Точно также, как ошибочным был бы выбор системы сравнительно-оценочных измерений без обсуждения лежащих в ее основании принципов, что характерно для приведенной выше системы, при понимании того, что она не является единственной.

Конституированность в психологическом знании многообразия парадигмальных координат ставит проблему их соотнесения друг с другом с точки зрения оценки потенциала продуктивности решений тех или иных проблем.

Сопоставительный анализ различных систем концептуально-критериальных для парадигм и теорий позволил выдвинуть в качестве таковых именно онтолого-эпистемологические дихотомии, отражающие наиболее проблемные для социального знания вопросы, ответы на которые носят поливариантный характер, наиболее дискуссионные проблемы, касающиеся методов исследования психологической феноменологии. Как правило, эта поливариантность связана с выделением, при необходимости, уровней выраженности или градуированности.

В основание концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат положены принципы:

онтолого-эпистемологической значимости, предполагающий включение наиболее фундаментальных для метатеоретических построений вопросов, определяющих мировоззрение исследователя;

конституированности и исчерпывающей представленности в научном психологическом сообществе, предполагающий фиксацию основоположений, методологии и метода исследования в психологической научной литературе;

иерархичности, предполагающий иерархизацию концептуально-критериальных оценочных измерений от высшего к низшему и от общего к частному;

сравнительного альтернативизма, предполагающий представленность в концептуально-критериальном основании альтернативных подходов и решений в форме оценочно-сравнительных дихотомий.

Анализ литературы позволяет выделить следующие оценочно-сравнительные оппозиции матрицы соотнесения систем парадигмальных координат: объективность – субъективность; детерминизм – индетерминизм; мужское – женское; прошлое – будущее; наследственность – изменчивость; гомеостаз – гетеростаз; статичность – динамичность; активность – реактивность; атомизм – холизм; познаваемость – непознаваемость; рационализм – иррационализм; идиографическое – номотетическое; интраличностное – интерличностное; биологическое – символическое (рефлексивное); количественное – качественное.

Посредством предложенной матрицы были проанализированы наиболее разработанные в психологической литературе метапарадигмы и парадигмы.

В качестве основных метапарадигм к анализу были привлечены позитивистская, критическая, социально-конструктивистская метапарадигмы, охватывающие весь спектр возможных решений проблемных вопросов исследования психологической феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В качестве объекта анализа выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу метатеоретических оснований психологического знания. В результате были определены особенности данных метапарадигмальных систем координат, представленные (см. таблицы 5 и 7.).

К анализу парадигмальных координат были привлечены биологическая, бихевиористская, гендерная, гуманистическая, деятельностная, интеракционистская, когнитивистская, психодинамическая, экзистенциально-феноменологическая и социально-когнитивно-наученческая парадигмы.

В основании биологического подхода лежат разработки физиологов и этологов. По существу, в рамках данной традиции человек в социальном мире рассматривается по аналогии с другими высокоорганизованными представителями животного мира. С одной стороны, в русле биологической традиции подчеркиваются аспекты континуальности и универсальности аспектов человеческого поведения, влияние генетической наследственности, детерминированности деятельностью мозга. С другой стороны, особенно в рамках социобиологии, обсуждается роль культурной детерминированности человеческого бытия при признании неподверженности ее влиянию некоторых биологических параметров. Используя возможности множественной интерпретации аспектов поведения социальными и биологическими факторами, акценты в исследованиях делаются именно на последние. Избрание в качестве метапарадигмального основания позитивизма определяют приоритетность метода экспериментального исследования и общую ориентированность на поиск универсальной истины.

Бихевиористский подход, накопив огромный эмпирический материал в рамках стимульно-реактивной схемы исследований, доведя до совершенства процедуру экспериментального исследования и статистического анализа эмпирических данных, столкнулся с непродуктивностью данной методологии по отношению к идиографии человеческого бытия, активной сущности личности и ее окружения.

В основании гендерной традиции исходно лежат идеи феминизма, осознание психологическим сообществом того, что многие аспекты человеческого бытия должны пониматься в контексте половых различий. В работах С. Бем (S.L Bem, 1987) и Дж. Спенс (J.T. Spence, 1982) был сформирован так называемый «новый взгляд» в психологии на проблему половых сходств и различий, выражающийся в признании того, что маскулинность и феминность не являются противопоставлениями в рамках единого континуума, а скорее являются обособленными и независимыми [Ashmore, 1990, с. 503]. Другим несомненным достижением данного подхода является убедительное доказательство маскулинной предвзятости традиционных методов психологического исследования, необходимость многомерного подхода к анализу психологической феноменологии.

При отсутствии собственных метатеоретических оснований гуманистическая традиция опирается на эклектику идей экзистен-

циальной, феноменологической и социально-конструктивисткой традиций. Не разработан и собственный метод исследования. Тем не менее, пропагандируемые в его рамках идеи исходной гуманистической природы личности и самоактуализация способности творить себя, привели к популяризации психологического знания и его продуктивных возможностей, создавая тем самым нестрогие основания для отнесения их к парадигме или традиции.

В силу называемой социологической направленности в психологии, интеракционистская традиция менее распространена в психологическом знании. Однако перемены, происшедшие с 1980-х годов в психологии в связи с кризисом идей, обусловили заметный рост интереса к накопленным в ее рамках результатам и инсайтам. Отличительной особенностью данной традиции являются базовые категории взаимодействия между специфически разными сущностями человека – биологической и символической. Скрупулезная проработка проблемы социальной сущности человеческого бытия сопровождается столь же фундаментальной проработкой категории рефлексии и природы человеческой рефлексивности.

Основанный на компьютерной или кибернетической информационно-процессуальной метафоре когнитивный подход выработал свое мировоззрение, методологию и метод психологического исследования. В рамках позитивистской естественнонаучной метапарадигмы эта традиция сталкивается с негативными последствиями исследовательской схемы препарирующего типа, будучи не в состоянии разрешить класс проблем, связанных с описанием и объяснением диатропики социального бытия. Свидетельством чему является кризис 1980-х годов.

Психодинамическая парадигма в силу ее многоплановости и разнопредставленности анализируется с позиций исследователей, придерживающихся классических оснований, заложенных З. Фрейдом, с позицией представителей новой волны – теории объектных отношений и эго-психологии. Сложность ситуации, связанной с построением целостной концепции современных психодинамических воззрений обусловлена прежде всего наличием диаметрально противоположных подходов к рассмотрению социальной сущности личности и ее бытия в условиях непосредственного окружения.

Исследователи, ориентирующиеся на теорию объектных отношений, в большей степени разделяют идеи социального конструктивизма, в то время как представители эго-психологии – идеи когнитивного подхода. Тем не менее, характеризуя психодинами-

ческую парадигму в психологии, можно говорить о ее роли для непосредственного социального окружения и для интерпретаций в социальном бытии личности. Общим является и использование интерпретативистских или герменевтических инструментов исследования.

Отличительной особенностью экзистенциально-феноменологической традиции является обращение к феноменологии реального бытия и признании с подчеркиванием его идиографического и диатропического характера. Акцентация на диатропику и идиографию предопределяет избрание соответствующей методологии исследований, направленной на выявление и постижение интерпретаций и переживаний личностью и ее окружением своеобразия реального бытия. Включение в плоскость рассмотрения экзистенций расширяет горизонты рассмотрения бытия через призму осознания его проблемности и конечности, что приводит к более глубокому анализу жизненных переживаний. Сложности, испытываемые представителями данной традиции, связаны с исповеданием ими идей онтологического плюрализма, подчеркивающего множественность мироощущений и мировоззрений, и с трудностью соотнесения их друг с другом, при отсутствии хотя бы рамочной системы сравнительных координат.

Социально-когнитивно-научченческая традиция, представляет новую волну в психологии, основанную на работах ее отцов-основателей (A. Bandura, W. Mishel, J. Rotter), так и современных исследователей, стремящихся дать критический анализ. В разработках этих несомненно выдающихся психологов, представлен ряд оригинальных идей, которые привели к существенному углублению и расширению представлений о личности как субъекте поведения. Но когнитивно-научченческой линии удалось предложить решения, которые не были найдены по линии когнитивного подхода, в частности, активной поведенческой алгоритмики, потенциала поведения, определения психологической ситуации, процесса генерализации ожиданий, взаимного детерминизма, личностных переменных и т.д. Представляя попытку интеграции поведенческой, когнитивной и интеракционистской традиций, данный подход позволяет анализировать проблему соотношения личности, ситуации и активности в их детерминации поведения.

В силу избрания активности личности в качестве ведущей категории деятельностный подход внес немалый вклад в разработку проблематики развития психики, правда, не избежав негативных

последствий глобализации одной из наличных детерминант социального бытия личности. Критики деятельностного подхода отмечают, что подлинный источник его трудностей кроется в том, что существо психики, как деятельности, не открывается непосредственному наблюдению, что без действующей личности (у человека, особи – у животных) деятельность превращается в натуральный процесс, перестает быть деятельностью. Так понимается основная проблема личности» (Гальперин, 1997, с. 5-6). Сегодня много критических оценок связано с марксистским фундаментом деятельностной традиции. О.В. Гордеева, в частности, отмечает: «Следование марксистскому принципу объяснения явления через раскрытие их происхождения исключает из плана анализа собственные закономерности рассматриваемого явления, лишая тем самым его собственного онтологического статуса, что может привести к серьезным ошибкам в рассуждении, если использование данного объяснительного принципа недостаточно рефлексируется» (1997, с. 20).

Рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотнесения представленной в таблице 7.

Таблица 7. Концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица соотнесения парадигмальных координат.

Элемент дихотомии	Доминирующий	Смешанный	Доминирующий	Элемент дихотомии
Объективность	БП; ДП; КП; ПМ; КП; БиП	ГП; ПП; ИП	ГуП; ЭФП; СКМ;	Субъективность
Детерминизм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП;	КМ; ГП;	ЭФП; СКМ; ГуП;	Индетерминизм
Мужское	БП; ДП; КП; ПМ;	КМ; ИМ; БиП; ГуП;	ГП	Женское
Прошлое	ПП;	БП; ДП; ПМ; БиП	КП; ГуП;	Будущее
Наследственность	ДП; КП; ПМ; БиП		БП; ИП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Изменчивость
Гомеостаз	БиП	БП; ДП; КП; ПМ;	ГуП	Гетеростаз

		ЭФП; СКМ;		
Статичность	БП; ДП; ПМ;	БиП	КП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Динамичность
Реактивность	БП; ПМ;	КМ; ИМ;	ДП; КП; ЭФП; СКМ;	Активность
Атомизм	БП; КП; ПМ;	ДП; ГуП;	ЭФП; СКМ;	Холизм
Познаваемость	ДП; КП; ПМ; КМ; ПП; БиП; ГуП;		БП;	Непознаваемость
Рационализм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП; ГуП;		ПП;	Иррационализм
Номотетическое	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП;	ПП; ЭФП; СКМ; ГуП;	Идиографическое
Интраличностное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ГуП;	ИП; ЭФП; СКМ;	Интерличностное
Биологическое	ДП; КП; ПМ; БиП	КМ; ИМ; ГуП;	ЭФП; СКМ;	Символическое
Количественное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП;	ЭФП; СКМ; ГуП;	Качественное

Условные обозначения:

ПМ – Позитивистская метапарадигма
КП – Критическая метапарадигма
СКМ – Социально-конструктивистская метапарадигма
БиП – Биологическая парадигма
БП – Бихевиористская парадигма
ГП – Гендерная парадигма
ГуП – Гуманистическая парадигма
ДП – Деятельностная парадигма
ИП – Интеракционистская парадигма
КП – Когнитивистская парадигма
ПП – Психодинамическая парадигма
ЭФП – Экзистенциально-феноменологическая парадигма

Представленный в таблице 7 обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции, наряду с возможными пересечениями ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим дихотомиям, имеется и ряд существенных расхождений. В них тоже

есть несомненный позитивный потенциал, так как смещение акцентов в ту или иную сторону в различных комбинациях их позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методологий; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-третьих, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов.

Глоссарий

Верификация *– процесс установления истины или корректности гипотезы. На научном языке она относится к контролируемым процессам сбора объективных данных с целью оценки истинности теории или гипотезы. В расширительном толковании под верификацией понимается способность уточнять верность наблюдаемого, соответствует ли то, что кажется тому что есть на самом деле.*

Парадигма *– законченная система научного знания, включающая ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ, включая ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимают коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени. Некоторые из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания.*

Дифференцируемость теории *определяет ее способность к кристаллизации изучаемого явления, схватыванию тончайших нюансов поведения и жизненных переживаний. Она может варьироваться от простой до очень комплексной.*

Дисциплинарные матрицы *(disciplinary matrices) представляют собой решения конкретных задач, оформленные в понятиях и принимаемые группой работников данной научной дисциплины в качестве символического обобщения ее проблем в виде представлений, содержащих символические обобщения, модели и примеры.*

Основоположения *отражают исходную систему теоретических воззрений, постулатов, которые выступают в качестве от-*

правной точки рассуждений теоретика, определяя его позицию как в отношении предполагаемой схемы объяснения изучаемого явления, так и предпочитаемого способа доказательства адекватности (объективности) полученных результатов и их интерпретации.

Вопросы для обсуждения

1. В чем причины теоретического многообразия в современной социальной психологии?
2. В чем смысл понятия парадигмы и какова его специфика применительно к психологическому знанию?
3. Каковы основные тенденции развития современного социально-психологического знания?
4. Каковы основные дискуссионные вопросы в современной социальной психологии?
5. В чем преимущество мультипарадигмального подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
6. Каковы критерии соотнесения различных систем парадигмальных координат и в чем их специфика?

Для дополнительного чтения

1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998.
2. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы. – Иностранная психология. Том 1. № 2, 1993, с. 9-23.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - М.: ЧеРо, 1997.
5. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. // Вопросы психологии. 1987, № 3, с. 41-49.
6. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. — М.: Прогресс, 1977.
7. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10-ые – 30-ые годы. Период открытого кризи-

са): Тексты. — М.: МГУ, 1992, с. 47–78.

8. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М: Наука, 1990.
9. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: КСП+, 1999.
10. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопр. психол., 1999. № 2, с. 14-23.
11. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 5, с. 5-18.
    Юревич А.В. Социальная психология науки. – СП б: Изд-во РХГИ, 2001.

Основной источник

1. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СП б: ИГУП, 1999.
2. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Минск.: Бестпринт, 2000.

ГЛАВА V. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В ПСИХОЛОГИИ

Теоретическое познание

Одним из наиболее важных для методологии научного исследования вопросов является теоретическое доказательство. Важность этого вопроса обусловлена тем, что без наличия строго определенных и относительно однозначных критериев доказательности научное знание становится невозможным в принципе.

Особый тип представляет теоретическое доказательство. Претендуя на создание какой-либо теории, ее создатель, как минимум, должен предполагать ее признание научным сообществом, которое становится возможным только при условии наличия общепринятых правил «игры». Первым таким правилом является определенность в понятиях, проявляющаяся в том, что люди, пытающееся нечто доказать должны, как минимум, говорить на одном языке. Если такового нет, то и доказательство становится невозможным. Данное обстоятельство является характерным не только для научного знания, но и для обыденных взаимоотношений. Пока люди не договорятся друг с другом о совместном понимании обсуждаемого вопроса и правилах принятия решений, их выработка обречена на неудачу.

С этого определения в системе понятий теоретического доказательства мы и начнем.

Понятие теории в социальных науках

Что представляет собой теория? В широком смысле этот термин обозначает любую концептуальную репрезентацию или объяснение феномена. К. Франклин (Franklin) так говорит об этом: «Теории в социальной психологии представляют *совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования и социальных структурах в их отношении к индивидам»* (1982, с. 28) (курсив автора.). А. Ребер (Reber) определяет теорию как *связный набор формальных утверждений, который дает полную и последовательную характеристику четко опреде-*

ляемой области исследований с объяснением всех относящихся к ней фактов и эмпирических данных (1995: 793). В прагматическом контексте под теорией часто понимается «*общий принцип или система взаимосвязанных общих принципов, выдвигаемых в целях объяснения ряда известных фактов или полученных эмпирических данных»* (2000, с. 349).

Говоря о теориях в целом можно сделать два обобщения: 1) все теории суть являются абстракции. Любая теория является частичным объяснением определенных вопросов,. фокусируясь на одних аспектах проблемной области, опускает другие; 2) все теории рассматриваются как конструкции, создаваемые людьми. Будучи способом видения наблюдателями их окружения, сами по себе теории не являются реальностью. А. Каплан (A. Kaplan) пишет в этой связи: Теория представляет собой способ рассмотрения фактов, организации и репрезентации их, по существу она создает свой собственный мир (1964, с. 309). Не смотря на всю сложность процесса концептуализации, в целом, он состоит из группирования вещей и событий в категории в соответствии с наблюдаемыми общими качествами и характеристиками.

Наиболее общим, сущностным элементом теории являются ***понятия***. Весь наш символический мир базируется на понятиях, которые мы обозначаем обычными словами, а теоретик видит то, что он рассматривает как наиболее существенное. Некоторые останавливаются на концептуальном уровне, т.е. дают только перечень понятий и определений без какого-либо объяснения того, как они взаимосвязаны и как взаимовлияют друг на друга. Теории, опирающиеся на такой аппарат получили название *таксономий*. Правда, большинство исследователей не считает таксономии теориями.

Другим общим для теорий элементом является *объяснение, которое* выходит за рамки простого наименования и определения переменных, идентифицирует регулярность в их взаимоотношениях, отвечая на вопрос почему? и основываясь в первую очередь на принципе необходимости.

Принцип необходимости предполагает установление некоторой логической зависимости между переменными, которая и делает конкретный результат необходимым. Если икс, то с необходимостью или большой вероятностью будет и игрек. Необходимость берется чаще как вероятностная модель. Существует достаточное многообразие разновидностей необходимости, а следовательно и объяснений.

Причинная (каузальная) *необходимость* объясняет события с позиций причины и следствия, в которой поведение рассматривается как следствие причинных сил. *Практическая необходимость* объясняет события с позиции действие = последствие, в которой поведение рассматривается как интенциальное действие, направленное на достижение определенной цели или будущего состояния как реакции на стимулы, в то время как практическая – выдвигает в качестве причин особенности поведения личности и волю.

Модель теоретического объяснения каузальной и причинной необходимости предлагают Кеннет и Мери Джерджены (Gergen) (Таблица 8). На этой схеме объяснения становятся возможными, когда они строятся на основе причинного объяснения и невозможными в случае практического объяснения.

Они подразделяют их на личностно-центрированные и ситуацинно-центрированные. Первые базируются на факторах внутри действующей личности, вторые – находящихся вовне. Некоторые ситуацинно-центрированные объяснения фокусируются на факторах, имеющих место до совершения действия, другие – после совершения

Таблица 8. Формы объяснения поведения.

	Дающее возможность объяснения (причинное)	Не дающее возможность объяснения (практическое)
Ситуацинно-центрированное (предшествующее)	"От него требовалось" "Ее вызвали"	"Она воспользовалась некоторой информацией" "Люди говорят об этом"
Личностно-центрированное	"Это привычка" "Это черта характера"	"Он решил" "Она так считала"
Ситуацинно-центрированное (последующее)	"Это его судьба"	"Он сделал это во имя достижения цели"

Приводится по: Gergen, K.J., & Gergen, M. M. Explaining Human Conduct: Form and Functions. In Explaining Human Behavior: Consciousness, Human Action, and Social Structure, T. I. P.F. Secord. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1982, pp. 127-154.

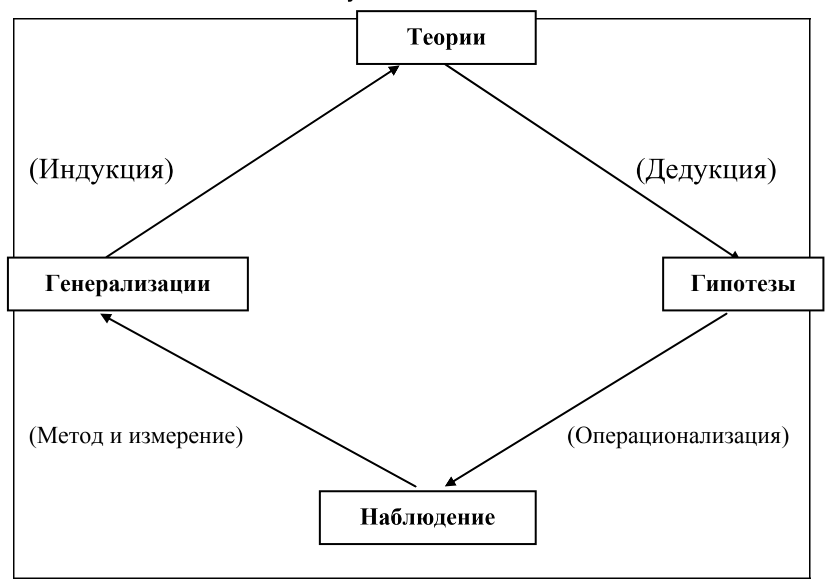
В зависимости от ведущего метода интерпретации традиционно различаются три типа теорий: *теории, основанные на законах*,

проясняющих универсальные причинные отношения между переменными; *теории, основанные на правилах,* предполагающие возможность выбора и изменения правил; *теории, основанные на системном подходе*, концентрирующиеся на выявлении логических отношений между элементами и утверждает наличие взаимосвязанности между событиями.

Традиционный идеал теории

В социальных науках традиционно используются подходы и методы исследований, сформированные в естествознании, а именно: 1) изучении проблемы; 2) формулировании гипотез; 3) проверка гипотез; 4) формулирование теории. То есть применяется *гипотетико-дедуктивный метод* исследования феноменов при четком определении их составляющих (См. схему 2).

Схема 2. Классический идеал науки.

Приводится по: Walter L. Wallace, (ed.) Sociological Theory, An Introduction. New York: Aldine de Gruiter, 1969.

В основе гипотетико-дедуктивного метода лежат гипотеза, операционализация, контроль и манипуляция, открытый закон, и предсказание.

Гипотеза представляет четко сформулированное предположение о взаимоотношениях между переменными. Она может основываться на интуиции, личном опыте, результатах предыдущих исследований и теориях. Фактически, проверке гипотез часто предшествует процесс рассмотрения обобщений.

Все гипотезы должны быть проверяемыми или, другими словами, анализируемые переменные должны быть определены так, чтобы любой исследователь мог показывать их подобным же образом, или при случае опровергнуть их. В реальности процесс проверки гипотез идет методом исключений (См. схему № 2).

Операционализация предполагает установление всех переменных, содержащихся в гипотезе таким образом, чтобы дать ориентиры, как должно рассматриваться исследуемое понятие.

Операциональность основывается на *измерении*, в котором выводятся точные, обычно количественные, индексы наблюдаемого. Измерения, позволяющие выявлять различия между наблюдаемыми переменными, оцениваются по двум критериям: *валидности* и *надежности*.

Валидность характеризует степень измерения того, что должно быть измерено, и насколько полученные показатели характеризуют изучаемое нами явление. В исследовательском арсенале имеется целый ряд методов оценки валидности. Чем валиднее исследование, тем ярче выражается в нем то качество, ради которого проводилось исследование.

Надежность характеризует степень точности психологических измерений. Чем надежнее измерение, тем свободнее оно от погрешностей. Иногда надежность рассматривается как устойчивость (стабильность) результатов при повторном исследовании; иногда как проявление степени эквивалентности двух одинаковых по форме и цели исследований. Валидность и надежность взаимосвязаны друг с другом. Последняя является необходимым, но недостаточным условием валидности.

Контроль и ***манипуляция*** в наблюдении представляют единственный путь установления причинности. Если один ряд пе-

ременных фигурирует как постоянный (контроль), а другой как изменяемый (манипуляция), исследователь должен выявить влияние манипулируемой переменной, не обращая внимания на другие переменные как скрывающие причину. Контроль и манипуляцию можно проводить непосредственно в эксперименте, или опосредованно – путем статистической обработки данных.

Открытый закон – теоретическое утверждение о причинности и следствиях конкретного ряда переменных в различных ситуациях. В традиционной науке это важнейший элемент в силу его способности прогнозировать события. В этом контексте все классические теории представляют собой утверждения об открытых или точнее гипотетических законах.

Предсказание – является важнейшим результатом исследования. Как результат оно вооружает людей знаниями о закономерностях и особенностях реального мира, путях его преобразования. Часто гипотезы представлены в форме: если x и y, то z. Применительно к социальной психологии проблема предсказания приобретает дополнительные сложности, связанные с бесконечностью личностных и ситуативных переменных, могущих оказать решающее влияние на социальное поведение людей.

Представленный классический подход к теории и исследованиям, по мнению Литтлджона (Littlejohn), находится в традиции познания как открытия. Однако эта традиция в науке не является единственной. Более того, она подвергается обоснованной критике со стороны представителей интерпретационной и критической традиций. Классическая традиция определяется как «старая парадигма» социальных наук, на смену которой приходит «новая парадигма» (1994, с. 27). Менее претенциозным, по всей видимости, является дифференциация на «традиционную» и «альтернативную» парадигмы. В рамках традиционной парадигмы социальных наук К. Левин вычленял «аристотелевскую» и «галилеевскую» парадигмы. Называя предшествующую психологию преднаучной, а ее подход аристотелевским, он подверг критическому рассмотрению характерную для неё жесткую категоризацию, статистическое определение закономерности, фенотипический подход к психологии, описательную методологию. В качестве альтернативы он предложил конструктивный метод, опирающийся на положения о: 1) критериях закономерности, не зависимых от повторяемости; 2) приоритетной роли интерпретаций, основанных на взаимоотношениях событий по отношению к классификационным; 3) определении феноме-

на, как существующего в континууме; и 4) методологии, утверждающей контролируемый эксперимент и количественные измерения.

По отношению к конструктивному методу, названному им галилеевским, Левин утверждал, что доказательство закономерности зависит от «чистоты случая», а не от частоты повторяемости, подчеркивая важность индивидуального случая. В отличие от аристотелевского подхода к структуре науки, подчеркивавшего необходимость классификации событий в дискретные группы, Левин выдвигает необходимость исследования функциональных отношений между событиями, считая, что наиболее важным является понимание основополагающих отношений и выявление функций, нежели структуры и содержания феномена. Репрезентация феномена в континууме будет более адекватно показывать их сходства и различия по сравнению с дискретной категоризацией. Именно этот подход позволил разработать систему, ставшую известной, как направление теории поля (Lewin, 1951).

Понятие парадигмы в последние годы получило весьма широкое распространение в науке. Более подробный его анализ будет дан ниже, а пока приведем классическую его трактовку, сделанную Т. Куном: парадигма – это коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т.д. разделяемых научным сообществом в рамках конкретной проблемной области в определенный временной момент. Представители альтернативной парадигмы подвергают критике два следующих основных положения традиционной: 1) реальность не обладает единственно установленной и статичной структурой, открытой и представленной в теории; она изменяется, может быть представлена многообразными путями, что является ключевым для проверки гипотез и валидности теории; 2) человеческое поведение нельзя свести к ряду отдельных переменных, детерминируемых причинными силами, в силу чего не всегда возможны открытый закон и предсказание.

Развитие и изменение теории

Теория представляет собой абстракцию, имеющую под собой некоторые основания в реальной жизни. Практика оказывает такое же влияние на теорию, как и теория на практику.

Одной из фундаментальных работ в области разработки теории является работа Куна «Структура научных революций» (1970).

Начав с занятий теоретической физикой, он в последующем сконцентрировался на истории и теории науки. Для понимания специфики развития научного знания он считал необходимым включить в плоскость анализа историю развития структур научного сообщества, которое обладает своим интеллектуальным потенциалом, стандартными источниками ссылок, учебниками, способами решения проблем, ценностями, влиянием на формирование мировоззрения исследователя.

Особый интерес для него представлял процесс развития науки во времени. Кун утверждал, что на ранней, преднаучной стадии существует конкуренция различных школ и систем мышления. Они разрабатывают свои определения, методы и основоположения; одни в силу тех или иных обстоятельств становятся более предпочтительными, другие добиваются определенных достижений в области актуальной проблематики и задают направления дальнейших исследований, определяя приоритеты, переходя к стадии нормальной науки.

Нормальная наука, систематизирует прошлые достижения, определяет проблемные области и методы, т.е. создает традицию, в рамках которой работает большинство ученых. Для определения нормальной науки Кун вводит понятие парадигмы – общей плеяды представлений, ценностей, техник и т.п., разделяемых членами данного сообщества (1970, с. 175). Этот термин также применяется и к конвенциальным подходам к разрешению проблем. Экономичность использования парадигм определяется тем, что они помогают определить рамки работы ученого, установить легитимные методы анализа и способы рассмотрения проблем

Непосредственная практика, как и исследования, создает базу для формулирования теории, ее верификации, выдвижения новых гипотез и уточнений. Для «традиционалистов» это есть процесс развития гипотез о реальном мире. Для «альтернативистов» - научно организованный процесс интерпретации фактов, поступающих из бесконечного потока бытия.

Развития теории предполагает проведение: 1) специального исследования фактов, заслуживающих внимания; 2) проверку предсказательных возможностей теории или ее интерпретационной полезности; 3) дальнейшее развитие и артикуляцию теории (Kuhn, 1970, с. 25-27).

Можно выделить три потенциальных способа изменения теорий: 1) *через ее расширение*, предполагающее накопление зна-

ний, продвижение от одного бита информации к другому посредством добавления новых понятий к старым; 2) *через интенсификацию*, т.е. разработку и уточнение понимания отдельных понятий и аспектов; 3) *через научную революцию* когда научная интерпретация фактов вступает в противоречие с традиционными взглядами и требует их коренного пересмотра. Примером такого рода в психологической науке является антагонизм ортодоксального бихевиоризма с необихевиоризмом, или когнитивизмом, смысл которого заключается в осознании необходимости включения в анализ поведения элементов внутренней активности человека, которая игнорировалась основателями классического подхода.

В научной революции понятия и операции начинают концептуализироваться радикально отличным образом, требуя переопределения всей области знания. По меткому замечанию Куна, исследователь, окунувшийся в мир науки после научной революции, по новому начинает относиться к предшествующему ее состоянию, и тогда становится понятным, почему критики традиционных научных подходов называют свой подход «новой парадигмой», в то время как консерваторы относятся к термину «парадигма» с некоторой настороженностью.

Однако начиная с 1960-х годов в естествознании все чаще подвергается сомнению факт единственного объективного метода исследований. Химик Дж. Хильдебранд (Hildebrand), физик П. Бриджмен (P.W. Bridgman), лауреат Нобелевской премии, зоолог П. Мидавар (P.B. Medawar) вообще отрицают необходимость такой вещи как научный метод, поскольку ученые используют огромное количество стратегем, ни одна из процедур открытия не может быть логически предписана (Medawar, 1985: 51).

Критические отношения к существованию единственного научного метода людьми, добившимися существенных успехов в науке, свидетельствует о том, что на сегодняшний день нет каких-либо особых оснований для утверждения абсолютной точности, строгости, связности и объективности науки.

П. Фейерабенд (P.K. Feyerabend) в своей книге «Против метода» (1975) даже подчеркивает, что он определяет философскую науку как анархическую теорию знания, отрицая какой-либо анархизм в истории политических наук, он считает возможным использование понятия анархизма в эпистемологии. «Идея и метод, содержащие строгие, неизменные и абсолютно обязательные принципы, обусловливающие деятельность науки встречают значительные

сложности, когда сталкиваются с результатами исторических исследований – нет отдельного правила, каким бы гибким оно ни было и в то же время строго обоснованным в эпистемологии, которое не имело бы несовершенств в том или ином. Становится очевидным, что эти несовершенства не являются случайными; они не являются следствием недостаточности знаний или невнимательности, которую можно избежать. Наоборот, мы видим, что они являются необходимыми для прогресса» – пишет ученый (1975, с. 23).

Продуктивный и творческий ученый отрицает правила, преобразует их, поддерживает интуитивно формируемые гипотезы, работает индуктивно и дедуктивно иногда во имя единства, а иногда во имя плюрализма. «Одним из замечательных достижений недавних дискуссий в области истории и философии науки – пишет он далее, – является осознание того факта, что такие события и достижения, как атомизм в античности, коперниканская революция, современный атомизм (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория), волновая теория света, оказались возможными лишь потому, что некоторые мыслители либо сознательно решили разорвать путы «очевидных» методологических правил, либо непроизвольно нарушали их» (1986: 153).

Позиция Фейерабенда заключается в необходимости более внимательного исследования истории научных открытий, более детального эмпирического анализа того, что делается в мире науки. Возможно ли использование одного и того же метода ученым химиком и астрономом? Является ли метод абстракций алгебраиста таким же, как метод биолога? Существует ли возможность изобретения метода, адаптируемого к различным областям научного знания или многообразия методов , пригодных лишь для специфических областей? Если не существует одного единственного метода, то существуют ли общие для них черты? От ответов на эти и другие вопросы во многом зависит дальнейшее развитие научной теории – будет ли это превращение процесса развития науки в диалогику (Библер), диатропику (Чайковский), анархию (Фейерабенд) и т.п. перейдем к более детальному рассмотрению функций научной теории.

Функции научной теории

Для понимания специфики и роли научной теории полезно знакомство с ее функциями. В существующем многообразии под-

ходов к данному вопросу выделим систематизацию, предложенную С. Литтлджоном (S. Littlejohn, 1994, с. 28-29). Он акцентирует внимание на функциях научной теории.

Функция организации и обобщения знаний. В нашем восприятии мир не представлен как некий набор единиц информации. Существующее многообразие данных о нем обусловливает необходимость их систематизации, организации, синтеза построения различных моделей, установления связей между событиями и фактами, объяснения происходящего. Один из возможных путей подобного рода организации представляет собою теория. Другим полезным аспектом ее конструирования является аккумуляция знания. Студент, практик или исследователь при наличии разработанной теории легче ориентируются в объеме полученных данных, могут внести в них, при необходимости, коррективы, увидеть те пробелы, ликвидация которых порою составляет целую исследовательскую область.

Функция фокусирования позволяет сосредоточить внимание на значимых переменных и взаимоотношениях между ними подобно географической карте, ориентирующей на местности, позволяющей более точно отыскать цели, выбрать ту "местность" науки, которая в данном случае дает теория дает и теория.

Функция прояснения наблюдаемого помогает исследователю разобраться в анализируемых проблемах и в этом смысле психологические теории представляют собою своеобразный путеводитель для интерпретации, объяснения и понимания сложности человеческих взаимоотношений.

Функция организации наблюдения дает возможность не только сориентироваться в том, что следует наблюдать при изучении интересующего нас явления, но и делать это. Особенно это характерно особенно для тех теорий, которые выдвигают операциональные определения, как наиболее точные индикаторы содержания понятий, помогая исследователю выявлять детали, тщательно прорисованные в теории.

Функция предсказания – одна из наиболее дискутируемых в последние годы в науке. Предсказательные возможности теории особенно значимы в прикладных науках и конкретных областях. Вместе с тем предсказательные возможности теории объективно ограничены. В психологии они ограничены в силу целого спектра ситуативных и личностных детерминант человеческого поведения, которые зачастую не осознаются и самим субъектом.

Эвристическая функция в теории обладает высоким потенциалом генерирования исследований, являя собой своеобразное руководство в том или ином направлении исследований, в аспектах, требующих уточнения и развития, и тем самым в совершении открытий, столь необходимых для обогащения знаний.

Коммуникативная функция позволяет исследователю сделать теорию достоянием других ученых, создает дополнительные возможности для развития и самой теории и исследователя. Через коммуникацию различных теоретических моделей исследуемого феномена становится возможным изучение, сравнение данных, дальнейшее углубление познания.

Функция контроля связана с ценностными ориентирами исследователя в этической сфере определенного теоретического подхода. Такие функции часто обозначаются как нормативные, т.к. придерживаются определенных норм исполнения. Однако большинство остаются на чисто описательном уровне.

Генеративная функция относится в основном к интерпретационной и критической традициям так называемой альтернативной парадигмы. По определению К. Гергена, эта функция есть «способность изменять руководящие основоположения культуры, ставить фундаментальные вопросы рассмотрения современной социальной жизни, ускорения пересмотра того, что имеется, и на этой основе генерировать новые альтернативы социальных действий» (Gergen, 1982, с. 109).

Представленный перечень функций, выполняемых теорией, наглядно демонстрирует ее потенциал. Тем не менее, понимание сущности теории невозможно без анализа положений на уровне метатеории, как объекта философии.

Анализируя различные теоретические подходы, можно, при всем их многообразии, говорить о критериях оценки с позиций идеальной теории.

Теоретические возможности определяются ее современностью и содержательностью, способностью теории к широкой генерализации, которая устанавливает необходимость объективных, выходящих за рамки исследуемых феноменов, а не просто спекулятивный подход, т.е. чисто теоретический.

Литтлджон различает два типа генерализованности (1994, с. 35). Первый предполагает освещение широкой области знаний целого ряда феноменов. Примером тому являются системные теории. Однако далеко не все теории касаются широкого круга вопросов.

Многие из них имеют дело с рассмотрением узкой сферы – это второй тип теории, который, тем не менее, может давать интерпретацию довольно большому количеству ситуаций. В науке данное типологическое разграничение именуется метатеориями и теориями среднего уровня.

Соответствие. Это понятие связано с проблемой уяснения насколько эпистемологические, онтологические и аксиологические выводы соответствуют содержанию и методам, используемым теорией. Если исследователь придерживается той точки зрения, что люди обладают свободой выбора в совершении собственных действий, это будет находиться в противоречии с догмами детерминистской обусловленности, провозглашаемой бихевиористами. Если же он придерживается тезиса о том, что регулирующие поведение структуры до конца не осознаются индивидом, вряд ли корректно будет использовать в качестве научных фактов оценочные критерии испытуемых.

Одним из условий соответствия теории является ее логическая непротиворечивость предположениям и выводам. Например, многие представители когнитивной традиции в психологии придерживаются взгляда об активном характере процесса переработки человеком поступающей к нему информации и, следовательно, целенаправленности его действий по достижению преследуемых целей. В то же время такая позиция находится в полном противоречии с их стремлением к установлению универсальных законов поведения, которые вряд ли могут ассоциироваться с целенаправленностью действий.

Эвристическая ценность теории зависит от того, насколько она обладает потенциалом стимулирования новых исследований и обобщений. Примером такого рода является теория поля Левина: она дает ориентиры в спектре проблематики, связанной с социальным поведением и описание адекватного инструментария.

Валидность в широком смысле отражает истинность теории, которую нельзя понимать как нечто абсолютное и неизменное. Речь скорее идет о правомерности существования различных теоретических истин, и в этом смысле валидность по Brinberg и McGrath (1985) как критерий теории может быть трех типов.

Первый –суть *ценность* или *достоинство* теории. Это вопрос значимости или полезности, концептуальной или прагматической ценности; это первичная форма валидности для интерпретативных или критических теорий.

Вторым тип –суть *соответствие* или *пригодность*. Это вопрос о том, каким образом понятия и отношения, проясняемые в теории, могут быть представлены в анализируемых явлениях Классическая наука утверждает возможность единственно научной репрезентации событий; интерпретативно-критическая традиция утверждает возможность одновременного существования ряда репрезентаций.

Третий тип – *генерализуемость* теории, т.е. степень применимости принципов теории к различным случаям. Это классическое определение валидности; оно находится в полном соответствии с идеалом традиционной, ориентированной на открытия теории, ищущей универсальные законы.

Экономичность теории часто ассоциируется с ее логической простотой. При рассмотрении валидности двух или более теорий, достовернее будет называться та, которая более компактна, логически проста, определенна. Примером подобного рода может служить теория когнитивного диссонанса, демонстрирующая идею соответствия.

Глоссарий
Аксиология *– область философии изучающая ценности. Аксиологический аспект познания связан, прежде всего, с обсуждением роли этических принципов в научном познании. В его рамках обсуждается вопрос имеет ли право ученый вмешиваться в жизнь, не имея исчерпывающего представления о возможных последствиях такого рода вмешательства.* ***Априорность*** *– означает предшествующее знанию. Примером априорного знания является утверждение типа - мы не можем существовать и не существовать одновременно. Применительно к психологическому познанию априорность означает наличие своеобразного предзнания, например, структур зрения, определяющих предметность восприятия, без которых человек просто не в состоянии различать отдельные предметы.* ***Апостериорность*** *– означает постшедствующее знание. В современном значении, со времен Канта, апостериорность определяется как знание, основывающееся на эмпирическом опыте. Применительно к психологическому познанию примером такого знания является научение.* ***Диатропика*** *– учение о многообразии. Диатропическая познавательная модель, предполагает смещение акцентов в сторону рассмотрения природы и общества с позиций множественности, разнообразия, одновременного сосуществования многих, иногда диаметрально противоположных, подходов к изучению и рассмотрению явлений социального и физического мира, предоставляющих возможность многозначности*

трактовок, способствующих нахождению новых, зачастую недоступных какому-либо одному подходу, аспектов и граней, их синтезу и объединению друг с другом.

***Дуализм** – философская доктрина, утверждающая существование двух фундаментальных порядков, универсальных реальностей – физической и психической. Каждая из этих реальностей обладает своим статусом – наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и влияние физической реальности. Дуализм в психологии выражается в соотношении физического и психического, биологического и социального.*

***Когерентность** – согласованность высказываний системы или систем знания, включая отношение истинной теории к исследуемой.*

***Конструктивизм** – устанавливает то, что люди формируют знания для прагматического функционирования в жизни, они как бы проецируют себя в то, что испытывают. Конструктивисты считают, что феномены окружающего мира могут быть продуктивно концептуализированы многими способами. Знание представляет то, что человек делает в мире. Наконец, еще более решительный шаг предпринимают социальные конструктивисты, утверждающие, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах.*

***Монизм** – философская доктрина утверждающая, что реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство. Все принадлежит всему остальному – представляет универсум. Монизм приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная реальность понимается либо как физическая (взгляд, определяемый как материализм), либо как мысленная (взгляд, определяемый как идеализм). Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов «мышление» сводится к активности мозга. Идеалисты считают, что умственное являет собой фундамент всех наук. Переживания, сознание, осведомленность априорны по отношению к мозгу. Единственным доступным миром является мир переживаний.*

***Онтология** – область философии исследующая природу бытия или более узко природу феноменов, которые мы стремимся познать. Фактически онтология неотделима от эпистемологии, т.к. наше понимание знания и познания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и особенно в социальной, онтологический аспект в большей степени связан с природой человеческого существования.*

***Плюрализм** – философская доктрина, утверждающая, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. В психологии плюрализм проявляется в существовании разных (зачастую альтернативных друг другу) традиций, по разному трактующих одни и те же феномены и явления.*

Рационализм *– доктрина, провозглашающая априорность обоснований или внутренне присущих идей. Рационалисты утверждают, что мышление обладает своими внутренними организующими принципами, фильтрующими и перестраивающими информацию, поступающую от органов чувств, активность мышления, его способность формировать понятия не представленные в чувственном опыте.*

Тацитность *знания (tacit – безмолвность) – философская доктрина, утверждающая, что большая часть знания является скрытым, что оно оперирует на основе чувствительности к тому, что не осознается и не может быть выражено.*

Теория социально-психологическая *– совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования; взаимоотношения между индивидами и социальной структурой.*

Фальсифицируемость *– установления ложности положения, альтернативного истинному. В соответствии с рассуждениями Поппера знание, не фальсифицируемое не может признаваться истинным, т.к. оно как не доказуемо, так и не опровергаемо. Примерами такого рода знаний Поппер определял марксизм и психоанализ.*

Эмпиризм *– доминировавшая в естествознании на протяжении многих десятилетий доктрина, провозглашающая единственным основанием знания факты, основанные на наблюдении и представляющие объективную реальность.*

Эпистемология *-- сам термин происходит от греческого episteme, обозначающего понимание или знание. В философии под ним понимается область знания, занимающуюся изучением познания. Эпистемологи пытаются найти ответы на вопрос о том, как люди приходят к выводу о том, что они знают.*

Вопросы для обсуждения

1. В чем необходимость теоретического доказательства в социальной психологии?
2. Охарактеризуйте основные функции теории?
3. Что означают понятия «валидности» и «надежности» по отношению к теоретическому доказательству?
4. Что означает понятие «парадигма»? Какие особенности присущи процессу изменения и развития парадигм?
5. Что подразумевается под эпистемологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области эпистемологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ними?
6. Что подразумевается под онтологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области онтологии и в чем сложность нахождения однозначных ре-

шений по ними? 7. Что изучается в области аксиологии? Какие вопросы рассматриваются в области аксиологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ними?
Для дополнительного чтения
1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998. 2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо, 1997. 3. Ломов Б.Д. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. 4. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10–ые – 30–ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: МГУ, 1992. – 364 с. – С. 47–78. 5. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СП б: Изд-во «Речь», 2003. 6. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2000. 7. Перспективы социальной психологии. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 8. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1, 2. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 9. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 2. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. 10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. 11. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987. 12. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / Под ред. А.Д. Наследова. – СП б: Изд-во «Евразия», 2002. 13. Юревич А.В. Социальная психология науки. – СП б: Изд-во РХГИ, 2001. 14. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.
Основной источник
1. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СП б: ИГУП, 1999.

ГЛАВА VI. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО СПЕЦИФИКА

Соотношение количественных и качественных методов в психологическом исследовании

С момента конституирования социальной психологии как системы научного знания в ней, в качестве альтернативы предшествующей субъективной интроспекции, на протяжении многих десятилетий господствовала экстраспекция, основанная на методологическом фундаменте позитивизма. Предполагалось, что изучение психологических явлений должно строиться по аналогии с естественными науками: необходимо тщательное объективное наблюдение, количественное измерение переменных, нахождение логических связей между причиной и следствием. Важным условием является также воспроизводимость результатов. В конечном итоге это выражается в требовании использовать в социальной психологии в основном так называемые количественные методы, в частности, эксперимент. Именно поэтому традиционную, а точнее бихевиористски ориентированную социальную психологию часто называют экспериментальной наукой. В том, что именно эксперимент является основным методом, легко убедиться, достаточно открыть учебник по социальной психологии, где изложение любой теории подкрепляется многочисленными экспериментальными исследованиями.

К количественным относятся методы, для которых основными являются процедуры измерения, категоризации и кодирования. Для качественных методов характерно представление информации в виде описаний, значений и т.д. Укажем, что к качественным методам можно отнести опросники, составленные из открытых вопросов, нестандартизированное интервью, включенное и несистематическое наблюдение, метод репертуарных решеток, дискурсный анализ.

Но не все исследователи согласны с тем, что необходимо использовать только количественные методы. И более того, некоторые считают, что в отдельных случаях они дают бесполезную информацию, причем чаще всего это происходит именно в социально-психологических исследованиях. Например, при исследовании ат-

титюдов, когда используется метод шкалироположения, положение каждого человека определяется числовым значением только по одному измерению. Но это не совсем верно, т.к. в ходе беседы обычно выявляется комбинация мнений, которые нельзя свести к какой-то средней точке, т.к. теряется общее значение. Каждого человека. Представители новых парадигм указывают на следующие моменты. Во-первых, при использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, без всех присущих ему связей с другими людьми. Во-вторых, исследуемое поведение отличается от естественного, так как действия испытуемого строго ограничены и даже заранее обусловлены, и он не может планировать и реализовывать поведение, как это происходит в обычных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли можно ожидать, что они встречаются в таком виде в реальной жизни. Например, Ром Харре (Harre, 1981) проанализировал эксперимент, в котором проверялась гипотеза о том, что самофокусирование приведет к усилению «помогающего поведения». Процедура эксперимента заключалось в том, что женщины наблюдали собственное изображение на экране телевизора в течение одной минуты. После этого им читали лекцию о венерических заболеваниях: одной группе сразу же после самофокусирования, а другой – через четыре минуты. Затем их спрашивали, внесут ли они при определенных условиях свой вклад в программу по предотвращению венерических заболеваний. Харре утверждает, что в эксперименте использовалось упрощенное понимание концепции самофокусирования, введенной Дж. Мидом, поэтому данные ничего не могут сказать о поведении в реальном мире. В-третьих, отношения исследователя и испытуемого строятся по схеме «руководитель-подчиненный», и это накладывает свой отпечаток на исследуемую область. И, наконец, строгая система категоризации и кодирования не дает возможности воспринимать явления в целом. Поэтому представители новых направлений, например дискурсного анализа, делают вывод, что только качественные методы позволяют исследовать человека в социальном контексте, в процессе взаимодействия с другими людьми.

Один из возможных вариантов решения возникшего спора предполагает, что использование количественных методов необходимо на первоначальном этапе, когда происходит сбор информации, ее анализ и формулирование гипотез, которые затем проверяются в более строгих исследованиях. Это решение, кстати, соответ-

ствует позитивистскому подходу. Пример такого способа рассуждения находят в исследовании Яходы-Лазарсфельда (Jahoda-Lazarsfeld) и Зейсла (Zeisl, 1932) об эффектах длительной безработицы в Австрии в 1930-х годах. Маленький мальчик в ходе интервью с исследователем выразил желание стать вождем племени индейцев, но при этом добавил: «Я боюсь, что тогда трудно будет найти работу». Исследователи выдвинули гипотезу, что безработица родителей приводит к ограничению детских фантазий, и экспериментально проверили ее. В последнее время появляются исследования, когда количественный анализ предшествует качественному.

В этой главе будут описаны обе группы методов для того, чтобы вы могли сами сравнить их. Ясно, что каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Основные проблемы количественных методов описаны выше, что касается качественных методов, они дают богатый материал, но подвержены влиянию субъективных факторов, поэтому с их помощью нельзя получать объективные данные, как при использовании количественных методов. Кроме того, ход исследования трудно повторить и получить такие же данные. Общая характеристика достоинств и ограничений количественны и качественных методов представлена в приводимой ниже таблице.

Таблица 9. Сравнение достоинств и ограничений количественных и качественных методов исследования.

Характеристики качественных методов	Критерии оценки методов	Характеристики количественных методов
Субъективная, многочисленная	Информация	Объективная, узкая
Низкая	Внутренняя валидность	Высокая
Реалистичные, естественные	Условия	Искусственные
Неструктурированная	Схема	Структурированная
Высокий	Реализм	Низкий
Низкая	Конструктная ва-	Низкая

	лидность	
Низкая	Надежность	Высокая

Прослеживая эволюцию методологических подходов к психологическому исследованию можно говорить о своеобразной триаде – от «методологии первого лица» (интроспекции), через «методологию второго лица» (экстраспекция) к методологии «третьего лица» (диалогическая методология). Обозначенная триада по существу представляет поиск оптимального сочетания субъективного и объективного в понимании социальной природы человека. Необходимость нахождения такого оптимума обусловлена тем, что как только мы избираем в качестве приоритета субъективные ощущения (по существу представляющие единственный источник знаний о внутренних переживаниях человека) возникает проблема доказательности и однотрактуемости предлагаемого знания. Как только мы дистанцируемся от субъективных переживаний человека посредством полагания на «объективные» данные эксперимента, теряется связь с реальностью, что, в свою очередь, создает основания для «научного субъективизма», обусловленного влиянием избранной методологии и способа интерпретации полученных данных. Обращение к возможностям статистического анализа не решает проблему, т.к. в «сухом» языке цифр не возможно отразить всего многообразия человеческих переживаний по причине отсутствия непосредственного доступа к внутреннему миру человека, а, следовательно, и точности измерений.

Причина такого рода балансирования очевидна – сложность и многоаспектность человеческой природы, представляющей сложное сочетание биологического, символического и рефлексивного начал, каждое из которых обладает своей уникальной спецификой и требует соответствующей уникальной методологии. В качестве компромисса выступает методология второго лица, предполагающая и полагание на прояснение адекватности полученного научного знания путем включения возможностей диалога с изучаемыми людьми как носителями непосредственных жизненных переживаний. Но как только включается такого рода диалог, появляется проблема двоичной субъективности и исследуемого и исследователя, что обусловливает необходимость включение механизмов рефлексии и объективного анализа.

Сегодня с полной уверенностью можно говорить о необходимости и возможности использование всех типов исследовательских методологий как взаимодополняющих друг друга. Точно так же как можно говорить, что любое игнорирование измерений сразу же приводит к резкому возрастанию субъективизма и многотрактуемости получаемого знания. И без наличия сравнительных шкал (пусть и не являющихся абсолютно универсальными и объективными) становится невозможным сравнивать одного человека с другим, что, в свою очередь, приводит к размыванию предмета психологии.

Измерение в психологии

В психологии измерение явлений есть процесс, который состоит в определении степени, в которой объект или совокупность объектов обладают определенной характеристикой. Если измерение касается свойства или характеристики, присущих человеку, то естественно, что данное свойство может быть присуще ему в различной степени. Таким образом, измерение есть способ размещения характеристик индивидуума или группы индивидуумов на континууме (шкале) относительно одной из его характеристик. Измерение является преимущественно количественным процессом и состоит в приписывании числовых величин явлениям, объектам. Правила, с помощью которых числовые величины приписываются событиям, определяют полезность измерения. Например, если приписать 0 любому лицу, нормальному психологически, а 1 любому лицу с психологическими нарушениями, то после обследования некоторой выборки можно подсчитать количество людей, которое входит в каждую из этих категорий. Тем не менее, рассматриваемый способ измерения позволяет выразить всего лишь зависимость типа «все» или «ничего», но не позволяет описать степень нормальности, ее продолжительность и т. д. Для этого необходимо использовать шкалу с большим числом градаций, например, шкалу от 1 до 10, на которой следует расположить данные, полученные в дифференцированном эксперименте.

Каждое измерение должно быть связано с чисто описательной процедурой и никогда не должно являться всего лишь суждением об измеряемой величине, то есть оценкой. Измерение, в отличие от оценки, есть описательное суждение об эмпирическом фак-

те. Психология стала научной, когда строгое наблюдение, базирующееся на измерении, заменило произвольную оценку. На первых этапах развития психология обратилась к физическим методам, и таким образом зародилась одна из первых областей психологии – психофизика. Значение исследования зависит как от уровня применяемых методов измерения, так и от плана самого исследования. Необходимо проверить, соответствует ли метод, выбранный для исследования, предмету исследования и обеспечивает ли он соответствующее измерение рассматриваемых переменных.

Чтобы быть полезными, методы должны обеспечивать точность и надежность информации. Точность научной информации зависит от критериев, выделенных ниже.

1. **Достоверность.** Процесс измерения является тем более достоверным, чем слабее влияние случайных факторов и чем более постоянные результаты он дает. При создании методов, предназначенных для измерения переменных характеристик (например, поведения), считается, что нестабильность результатов во времени необязательно является показателем ошибки. Понятие достоверности, следовательно, расширено и включает также понятие стабильности и однородности. Под стабильностью подразумевается постоянство полученных результатов при различных условиях применения одного и того же инструмента. Необходимо различать изменчивость как результат реальных модификаций изучаемой характеристики и изменчивость как результат модификаций, вызываемых инструментом. Наиболее известной является методика «50/50» (fifty-fifty – «пятьдесят на пятьдесят»), которая состоит в расчете корреляции между зарегистрированными измерениями в каждой из двух половин одного и того же теста.
2. **Объективность.** Каждое измерение, проведенное человеком, допускает определенную степень субъективности. Существуют статистические методы для определения степени объективности измерения. Но в целом объективность измерения определяется путем оценки достоверности, поскольку считается, что достоверность методики обусловлена ее объективностью.
3. **Валидность.** В данном случае оценивается, измеряется ли рассматриваемая характеристика или, напротив,

измерение отражает влияние других факторов. Валидность инструмента измерений оценивается в зависимости от степени соответствия результатов другим фактам. Таким образом, валидность устанавливается относительно результатов использования другого инструмента измерений.

В гуманитарных науках мало методик, которые удовлетворяют всем этим критериям. Задача исследователя заключается в том, чтобы отделить результаты измерений, связанные с реальными отличиями, существующими между испытуемыми, от результатов, полученных за счет случайных влияний, то есть установить ошибку измерения. Исследователь должен знать, какие статистические процедуры позволяют аннулировать эти влияния.

Методики различаются по источнику получения информации и информированности участников. Возможны три различных типа источников:

1. *Сам испытуемый*. Выводы основываются на ответах самого испытуемого (например, интервью, анкеты, тесты). При этом испытуемый знает о том, что он подвергается процедуре измерения.
2. *Исследователь*. Наблюдения являются открытыми, если субъект знает о том, что за ним наблюдают, и скрытыми, если испытуемый не знает об этом.
3. *Архивные записи*. В этом случае испытуемым может быть известно или неизвестно о том, что они подвергаются исследованию (измерению).

Такие наиболее часто используемые и популярные методы измерения, как субъективные отчеты и открытые наблюдения, являются наиболее уязвимыми и характеризуются большой вероятностью ошибок. Субъективные отчеты можно использовать только в ограниченном диапазоне: для анализа некоторых форм поведения и для описания внутренних состояний. Субъективные отчеты – это наиболее недостоверный источник информации, поскольку они связаны с субъективной оценкой поведения и состояний как в случае самонаблюдения, так и в случае наблюдения за другими людьми. Архивные записи, как правило, фрагментарны и число их ограниченно.

Методика считается простой в применении, если она характеризуется отсутствием начальной установки, легкостью сбора информации и низким процентом иррелевантного материала. Относи-

тельно данных характеристик субъективные отчеты являются наиболее удобными инструментами.

Если заранее известно, что валидность измерений будет низкой (например, из-за особенностей источника информации), то единственная стратегия, ведущая к увеличению валидности, состоит в систематическом использовании различных измерений одной и той же переменной (повторные измерения).

Ошибки измерения могут возникать:

1) если испытуемый осведомлен, что за ним наблюдают, и дает различные ответы в зависимости от своих интересов и мотивов;
2) за счет низкого качества используемого инструмента измерения;
3) за счет особенностей исследователя, то есть изменчивость ответов может зависеть от характеристик интервьюера (пола, возраста, опыта и т. д.), которые влияют на испытуемого в ходе эксперимента. Возможны также факторы, которые связаны с состоянием самого исследователя, например, с усталостью;
4) за счет характеристик выборки, например, малочисленности обследуемой группы, которое проходит обследование, или нестабильности группы (то есть изменения численности к моменту повторного исследования). Это может привести к ошибочному выводу об изменении измеряемого параметра (переменной) в зависимости от времени и условий эксперимента, тогда как изменения обусловлены особенностями выборки (например, нестабильностью, несопоставимостью, нерепрезентативностью выборки).

Понятие переменной связано с понятием измерения. Действительно, переменная есть некоторое свойство реального события, которое было измерено. Переменные, в отличие от теории, относятся к реальности. Предположим, что, согласно теории, усиление тревожности приводит к росту мотивации субъектов к вступлению в члены какой-либо группы. Для того, чтобы оценить данное теоретическое предположение, необходимо найти взаимосвязь между тревогой и мотивацией к вступлению в члены какой-либо группы, с одной стороны, и реальными переменными, с другой. Теория является абстрактным утверждением, которое имеет сложные связи с реальными событиями. Итак, можно измерить тревогу по шкале,

тенденцию к вступлению в члены группы оценить с помощью расстояния, на котором субъекты исследования расположены один относительно другого. Эти два измерения являются переменными в эксперименте. Вычисление корреляции между двумя переменными позволит проверить гипотезу. Наличие или отсутствие корреляции между переменными считается проверкой теории, которая привела к эксперименту.

Можно говорить о следующих типах переменных:

1. **Независимые переменные.** Среди них выделяются экспериментальные и дифференциальные переменные.

Экспериментальные переменные – это те переменные, которые экспериментатор изменяет по своему желанию и наблюдает их влияние на зависимые переменные. Например, экспериментатор варьирует сложность задания или интенсивность стимула.

Дифференциальные переменные – это переменные, которые экспериментатор не может изменять по своему желанию, но может принять их как данность. Например, пол, возраст, уровень образования, психологические характеристики испытуемого, его интеллект.

2. **Зависимые переменные.** Ответ или реакции испытуемых, полученные в ходе эксперимента. В некоторых исследованиях мы не знаем, какие переменные являются зависимыми, а какие независимыми. Например, мы можем думать, что существует связь между насилием и телевидением. Однако трудно выяснить, является ли просмотр определенных телепрограмм причиной насилия или человек, который смотрит эти программы, уже был предрасположен к насилию. В данном случае идентификация независимой переменной является целью исследования.
3. **Переменные помех (нарушения).** Это переменные, которые не контролируются в ходе эксперимента и которые могут оказывать влияние на зависимые переменные. Помехи ошибочно могут быть отнесены к экспериментальным переменным. Например, неприятный (надоедливый, навязчивый) шум в комнате, в которой субъекты проходят тест на интеллект.
4. **Переменные вмешательства (случайные переменные).** Это переменные, которые состоят из не-

которых характеристик субъектов, которые могут влиять на результаты эксперимента. Например, усталость, низкая мотивация и т. д.

Описанные типы переменных являются наиболее характерными для экспериментального или «научного исследования, ориентированного на получение «объективных» или однотрактуемых данных. Однако в социальной психологии используется и ряд «преднаучных», по определению Дзуки, методов, скорее характеризующих так называемую психологию «здравого смысла». Распространенность этих методов обусловлена тем, что в своих выводах о наблюдаемом человек неизбежно будет полагаться на свои субъективные ощущения. Особенность такого «полагания» чревата рядом издержек:

1. **«Научное упрямство».** Экспериментатор упрямо верит во что-либо и не расположен к объективному анализу и сравнению.
2. **Полагание на интуицию.** Считается, что истина постигается с помощью интуиции.
3. **Полагание на авторитеты.** Любые утверждения специалиста в какой-либо области принимаются слепо, без критики, и считаются безупречной истиной.
4. **Следование логическим правилам.** При получении новых знаний экспериментатор выстраивает цепь рассуждений, используя при этом известные логические правила.
5. **Эмпирицизм.** Опыт, полученный непосредственно из факта, считается единственным критерием истины. Доверяют только информации, полученной через сенсорный опыт. Этот метод может являться источником ошибок, потому что то, над чем мы экспериментируем, представляет собой только небольшую выборку множества потенциальных ситуаций. Однако из этих пяти методов данный метод является наиболее приемлемым.

Проявление такого рода субъективизма неизбежно, особенно при отсутствии необходимой исследовательской квалификации. Для психологии крайне важным является выяснение того, существует ли выявленная взаимосвязь в действительности или она является только кажущейся. Именно с этим аспектом связано понятие валидности.

Валидность психологического исследования

Понятие валидности было введено в широкое употребление в психологию Кэмпбеллом (Campbell) и Стэнли (Stanley) в 1960-е годы в отношении результатов исследования, точно репрезентирующих характеристики феномена, подлежащего описанию или объяснению. В общем плане валидность представляет собой соответствие результатов исследования тому, что изучалось в нем. Проблема соответствия изучаемого избранному исследовательскому и теоретическому инструментарию остается дискуссионной и сегодня в силу сложности и многогранности самого объекта – социально-психологической феноменологии. В социальной психологии представлены десятки определений валидности, часто пересекающихся с другим, не менее важным понятием, надежности, определяемой как точность исследовательского инструментария и его способность давать стабильные показатели. Также следует отметить, что проблема валидности чаще всего обсуждается в контексте экспериментальной социальной психологии.

Предложенное определение валидности относится к установлению научной строгости и обоснованности выводов исследования и подчеркивает относительный характер истинности знания в социальных науках. Как отмечает Элена Дзуки, в любом научном исследовании исследователь должен уметь находить ответы на, про крайней мере, следующие вопросы:

1) существует ли зависимость между двумя переменными;
2) носит ли эта зависимость причинный характер;
3) является ли данная зависимость значимой;
4) действительно ли процедуры измерения и наблюдения относятся к исследуемым конструктам;
5) могут ли быть обобщены причинные зависимости, выявленные в ходе исследования (1997, с. 24).

Нахождение ответов на данные вопросы крайне важно, прежде всего, по той причине, что исследователь часто не задумывается над тем соответствуют ли избираемые им методы и процедуры особенностям изучаемого явления, можно ли говорить по полученным результатам о их адекватности и т.п. По отношению к поставленным вопросам можно говорить о нескольких типах валидности: внутренней и внешней валидности; валидности статистических

выводов и процедур исследования; конструктной и экологической валидности.

5. **Внутренняя валидность.**

Внутренняя валидность – степень, в которой результаты исследования позволяют сделать причинно-следственные выводы о влиянии одной переменной на другую. Большинство социально-психологических исследований эксперименталистского толка заинтересованы в выяснении того как социальные силы, воздействующие на индивида влияют на его социальное поведение и принятие решений. В этом аспекте одним из самых важных типов валидности, является определяющий отношения между зависимыми и независимыми переменными. Эта валидность связана с особым процедурами, которые позволяют определить, насколько выводы, сделанные в данном исследовании, достоверны. После того, как установлено существование зависимости между переменной X и переменной Y, необходимо решить, какая из переменных является причиной, а какая следствием, то есть определить направление данной взаимосвязи. Если Y наблюдается после X, то можно сказать, что X является причиной Y.

Однако может оказаться, что отношение зависимости между X и Y вызвано третьей переменной C. Для установления внутренней валидности необходимо рассмотреть все возможности влияния третьей переменной C на переменные X и Y и исключить их. Считается, что исследование обладает внутренней валидностью, если доказано, что существует зависимость причинно-следственного типа между зависимыми и независимыми переменными.

В отношении внутренней валидности часто возникает два вопроса:

Первый вопрос связан выяснением наличия реального влияния. Ответ на этот вопрос предполагает выяснение того, имеем ли мы основания для вывода о наличии различий в измерении зависимой переменной (т.е., существуют ли реальные статистические различия?).

Второй вопрос связан с выяснением того действительно ли эффект связан с влиянием данной переменной или чего-либо другого? Если различия принимаются как статистически значимые, то можно ли делать вывод о том, что они являются следствием прямого влияния исследуемой переменной.

Причины снижения внутренней валидности исследования:

1) **Смешение переменных.** Это одна из наибольших опасностей для валидности эксперимента. Если в ходе эксперимента какой-либо случайный фактор (неэкспериментальная переменная) взаимодействует с зависимой переменной и это взаимодействие не может быть измерено отдельно от взаимодействия зависимой и независимой переменных, то влияние случайной и независимой переменных неразличимо. Проблема смешения переменных является особенно острой в тех исследованиях, где экспериментатор не может контролировать независимую переменную.
2) **Изменения, связанные с испытуемыми.** При проверке зависимых переменных изменения, произошедшие между двумя моментами наблюдения, могут быть вызваны не независимыми переменными, а изменениями, произошедшими с самими испытуемыми (например, событиями личной жизни, изменением тех или иных свойств личности и т.д.), то есть факторами «зрелости» и «истории».

Под «зрелостью» понимаются изменения, которые произошли с испытуемым между моментом пред-теста и моментом пост-теста и которые не были связаны с влиянием независимых переменных. Например, в экспериментах по моторной координации у испытуемых может наблюдаться ее улучшение за счет тренировок в период между экспериментами. Данное влияние нельзя смешивать с влиянием независимой переменной. Под фактором «истории» подразумеваются события, которые произошли с испытуемыми и которые повлияли на результаты эксперимента.

1) **Влияние пред-теста**. Пред-тест вызывает изменения у испытуемых, и, следовательно, результаты эксперимента в некоторых случаях могут в основном зависеть от него, а не от зависимой переменной.
2) **Изменение навыков исследователя.** Например, исследователь, спустя некоторое время, может стать более опытным в наблюдениях и, следовательно, по-другому интерпретировать поведение испытуемых. Кроме того, на исследователя могут влиять такие факторы, как усталость, что может привести к ошибкам в экспериментах.

3) **Регрессия к среднему.** Это явление наблюдается тогда, когда индивиды подвергаются повторным испытаниям относительно одной и той же переменной. Установлено, что если испытуемые получили в первом испытании результаты, по величине близкие к высшим показателям шкалы, то при повторном эксперименте их результаты снижаются и становятся ближе к средним показателям, в то время как испытуемые, которые получили в первом испытании результаты, близкие к низшим, при повторном измерении достигают лучших показателей. Регрессия к среднему наблюдается также в случае ошибок, связанных с изменением переменной.
4) **Отсев.** Известно, что в ходе исследования некоторые испытуемые покидают группу. Оставшиеся испытуемые, естественно, отличаются от выбывших.

Предположим, что исследуется два метода модификации поведения для контроля за весом тела. Группе 1 предписана диета. Кроме того, испытуемые первой группы должны ежедневно записывать в дневник все, что они едят, точно взвешивать все блюда и подсчитывать калорийность пищи. Группе 2 была просто предписана диета. Вполне обоснованно можно предположить, что некоторые испытуемые группы с более обременительным заданием выйдут из эксперимента. В конце эксперимента процент испытуемых с высокой мотивацией в этой группе будет больше. У испытуемых с более высокой мотивацией больше вероятность похудения. Поэтому исследователь может прийти к ошибочному выводу о том, что условия в первой группе более эффективны для похудения.

2. Внешняя валидность.

Под внешней валидностью понимается возможность обобщения результатов исследования, то есть генерализации выводов, полученные на экспериментальной выборке, на всю генеральную совокупность. Социальные психологи стремятся к получению выводов, генерализируемых на очень широкую социальную общность, часто исходя из идеи о наличии универсальных закономерностей глобального характера. Результаты исследований с высокой степенью генерализируемости, соответственно, обладают и высоким уровнем внешней валидности. Внешняя валидность существенно зависит от способа формирования выборки.

Существует три основных типа выборки:

Случайная выборка. Например, результаты исследования группы подростков, сформированной случайным способом, будут справедливы с некоторой степенью вероятности для всех подростков данной национальности. Однако такое исследование может оказаться очень сложным и дорогостоящим, так как выборка должна быть многочисленной и однородной.

Гетерогенная (неоднородная) выборка. В соответствии с целями исследования выделяются различные группы населения, на которых предполагается получить результаты исследования. Затем анализируется случайная выборка с тем, чтобы убедиться, что она содержит достаточное количество представителей каждой группы.

Выборка типичного случая. Например, дается определение среднего молодого белоруса. Для исследования используется выборка, состоящая из индивидов, удовлетворяющих этому определению. В этом случае, если проводится эксперимент со студентами университета, например, на способность к ведению переговоров, то нельзя рассчитывать на то, что полученные выводы будут применимы для глав государств. Тем не менее, в той же социальной психологии основные выводы получены именно на студенческих выборках, что создает основания для их критики.

Внешнюю валидность снижает также несоответствие между явлениями, наблюдаемыми в лаборатории, и явлениями в естественных условиях. Трудно определить, имеет ли место выявленная зависимость только в лаборатории или она наблюдается и вне лаборатории. Внешняя валидность обеспечивается неоднократным проведением эксперимента в гетерогенных условиях.

Можно говорить, как минимум, о четырех основных возможностях ограничений генерализации результатов исследований или внешней валидности:

1) Случится ли то же самое с другими группами людей или со всеми людьми то что получено на экспериментальной выборке?
2) Случится ли то же самое в других местах?
3) Будет ли то же самое в другое время?
4) Будет ли то же самое при других типах измерений?

Первый вопрос был связан Брахтом (Bracht) и Глассом (Glass) с популяционной, а второй с экологической валидностью к рассмотрению которых мы и приступим.

3. Популяционная валидность.

Популяционная валидность обозначает степень генерализируемости результатов исследования на население. Вспомним как часто у нас вызывали состояние напряжения отдельные журнальные статьи о том, что повышенный радиационный фон таким-то образом отражается на новорожденных (приводя примеры детей-уродов и т.п.). точно такое же впечатление создавалось от отдельных экспериментальных «находок» в отношении той или иной биологической подоплеки криминальности, аддиктивности и т.п.

Кончено возможность широких обобщений варьируется от исследования к исследованию, но часто воспринимается как само собой разумеющееся присутствие того или иного признака у всего населения, что столь же часто противоречит реальным фактам и столкновением с очевидностью того, что не все лица «кавказской национальности» криминальны и социально опасны и т.п. безусловно, внешняя валидность крайне важна для прикладных исследований, направленных на выяснение того, как та или иная система воздействия «работает» в принципе и менее заинтересованных в выяснении того, как она реализуется в специфических условиях и в определенных субкультурах и контекстах. С определенной степенью уверенности можно говорить о том, что популяционная валидность становится особенно актуальной сегодня в связи с попытками нахождения оптимальной пропорции идиографии и номотетики или итики и имики, т.е. уникально-специфичного и общего для различных групп населения. По-крайней мере многими исследователями отмечается необходимость отхода от ориентации на выявление абсолютно универсальных закономерностей. Этот вопрос актуален и в контексте проблемы «оживления» социально-психологического знания, предполагающего его соотнесение с тем, что происходит в реальной жизни людей и связываемого с экологической валидностью

4. Экологическая валидность.

Под экологической валидностью понимается соответствие результатов исследования и используемых процедур и инструментов изучению и объяснению феноменологии в реальных условиях ее существования. Большой проблемой лабораторных экспериментов является генерализируемость их результатов на обстоятельства реальной жизни, естественно происходящих в условиях повседневной практики человека.. исследование обладает высокой экологической валидностью если его результаты подтверждаются в полевых исследованиях. Но и это не дает гарантий для автоматического

признания результатов экологически валидными, т.к. предполагает и генерализацию на другие обстоятельства и контексты. Обвинения в адрес многих исследований в низкой экологической валидности часто связаны с невозможностью их повторения в обстоятельствах реальной жизни. Карлсмит (Carlsmith) предложил обозначать высоко экологические исследования термином «мирской реализм», экспериментальные, т.е. проводимые в искусственных условиях, при помощи термина «экспериментальный реализм» (1976). Примерами такого рода исследований являются оригинальное лабораторное исследование конформности Соломона Аша и известные эксперименты Стэнли Милгрэма., вызвавшие целую бурю дискуссий по проблеме психологической этики. Следует отметить и то обстоятельство, что в определенных ситуациях люди ведут себя в реальных условиях так же, как и в лабораторных (например, новорожденные или пассажиры самолета), в то время как в других обстоятельствах они демонстрируют выраженные отличия. Точно так же как одни люди сохраняют постоянство и в реальной жизни и в лаборатории, в то время как другие, демонстрируют выраженные отличия. При всем критическом отношении к экологической валидности классических социально-психологических экспериментов у них нельзя отнять главного достоинства – объективности в ее классическом понимании, обеспечивающей как однозначность трактовок, так и воспроизводимость, т.е. подтверждаемость. Последняя непосредственно связана со статистической валидностью.

5. Валидность статистических выводов.

Этот тип валидности соответствует проверке статистической значимости зависимости между двумя переменными. Такие выводы всегда являются вероятностными. Тем не менее, в обыденном сознании часто присутствует своеобразная идеализация статистического подтверждения. У исследователей формируется доминанта статистического подтверждения, начисто перекрывающая усилия по валидизации полученных данных. Можно говорить о двух типах ошибок: выводе о том, что зависимость является значимой, в то время, когда это не соответствует действительности; или выводе о том, что значимая зависимость между переменными отсутствует, в случае когда она, наоборот, имеется.

Существуют некоторые факторы, которые могут снижать валидность статистических выводов:

1) слабая чувствительность исследований, которая проявляется при недостаточной по численности выборке или

при большой изменчивости в сравниваемых группах, то есть испытуемые являются слишком разными и сильно отличаются друг от друга относительно некоторых переменных;

2) низкая надежность методик измерения или процедур манипулирования переменными, которые используются в исследовании;
3) факторы помех, присутствующие в условиях эксперимента;
4) нарушение принятых правил проведения и обработки, которые установлены для различных статистических методов.

Стратегия повышения валидности статистических выводов состоит в уменьшении вариативности ошибки путем применения, например, схемы исследования с повторными пробами или использования однородных групп. Более подробное рассмотрение схем исследования будет представлена в разделе, посвященном методу эксперимента. Статистическая состоятельность исследования может диагностироваться как на стадии проектирования исследования (например, проверка расчета величины выборки), так и после исследования для оценки его результатов.

6. Валидность процедур.

Третий тип валидности – это валидность процедур, которые позволяют варьировать и измерять переменные. Даже необходимость определить в операциональных терминах концептуальные переменные, значимые для исследования, уже является источником риска. Действительно, «перевод» понятия на уровень конкретных операций может неадекватно отразить теоретические положения исследования.

Существуют так называемые «переменные-паразиты», которые могут активизировать изменения переменных. «Переменные-паразиты» бывают двух типов:

1) «Переменные-паразиты» особого типа, то есть переменные, связанные только с определенными операциями, производимыми в данном исследовании.
2) «Переменные-паразиты» общего типа, то есть переменные, связанные с экспериментальными условиями косвенно, например, с ожиданиями исследователя.

Часто исследователь неосознанно стимулирует ответ, который он ожидает получить. Избежать этого можно, используя стра-

тегии невмешательства в исследования и соответствующие методы измерения. При этом испытуемые не должны знать, что за ними наблюдают, что позволяет снять нежелательную мотивировку по отношению к эксперименту.

2. Конструктная валидность.

Этот тип валидности подобен внутренней валидности и подразумевает соответствие между полученными результатами и теорией, которая лежит в основе исследования. Для того, чтобы оценить конструктную валидность, необходимо исключить другие возможные теоретические объяснения результатов. Если есть сомнения в том, насколько экспериментальные результаты соотносятся с теоретическими, необходимо спланировать новый эксперимент, который позволит выбрать одно из нескольких теоретических объяснений результатов. Этот тип валидности наиболее трудно получить, потому что имеются многочисленные теории, с помощью которых можно объяснить соотношение переменных, полученное в эксперименте.

Рассмотрим две причины снижения конструктной валидности. Первая – слабая связь между теорией и экспериментом. Действительно, во многих психологических исследованиях даются нечеткие операциональные определения теоретических понятий. Вторая причина определяется тем, что, во-первых, испытуемые очень часто начинают играть роль «хорошего» объекта исследования и ведут себя таким образом, чтобы «подыграть» экспериментатору, и во-вторых, тем, что у испытуемых, особенно в экспериментах, замеряющих их интеллектуальные способности или эмоциональную стабильность, развивается высокая тревожность в отношении ожидаемой оценки.

Необходимо решить, какой тип валидности является главным для данного исследования. Действительно, процедуры, используемые для повышения одного типа валидности, могут снижать другие типы валидности.

Например, для повышения валидности статистических выводов исследователь должен использовать максимально разнородные объекты, снижая таким образом возможность ошибки. При этом внешняя валидность уменьшается.

Тип приоритетной валидности зависит от типа проводимого исследования. Например, если в экспериментальном исследовании устанавливается причинно-следственная зависимость между переменными, то в этом случае внутренняя валидность является основ-

ной. Наоборот, при вычислении корреляционных связей между переменными невозможно установить направление причинно-следственных отношений, поэтому в данном случае внутренняя валидность не представляет интереса по сравнению с другими типами валидности.

С понятием валидности связано понятие **контроля**. Под контролем понимается любое средство, используемое для исключения возможности снижения валидности исследования. На практике исследователь проверяет, какие факторы могут снизить валидность исследования и какие методы могут быть использованы для нейтрализации этих факторов.

Различают шесть основных методов контроля.

1. Одним из наиболее часто используемых методов контроля является проведение эксперимента с группой испытуемых, которые не подвержены влиянию исследуемой переменной и которые сравниваются с испытуемыми, подверженными этому влиянию. Например, исследуется две группы относительно независимой переменной. Группа 1 получает воздействие и называется экспериментальной. Группа 2 не получает воздействия и называется контрольной. Результаты экспериментальной группы сравниваются с результатами контрольной группы. Если две группы были одинаковыми до экспериментального воздействия, то любое различие между ними, зафиксированное после эксперимента, может быть отнесено за счет этого воздействия.

Таблица 10. Эксперимент с контрольной группой.

	Пред-тест	Экспериментальное воздействие	Пост-тест
Группа 1 (экспериментальная)	Да	Да	Да
Группа 2 (контрольная)	Да	Нет	Да

В данной таблице представлена экспериментальная группа 1, в которой проводился пред-тест, то есть предварительное измерение. Затем осуществлялось экспериментальное воздействие и, наконец, проводился пост-тест. Контрольная группа 2 подвергалась

только пред-тесту и пост-тесту и не получала экспериментального воздействия.

Однако для некоторых измерений данная процедура не имеет смысла. Например, при исследовании двух методов преподавания можно использовать группу, которая посещает только лекции, и группу, которая посещает лекции и семинары. Это дает возможность определить, какой метод обучения лучше, не используя группу, которая никогда не посещала лекций.

2. При втором методе контроля контрольная группа не используется, но имеются две группы испытуемых, которые подвергаются воздействиям, различным по форме или интенсивности. Таким образом, каждая группа используется в качестве контрольной для другой. Вместо того, чтобы группу 1 подвергать воздействию, а группу 2 использовать в качестве контрольной, обе группы подвергаются воздействиям, различным по форме и интенсивности, например, в них используются два различных метода преподавания (см. Табл. 11).

Таблица 11. Эксперимент с группами, подвергающимися воздействиям различной интенсивности.

	Пред-тест	Экспериментальное воздействие	Пост-тест
Группа 1 (экспериментальная)	Да	1	Да
Группа 2 (контрольная)	Да	2	Да

3. Третий метод контроля – каждый испытуемый подвергается всем экспериментальным воздействиям. В данном случае вместо контрольной группы имеется только контрольное воздействие, то есть испытуемые служат для контроля самих себя. Данные эксперименты проводятся на одном испытуемом. Третий тип контроля используется в некоторых областях психологии, например, в исследованиях ощущений и восприятия.
4. Четвертый тип контроля – преобразование помех. Если факторы, которые мешают в эксперименте и влияют на резуль-

таты являются трудно устранимыми, то они могут рассматриваться экспериментатором как независимые переменные.

Например, при сравнении студентов-психологов дневного и вечернего обучения факторы, которые определяют разницу между этими группами (студенты вечернего отделения старше, относятся к социальной группе рабочих, устают и т. д.) могут рассматриваться как помехи. Однако эти факторы могут быть преобразованы экспериментатором в независимые переменные.

5. Пятый способ контроля – статистический контроль. Существуют специальные процедуры статистического контроля, которые осуществляются в основном на уровне данных.
6. Шестой метод контроля – метод повторения. Он заключается в повторном проведении эксперимента. Количество повторений определяется экспериментатором.

Повторение может быть непосредственным, то есть эксперимент повторяется без изменений. Но такой тип контроля используется редко, так как является примитивным. Напротив, если повторный эксперимент проводится на испытуемых различного типа или в нем используются различные операциональные определения теоретических понятий, то такой эксперимент может рассматриваться как эффективный метод контроля. Совпадение результатов первого и последующих экспериментов позволяет утверждать, что эксперименты взаимно подтверждаются.

Способы сравнения измерений

Имеется два основных способа сравнения.

1. **Сравнение внутри объекта исследования**, когда различные испытуемые подвергаются воздействию различных значений независимой переменной, то есть двум различным воздействиям, или один испытуемый подвергается воздействию, а другой нет, и т.д.
2. **Сравнение между объектами исследования**, когда одни и те же испытуемые подвергаются воздействию каждого из значений независимой переменной.

Начнем с рассмотрения первого типа, то есть сравнения внутри объекта исследования. В объекте выделяется несколько групп испытуемых. Разные группы подвергаются различным по величине значениям независимой переменной. Этот способ может использоваться как для экспериментальных, так и для корреляционных исследований. Данный подход создает проблемы для внутренней валидности. Действительно, спрашивается, можно ли изме-

нение, которое наблюдается в независимой переменной отнести за счет самой переменной, или это изменение уже определяется существующими различиями в группах испытуемых. Тогда необходимо до манипуляции с независимой переменной сформировать группы испытуемых, которые максимально подобны между собой. Чтобы уменьшить разницу между группами испытуемых при сравнении внутри объектов исследования, то есть в подгруппах, используются три различных метода.

1. **Первый метод** – это контроль посредством постоянства, который называется также **К-методом**. Выбирается только одна величина характеристики субъектов, и все группы имеют эту величину. Например, пол – решено провести исследование всех женщин, то есть выбирается одна величина одной или более характеристик. При этом существует уверенность, что все группы, все индивидуумы показывают эту величину.
2. **Второй метод** – это контроль посредством каузальной вариации, так называемый **R-метод**. В данном случае меняются случайным образом характеристики субъектов, которые могли бы повлиять отрицательно на результаты. Посредством привлечения многочисленных субъектов можно постулировать, что характеристики субъектов распределяются внутри каждой группы согласно тому же самому распределению, которое наблюдается в генеральной совокупности. При достаточно большом количестве объектов исследования вполне вероятно, что вступает в действие закон нормального распределения.
3. **Третий метод** – это метод парного контроля, или **М-метод**. В данном случае субъекты приписываются к различным группам согласно данным систематических изменений их характеристик. Речь идет о систематическом распределении субъектов по группам, при этом следят, чтобы испытуемый, обладающий определенной характеристикой, был представлен также в другой группе и т. д. Следовательно, испытуемые попарно объединены в двух группах или уравнены относительно переменной, которая, как считается, может повлиять на результаты. Таким образом, например, в эксперименте можно предположить, что уровень образования может повлиять на ре-

зультаты, если в каждой группе будет одинаковое количество лиц с низким, средним и высоким уровнями образования. Таким образом, испытуемые выровнены относительно одной переменной (в данном случае уровня образования).

Второй способ сравнения измерений – сравнение между объектами исследования. Одни и те же испытуемые, как отмечалось выше, подвергаются воздействию каждого значения независимой переменной. Это более чувствительное измерение, потому что разница между независимой переменной не может быть отнесена за счет разницы между самими испытуемыми. Однако данный подход не может использоваться в следующих случаях:

1) когда независимая переменная исследуется корреляционным методом, например, при установлении зависимости между полом испытуемых и их творческими способностями;
2) когда при сравнении на всех уровнях имеется риск изменить ответ испытуемого по сравнению с тем, каким мог бы быть ответ, если бы испытуемый не был подвергнут другим воздействиям.

Проведение психологического исследования

Процесс проведения социально-психологического исследования предполагает подчинение ряду выработанных научным сообществом стандартов, позволяющих придерживаться согласованных правил. В международной практике в качестве стандартных принимаются правила, разработанные Американской психологической ассоциацией. Это стандарт включает ряд этапов проведения исследования.

Первый этап предусматривает изучение существующей литературы и библиографический поиск публикаций по интересующей теме. В большинстве случаев библиографический поиск облегчается посредством обращения к специализированным журналам, дающим аннотации издающимся публикациям. Ознакомление с ними предоставляет возможность ознакомления с ключевыми идеями и персоналиями, работающими в избранной проблемной области. Развитие информационных технологий существенно расширило поисковые возможности. В качестве поисковых единиц могут выступать ключевые слова, авторы, наконец, конкретные

прикладные области, представленные в библиографических указателях. Полезным может оказаться и обращение к спискам публикаций за год, как правило, публикуемых в последних номерах специализированных журналов. Для русскоязычных публикаций много полезной информации может быть получено при обращении к таким журналам как «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Психологический дайджест» и другим. Существенно расширяет возможности нахождения необходимых информационных ресурсов и обращение к Internet, в котором представлено множество психологических сайтов, содержащих разноплановые ресурсы. Еще одну возможность предоставляет обращение к поисковым серверам, позволяющим осуществлять поиск по ключевым словам. Правда в последнем случае придется проводить скрупулезную работу по выявлению действительно ценной информации из десятков тысяч предложений, большая часть которых имеет весьма косвенное отношение к социальной психологии.

При чтении статей особое внимание необходимо уделить вступлению, в котором описывается в общих чертах проблематика и состояние развития области, а также заключению, в котором представлены результаты и выводы, сделанные исследователем и библиографии.

Второй этап проведения исследования касается формулировки проблемы исследования. Проблема исследования ограничивается специфическим вопросом. Затем проводится эмпирическая проверка гипотез исследования. Чем более четко сформулированы гипотезы, тем точнее их можно проверить. Одновременно, следует учитывать, что жестко и четко сформулированная гипотеза приводит к структуризации исследования в свою очередь повышающей возможность ее подтверждения в ущерб валидности.

Третий этап предусматривает выбор испытуемых. Следуя принципам «экономии сил» и «доступности» в психологических исследованиях часто в качестве испытуемых привлекаются студенты университета. Правда при этом возникает проблема валидности результатов исследования и возможности их генерализации на широкую популяцию. В идеале испытуемые должны выбираться из популяции случайным образом. Количество испытуемых, участвующих в исследовании, влияет на точность эксперимента. Чем больше их количество, тем меньше размах отклонения от истинных значений. Однако увеличение выборки часто сопровождается «законом больших чисел», проявляющемся в нахождении лю-

бых значимых связей при больших статистических массивах данных.

Четвертый этап. Может оказаться полезным проведение пилотажного исследования, в котором на малой выборке проводится проверка инструмента исследования. Оно позволяет выявить возможные дефекты, присущие исследованию или инструменту, которым намеревается пользоваться исследователь.

Пятый этап – это проведение исследования и анализ результатов.

Шестой этап– публикация результатов.

Важным моментом является этический аспект исследования. В этическом кодексе Американской психологической ассоциации (American Psychological Association) представлен ряд моральных правил проведения исследования. Прежде всего, в них говорится о том, что решение провести исследование должно базироваться на оценке вклада, который оно может внести в психологию и человеческое благосостояние. Иногда возникают противоречия между предполагаемым вкладом исследования и его стоимостью. Психологи должны проводить исследование, уважая испытуемых, которые участвуют в эксперименте. Исследователь должен обеспечить психофизическое благополучие испытуемых, участвующих в эксперименте. Кроме того, при планировании исследования исследователь несет ответственность за этическую приемлемость исследования и соблюдение мер предосторожности, защищающих права испытуемых. Исследователь должен сообщить участникам исследования об аспектах исследования, которые могут повлиять на их желание участвовать в исследовании. Если методика эксперимента требует, чтобы цель исследования на время проведения была скрыта от испытуемых, поскольку в противном случае, зная о них, испытуемые будут отвечать по-другому или так, чтобы удовлетворить экспериментатора и произвести хорошее впечатление, то сразу после эксперимента исследователь должен сказать об истинных целях исследования.

Существует множество экспериментов, которые требуют, чтобы гипотезы исследования были скрыты от испытуемых. Поэтому очень важно, чтобы всегда после эксперимента разъяснялись цели исследования, а также разъяснялось то, что в действительности происходило во время эксперимента. Исследователь должен уважать свободу человека и его право не участвовать в эксперименте или выйти из эксперимента в любой момент, когда он того

пожелает. Необходимо учитывать, находится ли испытуемый в положении подчинения относительно экспериментатора (например, в случае, если исследователь – преподаватель, а испытуемый – студент). Испытуемые имеют право не предоставлять личную информацию. Исследователь должен защищать испытуемых от чрезмерных физических, умственных или эмоциональных нагрузок. Поэтому все необходимые измерения проводятся так, чтобы свести к минимуму физический, психологический и иной риск для испытуемых, а также максимально устранить возможные неудобства. Запрещено использовать процедуры, которые могут нанести какой-либо вред испытуемым. Также необходимо учитывать, что любая новая ситуация, например, такая, как психологический эксперимент, может вызывать стресс у испытуемых. Поэтому после исследования необходимо предоставить испытуемым необходимую информацию и исключить все недоразумения, которые возникли во время эксперимента. Участникам экспериментов должна быть указана истинная цель исследования, таким образом опыт для них может оказаться полезным.

Информация об испытуемых, полученная во время исследования, является конфиденциальной. Субъекты имеют право не называть себя. Это особенно важно при исследовании лиц с девиантным поведением, преступников и т. д. Кроме того, известно, что испытуемые часто в ходе эксперимента ведут себя таким образом, чтобы удовлетворить социальное ожидание, или дают такие ответы, чтобы произвести впечатление на экспериментатора. Экспериментатор иногда неосознанно может влиять на ответы субъектов, следовательно, необходимо быть внимательным и не допускать этого. Также необходимо учитывать, что испытуемые практически всегда в ходе эксперимента беспокоятся по поводу оценки их интеллектуального или личностного уровня. Поэтому лучше не сообщать им результаты тестов (особенно отрицательные результаты), если эти результаты (по тестам на интеллектуальность или личностным тестам) могут волновать испытуемого.

Как писать статью?

Нет смысла начинать статью с новых теоретических разработок. Важно дать понять, какой смысл имеет данное исследование, как могут быть использованы результаты. Кроме того, должны быть четко изложены гипотезы. Что касается метода, необходимо показать, что исследование может быть повторено. Поэтому необходимо подробно описать все то, что было сделано. Особенно сле-

дует остановиться на выборке. Необходимо указать, с помощью какого метода она была сформирована, пригодна ли для исследования поставленной проблемы. Выборка должна быть описана надлежащим образом: недостаточно сказать, что исследование проведено на группе детей, необходимо уточнить возраст, социальную принадлежность, образование родителей и т. д. Кроме того, необходимо отметить, насколько сравниваемые группы однородны по демографическим характеристикам и т. д. Необходимо указать, имеется ли контрольная группа и соответствует ли она экспериментальной. Далее следует описать зависимые переменные, то есть те переменные, которые находятся под контролем экспериментатора. Что касается метода исследования, необходимо хорошо описать его и определить его валидность. Это должно быть сделано кратко в нескольких строках без отсылок к другим авторам и статьям. Затем необходимо отметить, сколько замеров было проведено, имелись ли эксперты в случае наблюдения и насколько согласуются их выводы между собой. Кроме того, необходимо зафиксировать, известно ли было испытуемым о целях исследования. И наконец, были ли процедуры идентичными для всех групп испытуемых.

О независимых переменных необходимо сообщить, экспериментальными они были или дифференциальными. В случае независимых экспериментальных переменных необходимо сказать, варьировались ли они, а также какие аспекты процедур и какие именно независимые переменные могут снизить внешнюю валидность исследования.

Излагая результаты исследования, необходимо отразить тот факт, соблюдались ли принципы проведения статистического анализа теста. Необходимо последовательно описать процедуру статистического анализа и указать уровень значимости результатов. Если результаты не являются значимыми, следует обязательно отметить это, поскольку это важный статистический результат.

В заключении необходимо указать, какая из переменных влияет на другие, но при этом надо быть осторожным в выводах, так как не все виды статистического анализа позволяют однозначно утверждать это. В заключении также приводятся возможные альтернативные объяснения результатов.

Соотношение количественных и качественных методов в психологическом исследовании

Неотделимой от проблем выбора парадигмальных координат и способа теоретизирования является и проблема соотношения количественных и качественных методов психологического исследования. В 1980–90-е годы она начинает приобретать новое содержание. В наиболее рельефной форме эта проблема представляется при обсуждении необходимости «оживления» психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы, господствующих в естествознании, и перехода к методам, учитывающим специфику «живой сущности» человека.

Ряд исследователей рассматривает количество и качество как фундаментальную дихотомию в исследовании социального бытия личности и ее окружения. По отношению к этой дихотомии существует три полюса возможных решений: 1) признание количественных измерений единственно научными, т.к. только при их наличии возможно оперирование «объективными» данными по аналогии с естественными науками (позитивизм); 2) количественные измерения не возможны по отношению к психологической феноменологии в принципе, т.к. психика не измеряема, а измеряемы лишь ее косвенные проявления в виде поведенческих реакций (социальный конструктивизм); 3) возможно нахождение компромисса, позволяющего использовать продуктивные возможности как количественных, так и качественных данных (методологическая триангуляция).

По мнению многих исследователей, адекватное постижение человека в условиях его реальной социальной жизни невозможно без обращения к анализу интерпретаций, который предполагает доминирование качественных способов получения психологического знания (Е.А. Климов [1999]; Е.Л. Доценко [1997]; В.А. Янчук [2000] и др.).

Ряд авторов придерживается позиции о том, что конфронтация количественного и качественного подходов является искусственной, т.к. на самом деле, как отмечает D. Clark-Carter, они представляют собой всего лишь «два подхода к изучению одних и тех же феноменов. Или что они представляют собой две стадии одного и того же процесса исследования, в котором качественный подход

поставляет идеи, которые в последующем будут изучаться посредством количественного подхода» [1998, с. 3].

На протяжении длительного времени между двумя подходами имеются довольно напряженные отношения. Один исследует явления в изоляции или при минимизации влияния посторонних факторов. Эта минимизация приводит к появлению возможности контроля над ситуацией со стороны исследователя. Варьируя один аспект в единицу времени и наблюдая имеющие место изменения, становится возможным установление взаимоотношений между факторами. В то же время, когда феномен изымается из естественных условий его проявления он изменяется. В результате выявленные закономерности становятся искусственными и не соотносимыми с реальным миром. Любая попытка лабораторного моделирования реального мира заранее обречена на неудачу в виду невозможности реконструирования контекста реальности в сознании субъекта, что порождает проблему экологической валидности. «Таким образом, чем больше исследователь пытается контролировать ситуацию, тем более искусственной она становится» (там же).

Эта искусственность и приводит, по выражению Хейеса (N. Hayes), к постепенному «снижению ценности количественных методов (а также, между прочим, высокоструктурированных теорий) по причине их ориентированности на идеализированную модель физического эксперимента, провозглашающего надежность, генерализуемость и переопределение валидности» [1998, с. 2].

Лежащая в основе использования количественных методов идея обеспечения «научности» и логической последовательности результатов психологического по аналогии с эталоном физики приводит к тому, что «природа социального мира становится менее проблематичной нежели природа естествознания – частично скрытая, в зависимости от обстоятельств, но принципиально раскрываемая посредством соответствующим образом организованного исследования. Что наиболее существенно с этой точки зрения: 1) чтобы мы были уверены в том, что мы измеряем и 2) чтобы организация исследования была такова, чтобы заключения исследователя и только заключения исследователя, логически следовали из очевидности» [Sankey, 1997, с. 147].

Настойчивое требование надежности исследовательских результатов сводит на нет изучение необычных или исключительных человеческих переживаний, в то время как поиск генерализуемых правил приводит к созданию нормативных методов, в свою очередь

сводящих на нет возможности изучения уникальных для данной личности человеческих переживаний. Валидность переопределяется самоустраивающим образом, делая акцент на сравнение новых методов с предустановленными критериями и, тем самым, снижая возможность соотнесения изучаемого поведения с его проявлениями в условиях реального бытия повседневной жизни. В результате формирование у научного сообщества скептического отношения к возможностям количественных методов.

Попытки привлечения возможностей компьютерного моделирования к исследованию психологической феноменологии опять-таки приводят к неудаче. Блестящая имитация все равно не желает походить на реальность. Как подчеркивает Полкингхорн (D.E. Polkinghorne): «Наша виртуальная реальность, создана биологической природой, культурой и языком, в которые мы вплетены. Не существует машин, способных проверить валидность наших переживаний. На наши переживания нельзя полагаться как на репрезентирующие реальность, точно также как наши размышления не являются зеркалом порядка реальности. У нас нет надежных эпистемологических оснований для построения наших знаний. Наши переживания всегда фильтруются интерпретативными схемами» [1997, с. 149]. Т.к. эта фильтрация неизбежна, то становится невозможным и получение точных количественных показателей реальности как таковой в силу недоступности к ней соответствующими количественными методами.

Высказывание Полкингхорн не является гласом вопиющего в пустыне, не менее радикальные утверждения присутствуют у многих исследователей, серьезно занимающихся проблемой соотнесения знаний, полученных в рамках академической науки позитивистского толка, с реальной практикой проблемного поля бытия личности в условиях социального окружения и запросами клинической практики.

Критическое отношение к количественным методам привело к росту интереса к методам качественным. Качественные подходы становятся все более популярными в современном психологическом сообществе. Эти изменения особенно ощутимы на исследовательском уровне, свидетельством чего является возрастающее число публикаций и исследовательских проектов, использующих качественные методы исследования. «Возрастающий интерес к проблеме искусственности исследовательских данных, – отмечает Хейес, – вместе с увеличивающимся интересом к «экологической валид-

ности и исследованиям, релевантным проблемам общества привели к широкому распространению качественных методов исследования» (1998, с. 2).

Следует отметить при этом, что качественное исследование часто ассоциируется с субъективизацией, гуманитаризацией и тому подобной терминологией, в то время как количественное исследование – с «научностью», правда, в естественнонаучном контексте. При всем кажущемся разнообразии терминов речь в каждом случае идет об одном и том же – о необходимости смещения акцентов в исследованиях к постижению своеобразия интерпретации человеком самого себя и окружающего его мира. Без знания этих интерпретаций становится невозможным понимание оснований ориентации человека в происходящем и прогнозирования им своих будущих действий.

Качественные исследования обычно рассматриваются в контексте их противопоставления количественным. В более широком плане они обсуждаются скорее в аспекте различных эпистемологических оснований или исследовательских парадигм, чем как методы исследования (Wertheimer, 1972). Вилдемас (B. Wildemuth) утверждает, что различие количественных и качественных методов, представляющих позитивистскую и интерпретативистскую парадигмы, заключается в том, что первая признает существование объективной реальности как независимой от исследователя, а вторая рассматривает реальность как субъективную и социально конструируемую. Тем не менее, она считает, что метод исследования детерминируется эпистемологическими основаниями, а не наоборот (1993). Бредли (J. Bradley) отмечает в этой связи: «Это верно, что позитивистский подход с его направленностью на нахождение статистической регулярности поведения ориентирован на выявление и измерение изучаемого поведения. В противоположность этому, интерпретативный подход, с его направленностью на понимание социального мира с точки зрения действующего в нем, ориентирован на детальное описание познавательных и символических действий, точнее значений, ассоциируемых с наблюдаемым поведением» (1993, с. 431). Морган (G. Morgan) и Смирцич (L. Smircich, 1980) доказывают, что решающими являются именно онтологические и эпистемологические основания, выделяя широкий спектр возможных позиций от объективистской, опирающейся на онтологические основания рассмотрения реальности как конкретных процессов и структур объективной реальности, до социально конст-

руктивистской, опирающейся на представление о реальности как результате мыслительной активности субъекта. Уже представленный выше анализ онтолого-эпистемологических оснований многообразия парадигмальных координат в психологическом знании показал его привязанность к категориям «субъект» и «объект». В частности, Г.А. Ковалев [1987] рассматривает процесс эволюции психологических парадигм как переход от субъект-объектной парадигмы к субъект субъектной, косвенно поддтверждая необходимость смещения акцентов и в области превалирующих методов исследования от количественных к качественным, в силу избранной одномерной логики рассмотрения. Пиджеон (N. Pidgeon) и Хенвуд (K. Henwood), работающие в трехмерной логике, говорят о двух полюсах – движении от объекта к субъекту в случае позитивизма и конструировании объекта субъектом – в случае социального конструктивизма (1998, с. 248).

Исследователи, работающие в объективистской логике, стремятся к обособлению субъекта от исследуемого объекта в целях постижения объективной законов реальности. Субъективистски ориентированные исследователи, наоборот, стремятся поместить субъекта в контекст ситуации для их более углубленного понимания. Таким образом, отношения между субъектом и объектом становятся индикатором предпочитаемых онтолого-эпистемологических оснований.

Отражение различий в субъект-объектных отношениях находят свое выражение и в теории. В субъективистски ориентированных исследованиях теория порождается в процессе исследования, в объективистски ориентированных исследованиях – формулирование гипотез предшествует эмпирическому исследованию. В объективистском исследовании истина единственна, как единственны и пути ее достижения. В субъективистском исследовании принимается возможность признания валидности ряда теорий, основывающихся на разных интерпретациях. Морган и Смирцич предлагают следующее описание спектра имеющих место дискуссий по проблеме объективное – субъективное, представленное в таблице 11.

Таблица 11. Сеть основоположений, характеризующих дебаты по проблеме объективность – субъективность в социальных науках

	◀Субъективистские подходы	◀	◀▶	▶	Объективистские подходы▶
Онтологические основания	Множественные реальности	Реальность как социально конструируемая	Реальность как контекстуальное поле информации	Реальность как конкретный процесс	Реальность как конкретная структура
Эпистемологические основания	Открытие основополагающих выводов о нашей реальности	Понимание того, как конструируется реальность	Изображение контекста	Исследование систем, процессов, изменений	Конструирование позитивистской науки

Приводится по: Morgan, Smircich 1998, с. 492.

Анализируя соотношение объективистски ориентированных количественных и субъективистски ориентированных качественных методов, представители новой парадигмы указывают на следующие моменты: во-первых, при использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, без всех присущих ему связей с другими людьми; во-вторых, исследуемое поведение отличается от естественного, так как действия испытуемого строго ограничены и даже заранее обусловлены, и он не может планировать и реализовывать поведение как это происходит в обычных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли можно ожидать, что они встречаются в таком виде в реальной жизни.

Было бы большим преувеличением говорить о триумфе качественных методов в психологических исследованиях. Сама трансформация сознания психологов-профессионалов, социализированных на количественных методах, вооруженных инструментарием статистического анализа формирует естественные барьеры на пути переоценки ценностей. Тем не менее, изменения в психологической ментальности очевидны, как очевидна и перспектива ударе-

ния в другую крайность – игнорирование продуктивных возможностей количественных методов. На приведенной ниже таблице 12 представлен сопоставительный обзор возможностей и ограничений анализируемых методов.

Таблица 12. Сравнительная характеристика специфики, возможностей и ограничений количественных и качественных методов

Характеристики, ассоциируемые с подходом	Методы	
	Количественный	Качественный
Информация	Объективная	Субъективная
Характеризующие понятия	Экспериментальный; количественные данные; статистика	Описательный; естественный; словесно-ориентированный
Ключевые понятия	Переменные; операционализация; надежность; гипотезы; валидность; статистическая значимость; повторяемость	Значение; понимание здравого смысла; процесс; социальное конструирование; темы; правдоподобность
Организация	Структурированные; преддетерминированные; формальные; специфические; детализированный план операций	Включенные; гибкие; общие; согласованные; чувствительные к продолжению
Примеры	Большие; многослойные; контрольные группы; строгие; произвольный выбор; контроль за побочными переменными	Небольшие; теоретические примеры; целевые примеры; предполагающие возможность включения как можно большего числа контекстов
Техники или методы	Эксперимент; структурированное интервью; квази-эксперимент; структурированное наблюдение; ряды данных; тесты	Наблюдение; включенное наблюдение; изучение документов и артефактов; неструктурированное интервью

Данные	Количественные; операционализированные переменные; квантифицируемое кодирование; статистические; подсчитываемые	Описательные; обыденная речь; личные документы; полевые заметки; артефакты; официальные документы; аудио и видеозаписи; стенограммы
Инструменты и средства	Опросники; описания; шкалы; тестовые показатели; компьютеры; индексы	Аудио и видеопленки; воспроизводящие устройства; записи; часто единственным инструментом является сам исследователь
Анализ данных	Дедуктивный; статистический; имеет место по завершении сбора данных	Индуктивный продолжающийся; моделирование; тематический; понятийный; метод сравнительных констант
Внутренняя валидность	Высокая	Низкая
Условия	Искусственные	Реалистические, естественные
Схема	Структурированная	Неструктурированная
Реализм	Низкий	Высокий
Конструктная валидность	Низкая	Низкий
Надежность	Высокая	Низкая
Проблемы применения	Контроль других переменных; задающий характер подхода; валидность	Временная затратность; нестандартизированность процедуры; надежность

Представленный сравнительный анализ специфики, возможностей и ограничений количественных и качественных методов показывает, что как у первых, так и у вторых есть уязвимые места, ограничивающие возможности психологического исследования. Наиболее уязвимым местом количественных методов является ограниченность их возможностей по отношению к изучению феноме-

нологии реальной жизни человека в его экзистенциальной-феноменальности и пространственно-временной континуальности. Как отмечает Нау (D.S. Nau): «Различия между количественными и качественными исследованиями заключаются в том, что первые являются позитивистскими, ограничивающими, не способными схватывать перспективу субъекта, абстрактными и основанными на безжизненных описаниях. Качественные исследования, как утверждают критики, проявляют тенденцию к ненаучности и основываются на не строгой методологии. Приверженцы же утверждают, что они вводят постмодернистский и пост-позитивистский взгляд, соответствующий превалирующим социальным установкам» (1997, с. 3).

Если брать за исходное основание тримодальную модель оснований человеческих действий Стивенс (R. Stevens), социальной активности, фиксирующую наличие биологической, символической и рефлексивной сущностей (1998, с. 75-83), то количественные методы наиболее продуктивны по отношению к изучению биологической природы человека, т.к. на этом уровне наличествует возможность точных измерений, в значительно меньшей степени они применимы к символической сущности и совсем не применимы по отношению к рефлексивной сущности.

Основной проблемой качественных методов является их субъективность. Эта проблема впервые была поставлена еще в конце XIX века Дильтеем, утверждавшим необходимость четкого разделения между науками о природе Naturwissenschaften и науками о морали или о человеке Geistewissenschaften. По мнению Дильтея, первым соответствуют внешнее наблюдение и причинно-следственное объяснение, а вторым – постижение значений или понимания. Как отмечают Пиджеон и Хенвуд, «если исследователь стремится к пониманию участия человека в социальном мире, он обязан быть вовлеченным в теснейшую проверку того, как этот мир воспринимается глазами самого участника – с его феноменальной и социальной перспективы» (1998, с. 249).

В то же время подобное «окунание» в мир личных переживаний должно сопровождаться некоторой степенью остраненности исследователя от исследуемого, рефлексии собственной субъективности и проекций, связанных с воздействием собственного жизненного опыта. В наиболее разработанном виде эта проблема представлена в психоанализе, наиболее четко и честно констатирующем сложность преодоления субъективности во взаимоотношениях пси-

хоаналитик – клиент и давно работающего над процедурными средствами ограничения влияния собственной субъективности обоих. Столь же серьезное внимание проблеме субъективности интерпретаций уделяется и в герменевтике, занимающейся реконструкцией исходных авторских смыслов и значений, представленных в текстах. И если в позитивистской методологии акценты делаются на «очищение» эмпирических данных от посторонних «примесей», то в названных традициях они смещаются на «очищение» от неизбежной субъективности интерпретаций и не в контексте доступа к объективным данным, а в контексте обеспечения наиболее полной их репрезентативности тем смыслам и значениям, которыми оперирует автор.

В традиционном социально-психологическом разрезе эта проблема рассматривается в аспекте соотношения внешней и внутренней перспектив. В современных подходах утверждается, что «исследователь и исследуемое взаимозависимы» и постижение субъекта становится возможным только с позиции взаимной генерации знаний, а не обеспечения «холодной» нейтральности и дистанцированности от изучаемого, предполагаемых позитивистской методологией» (1996, с. 251).

Отдавая приоритетность качественным исследованиям, как наиболее полно схватывающим реалии социальной жизни субъекта во всей гамме ее контекстов и оттенков, Пиджеон и Хенвуд подчеркивают, что «исследователь, полагающийся на квантификацию для операционализации предсуществующих концептов в целях проверки ригидной теории, претендующей на развитие (с позиции внешнего наблюдателя по отношению к переживаемому миру исследуемого), не в состоянии решить поставленную задачу. Это происходит в силу того, что он фиксирует значения вместо их изучения через взаимодействие исследователя и исследуемого» (Pidgeon, Henwood, 1998, с. 252).

Различение количественной и качественной исследовательских парадигм по их отношению к объекту исследования, что вполне естественно, сказывается и на их возможностях. В тоже время многими авторами они рассматриваются не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие друг друга. Квантификация (число) и качественная репрезентация (слово) вместе могут рассматриваться как способы организации и упорядочивания сложного неструктурированного материала и в этом смысле могут последо-

вательно сочетаться с социальным конструктивизмом (Kvale, 1997, с. 98).

Сегодня стало достаточно очевидным, что феномен человека не может полностью контролироваться или быть изолированным в стерильном окружении как это предполагается в экспериментальном исследовании. Исключая качественные методы, исследователи, занимающиеся изучением социальной сущности человека и его окружения, могут упускать многие феномены, которые проявляются и могут быть поняты только в контексте обстоятельств.

В то же время, исключая причинные взаимосвязи между переменными, устанавливаемые посредством количественных методов, а также квантификацию и анализ этих переменных для определения статистической вероятности мы можем столкнуться с отсутствием какого-либо осязаемого результата вообще. Более того, не полагаясь на количественную определенность, мы лишаемся возможности какого-либо общего сравнения, как исследуемых феноменов, так и изучаемых характеристик людей в рамках как конкретного сообщества, так и человечества в целом. Другое дело проблема критериев и способов соотнесения различных культурных сообществ друг с другом, которая особенно остро ставится в рамках кросс-культурных исследований.

Таким образом, различия между количественными и качественными методами могут быть использованы для развития исследований и получения более глубоких представлений о сути изучаемых феноменов. В то время как количественная организация исследования стремится к преодолению субъективных предубеждений, для того чтобы факты могли быть поняты объективно, качественный подход стремится к пониманию сути феномена с позиции понимания переживаний человека, описываемых значимыми данными. Количественное исследование стремится к идентификации и обособлению определенных переменных в контексте исследования (поиск корреляций, взаимоотношений, причинности), в то время как качественные исследования фокусируются на холистическом взгляде на то, что должно исследоваться (через анализ документов, историю случая, наблюдение и интервью).

Количественные данные собираются в контролируемых условиях, следуя принципу вероятности того, что исследуемая переменная может описывать идентифицируемые взаимоотношения, в то время как качественные данные собираются в контексте естественных условий. Как качественные, так и количественные методы

стремятся к достижению надежности и валидности полученных результатов. Постоянство или стабильность данных показывают способность исследователя повторно подтверждать полученные результаты в рамках количественного подхода, в качественных же исследованиях главным является репрезентативность данных по отношению к истинной или полной картине.

При внешней убедительности представленной логики сочетания возможностей количественных и качественных методов не раскрытым остается самый фундаментальный вопрос, связанный с разграничением их сферы компетенции. Выше уже обосновывалась продуктивность количественных методов по отношению к биологической природе человека, подлежащей измерению. Отмечалась и потенциальная возможность их использования по отношению к символической природе в аспекте нахождения номотетики и выстраивания на ее основе систем сравнительных координат неизбежно необходимых как для психологического знания, так и для человечества, предполагающего ситуацию сравнительной оценки индивидов во многих ситуациях, требующих ориентировки.

Следует особо подчеркнуть, что создаваемые на данном основании оценочно-сравнительные системы координат должны восприниматься как относительные и требующие, во-первых, постоянного уточнения в связи с динамикой истории, во-вторых, адаптации к конкретной культуре и субкультуре, как обладающими собственной имикой и итикой, обусловливающими своеобразие мира смыслов и значений, определяющих отношение к происходящему.

Качественные методы, будучи практически не применимыми по отношению к биологическому аспекту человеческой тримодальной сущности, в высшей степени продуктивны по отношению к аспекту символическому и, исключительно, к аспекту рефлексивному. Способность улавливания тончайших нюансов поточного мира человеческих экзистенциально-феноменальных переживаний является для них приоритетной, одновременно создавая ряд проблем, связанных с соотнесением уникальных переживаний друг с другом в рамках одной личности и, тем более, в рамках различных личностей и их социальных окружений.

Решения проблемы оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов

Осознание ограниченности попыток решения проблемы углубления психологических представлений в рамках одного из полюсов исследовательской дихотомии количественное – качественное, стимулировало поиск поля возможных решений, предпринимаемых в рамках психологии, социологии, антропологии, педагогики и т.п. При внешней простоте решения в виде простого механического объединения или эклектизации продуктивных возможностей данных двух групп методов оно сталкивается с рядом объективных сложностей. Во-первых, сложность нахождения механизмов сопряжения разнокачественных подходов. Во-вторых, сложность перевода «живых», эмоционально и экзистенциально окрашенных, холистичных и поточно-процессуальных переживаний в «препарированный», «сухой», дискретизированный и статизированный язык количественных данных.

К числу наиболее удачных попыток решения обозначенных проблем относятся Sensemaking и подход с позиций обоснованной теории, на представлении которых мы и остановимся ниже.

ГЛАВА VII. МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эксперимент

Так как основным в традиционной социальной психологии является метод эксперимента, то начнем рассмотрение именно с него. Эксперимент - определенным образом организованное исследование, когда экспериментатор осуществляет планомерное манипулирование одной или несколькими переменными (факторами) и регистрирует эффекты, производимые этими воздействиями на другие переменные. Правильно организованный эксперимент позволяет выявлять причинно-следственные связи, которые имеют место в том случае, когда причина предшествует по времени эффекту, воздействие или воздействия статистически связаны с эффектом и, кроме того, нет альтернативного объяснения эффекта помимо воздействия.

Поэтому Кемпбелл (Campbell) указывает, что хороший эксперимент:

1. Делает ясной временную последовательность между причиной и эффектом.
2. Достаточно чувствителен для того, чтобы показать, что вероятные причина и эффект взаимосвязаны.
3. Исключает возможность влияния третьих переменных, которыми можно было бы объяснить связь между причиной и эффектом.
4. Исключает альтернативные гипотезы о конструктах, включенных в эту связь.

Кроме того, он подчеркивает, что установленная каузальная связь должны быть устойчивой, воспроизводимой при различных условиях, в любое время и для любых групп исследуемой популяции.

С учетом этого планирование эксперимента включает следующие этапы. Во-первых, это формулирование гипотезы, определение и операционализация исследуемых переменных. Во-вторых, выбор схемы эксперимента, процедур контроля побочных переменных и составление репрезентативной выборки. В-третьих, вы-

бор статистических методов для анализа полученных данных с учетом выбранной схемы эксперимента.

В эксперименте переменные, которые изменяет экспериментатор, называются независимыми переменными, а переменные, которые изменяются под влиянием независимых переменных, -- зависимыми переменными. Все переменные, кроме независимой, оказывающие влияние на зависимую переменную, называются побочными переменными. Только в том случае, когда все переменные контролируются исследователем, любое изменение зависимой переменной может быть, объяснено изменением независимой переменной. Недостаточный контроль влияния побочных переменных может привести к возникновению ошибок: случайной или несистематической ошибки и константной или систематической ошибка. Первый вид ошибок обусловлен в основном непредсказуемыми факторами. Например, если в эксперименте используется техническое оборудование, то оно может неодинаково работать от пробы к пробе. На ход эксперимента могут повлиять личностные особенности, функциональное состояние, т.е. так называемые субъективные переменные. Предполагается, что они не проявляются при одном условии независимой переменной больше, чем при другом. Уверенность в этом возрастает, если используется рандомизированный метод отбора и распределения испытуемых.

Константная ошибка возникает в том случае, когда побочные переменные влияют на ход эксперимента при одном условии независимой переменной больше, чем при другом. Эта ошибка более опасна, так как она может привести к неверному выводу о связи между независимой и зависимой переменной там, где ее на самом деле нет. Если два уровня независимой переменной предъявляются последовательно одной группе, то вполне возможно, что выполнение заданий во второй пробе будет лучше, так как испытуемые потренировались и приобрели опыт. Но экспериментатор может сделать ошибочный вывод, что это произошло из-за влияния независимой переменной. Аналогично в схеме эксперимента с несколькими группами, ошибочный вывод может быть сделан, если используются неэквивалентные группы. Поэтому для получения правильных выводов исследователь должен стремиться осуществлять контроль над всеми побочными переменными, уравнивая случайные переменные и предотвращая константную ошибку.

Задание X.0: 1. Определите предполагаемые зависимые и независимые переменные для экспериментов, проверяющих следующие гипотезы.

1.1. Средства массовой информации оказывают влияние на формирование аттитюдов.

1.2. Агрессия может быть результатом фрустрации.

1.3. Поведение человека в толпе отличается повышенной эмоциональностью.

Следующий вопрос касается выбора испытуемых. В эксперименте участвует ограниченное число испытуемых, но полученные выводы обычно распространяются на более широкую популяцию. Чтобы эксперимент удовлетворял условию экологической валидности (т.е. возможности обобщать результаты на другие условия и других испытуемых), выборка должна быть репрезентативной. Иначе возможно получение неправильных выводов, что и произошло в 1936 г. во время избирательной компании в США. В результате проведенного исследования было предсказано поражение Франклина Д. Рузвельта, который, тем не менее, одержал победу. Ошибка возникла из-за неправильного отбора опрашиваемых. В выборку были включены люди, чьи фамилии выбрали из телефонного справочника. Но в 1936 г. телефон в основном имели люди с высоким социо-экономическим статусом, поэтому побочной переменной стал социо-экономический статус, обусловивший неверные предсказания.

Вопрос о нерепрезентативной выборке возникает в тех случаях, когда в эксперименте участвуют добровольцы. Некоторые исследователи резонно задают вопрос: «Почему одни люди соглашаются участвовать в экспериментах, а другие - нет?». Розенталь (Rosenthal) и Росноу (Rosnow) представили убедительные доказательства в пользу того, что добровольцы отличаются от остальных представителей популяции. Они обладают высоким интеллектом, более общительны и являются представителями высшего социального класса. Иными словами, это нерепрезентативная выборка (1975).

Такая же проблема возникает, когда большинство субъектов отбирается из ограниченной популяции -- например, студентов колледжей. Такая практика широко используется в США, поэтому социальную психологию часто называют «психологией студентов».

Осведомленность студентов, естественно будет оказывать влияние на выполнение заданий в ходе эксперимента.

Хотя правда заключается в том, что на практике настоящая репрезентативная выборка это абстрактная идея, но цель экспериментатора -- учесть при отборе и распределении испытуемых как можно больше факторов.

Основным способом отбора испытуемых является рандомизированный отбор, когда каждый член популяции имеет равные шансы стать испытуемым. Обычно для создания репрезентативной выборки каждому члену популяции приписывается определенный номер, а затем используют любую процедуру для генерации случайных чисел.

Задание X.0: Каким из описанных способов может быть получена рандомизированная выборка студентов, изучающих психологию?

1. Выбирается один институт и исследуются все студенты отделения психологии.
2. Фамилии студентов, изучающих психологию, из всех институтов разбиваются на группы в зависимости от того, на какую букву они начинаются. Из каждой группы отбирается одна фамилия, которую включают в конечный список.
3. Кладут листочки с фамилиями всех студентов, изучающих психологию, в огромную шапку и не глядя, достают листки и включают фамилии в готовый список.

Рандомизация является оптимальным способом при составлении большой выборки. Если в эксперименте принимает участие небольшое число испытуемых, то нельзя использовать рандомизированную процедуру отбора, т.к. возможно влияние случайности, и выборка не будет репрезентативной. Поэтому используют послойный рандомизированный отбор, когда выделяются в популяции отдельные подгруппы (или слои) и из них рандомизированно отбираются представители причем их количество в выборке должно быть пропорционально размеру подгруппы в популяции. Такой метод очень часто используют в социальной психологии, особенно при изучении стереотипов, аттитюдов, которые сильно варьируют у представителей различных групп.

И, наконец, последний вопрос касается использования различных экспериментальных схем и планов. Самой простой является процедура повторного измерения, использованная в известных экспериментах Триплета (N. Triplet), Олпорта (F. Allport), В.М. Бехтерева по изучению влияния присутствия других людей на решение задач, когда испытуемые выполняли задания при различных условиях: отдельно и в присутствии других. При организации экспериментального плана с повторным измерением одним и тем же испытуемым предъявляются различные условия независимой переменной, и производится измерение зависимой переменной. Эта схема хороша тем, что различия между испытуемыми уравниваются и не влияют на результат исследования.

При этом существует множество факторов, влияющих на внутреннюю валидность эксперимента, построенного по этой схеме, поэтому она практически не используется в таком виде. Так, если при втором уровне независимой переменной люди выполняют задачу лучше, то улучшение выполнения можно объяснить тренировкой во время первой части эксперимента. И, наоборот, ухудшение во второй пробе можно объяснить усталостью или скукой. Для преодоления этих недостатков используются следующие возможности.

5. Уравновешивание.

Чтобы снизить влияние эффекта порядка можно половине испытуемых предложить выполнить задание сначала при втором условии независимой переменной, а затем при первом, а другой группе наоборот. Но будет ли полностью преодолен эффект порядка? Нет. Влияние опыта может оказаться неодинаковым в двух группах. Например, если вначале человек выполняет задание один, то он может сосредоточиться и за счет этого добиться улучшения во второй пробе. Но если вначале человек выполняет задание в одной комнате с другими людьми и для него важно, какое впечатление он производит, то он вполне возможно не усовершенствует свои навыки, т.к. будет постоянно отвлекаться. Тогда выполнение во второй пробе не улучшится. Уравновешивание не произойдет. Поэтому можно использовать более сложные схемы.

6. Комплексное уравновешивание.

- АВИА, где А и В – различные условия независимой переменной. Значение для каждого условия равно среднему значению двух предъявлений.

- АВС АСВ ВАС

- ВСА ИСАВ СВА

Если в эксперименте предъявляются три условия независимой переменной, то можно всех испытуемых разделить на три группы и предъявлять условия в указанном выше порядке.

7. Рандомизация порядка условий.

В некоторых экспериментах исследуется большее число условий независимой переменной, тогда каждому участнику условия предъявляются в рандомизированном порядке.

8. Рандомизация стимульных пунктов.

Эта красивая схема предотвращает эффекты порядка в эксперименте с двумя условиями независимых переменных. Предположим, что мы хотим узнать, какие слова воспроизводить легче: конкретные и абстрактные. Вместо того чтобы давать группе вначале список конкретных слов, а затем список абстрактных слов, легче предъявлять один список, в котором слова равномерно распределены.

9. Увеличение времени между предъявлениями.

Можно выбрать такой промежуток между предъявлениями, чтобы снизить влияние научения или усталости.

При использовании схемы повторного измерения не всегда можно использовать одинаковый стимульный материал, и тогда возникает проблема разработки однородных заданий. Испытуемый не может решать одни и те же задачи дважды при двух различных условиях независимой переменной. Кроме того, цель эксперимента может стать ясной для испытуемого, и эксперимент окажется бессмысленным. Например, испытуемые должны охарактеризовать человека по его фотографии, а в качестве исследуемой переменной используется установка, которую формирует экспериментатор. В этом исследовании нельзя использовать одних и тех же испытуемых.

В некоторых исследования в качестве независимой переменной выступают личностные особенности или социально-демографические характеристики, тогда просто необходимо организовать эксперимент с использованием нескольких групп, и наиболее приемлемой являются схемы независимых выборок и схемы подобранных пар.

В схеме независимых выборок разные группы выполняют одно и то же задание при разных условиях независимой переменной (может быть и три условия и больше). Эта схема имеет также и

другие названия: независимые группы, независимые субъекты и межгрупповая схема.

Основная трудность эксперимента, организованного по такой схеме, может быть связана с различиями между группами, когда испытуемые неравномерно распределены, поэтому возможно альтернативное объяснение изменения зависимой переменной.

Таблица 13. Достоинства и ограничения схемы повторного измерения

Процедура	Возможности	Трудности	Возможные решения
Повторное измерение	Нет влияния субъективной переменной Необходимо меньшее количество участников Не всегда можно использовать одних испытуемых При двух условия НП потеря участников ко второму предъявлению НП	Эффект порядка Необходимость Использовать различные стимульные материалы	Уравновешенное сбалансирование, рандомизация, долгий промежуток, между предъявлениями разных условий НП, рандомизация стимулов, использование независимых выборок

Чтобы преодолеть эти трудности необходимо рандомизированное или послойно-рандомизированное распределение участников. Можно также использовать процедуру предварительного тестирования, чтобы показать, что группы идентичны. Эта процедура менее предпочтительна, так как практически приходиться тестировать дважды. Это дорого и занимает много времени.

Таблица 14. Достоинства и ограничения схемы независимых выборок

Процедура	Возможности	Трудности	Возможные решения
Использование независимых выборок	Нет эффекта порядка Испытуемым труднее узнать цель эксперимента Можно использовать одинаковые стимулы Не надо ждать, когда забудут первое условие	Влияние субъективной переменной Большое количество испытуемых	Рандомизированное распределение Предварительное тестирование

Но можно не просто проверить, различаются ли группы по каким-то переменным, а подобрать одинаковые пары и распределить их по разным условиям. Это схема с подобранными парами. Пары формируются на основе релевантных переменных, выбранных в зависимости от природы исследования. В этом случае нет эффекта порядка, а различия между группами сводятся до минимума. Один из подарков природы, считают многие исследователи, для психологических исследований -- это идентичные монозиготные близнецы. Они представляют собой такие подобранные природой пары (по крайне мере в момент рождения). Любые различия между ними могут быть потом объяснены различными условиями окружающей Среды. Хотя обратное невозможно: сходство нельзя объяснить только на основе генетики, так как часто растут в одинаковых социальных условиях, и это второй объясняющий фактор.

Таблица 15. Достоинства и ограничения схемы парных сравнений

Процедура	Возможности	Трудности	Возможные решения
Подобранные пары	Нет эффекта порядка Влияние субъективных характе-	Некоторые субъективные характеристики остаются Трудно найти соответствующие	Рандомизированное распределение

	ристик контролируется Влияние субъективных характеристик контролируется можно использовать одинаковые стимулы	пары, требуется время Трудно найти соответствующие пары, требуется время потеря одного участника приводит к выпадению пары	

И, наконец, последняя схема – эксперимент с одним участником. Когда мы слышим, что только один человек принял участие в эксперименте, то у нас тут же возникает мысль о бесполезности такого исследования, так как полученные результаты нерепрезентативны и их нельзя обобщать. Но иногда достаточно показать существование закономерности на одном примере. Несмотря на то, что Эббингауз (Ebbingause) провел эксперименты только с одним участником, которым был он сам, о них знает весь мир. Также если проверяется гипотеза о наличие у человека какой-то способности, достаточно показать это на одном примере. Такой эксперимент можно провести в том случае, когда требуется много времени на одного испытуемого, или когда просто необходимо ознакомиться с проблемой, чтобы сформулировать какие-нибудь гипотезы. Доказать гипотезу очень трудно, так как нужно предусмотреть все возможные случаи, но опровергнуть гораздо легче: достаточно найти один пример, когда она не подтверждается.

Таблица 16. Преимущества и ограничения схемы эксперимента с одним участником

Процедура	Преимущества	Недостатки	Возможные решения
схема с одним участником	полезен, когда требуется много времени на одного участника	нельзя обобщать необходимо повторение, если участник покинет проект	использовать там, где обобщение не основной критерий

Даже в том случае, когда исследование организовано верно, осуществляется контроль всех побочных переменных, остается еще

несколько проблем, связанных с влиянием личностных особенностей экспериментатора и исследуемого, взаимодействия между ними, которые проявляются только в ходе эксперимента.

В литературе описывается эффект Пигмалиона или эффект Розенталя, когда исследователь произвольно или непроизвольно действует так, что влияет на ход эксперимента. Розенталь (Rosenthal) приводит многие интересные примеры (1976). Группе студентов необходимо было описать поведение «умных» и «глупых» крыс (которые в действительности были рандомизированно распределены по группам). Оказалось, что «умные» крысы показали лучшие результаты, чем «глупые» крысы. В данном примере ошибка возникала на уровне интерпретации поведения. Больше проблем возникает тогда, когда экспериментатор влияет на поведение испытуемых. Например, если исследователь имеет высокую потребность в одобрении, то он попытается получить результаты, соответствующие выдвинуто гипотезе, чтобы услышать похвалу со стороны коллег, или он просто сфальсифицирует результаты, так как боится потерять работу или хочет преуспеть.

Личные качества экспериментатора – биосоциальные (раса, пол, возраст, социальный класс и т.д.) и психологические (интеллект, потребность в достижении, уровень тревожности и т.д.) могут влиять на поведение участников. Есть свидетельства, что привлекательные экспериментаторы-женщины способны добиваться от испытуемых мужчин лучших результатов, чем экспериментаторы-мужчины (Binder, McConnell и Sjoholm, 1957). На результаты влияют также особенности испытуемого. Орн (Orne) утверждает, что всегда есть возможность узнать, что изучает экспериментатор, какое поведение исследуется, и какие изменения должны произойти (1962). Эти возможности, которые помогают открыть гипотезу экспериментатора, он назвал характеристиками требования (demand characteristics). В зависимости от индивидуальных особенностей испытуемый может либо осуществлять деятельность независимо оттого, что хочет экспериментатор, либо помогать исследователю подтвердить гипотезу. Вебер (Weber) и Кук (Cook) не нашли подтверждения, что участники действуют так, как ожидает экспериментатор (1972). Мейслинг (Masling) даже утверждает, что поведение может быть изменено в противоположную сторону – эффект давления (1966). В любом случае, если испытуемый знает цель, его поведение изменяется.

Участники, которые нуждаются в одобрении, поддаются влиянию со стороны экспериментатора, так как возникает феномен «понимания оценки» (Rosenberg,1969), и они стремятся дать «правильный» ответ, чтобы получить одобрение со стороны экспериментатора.

Опасения могут возникнуть, когда испытуемый думает, что исследователь найдет отклонения от нормы, и возникающая при этом тревожность влияет на результат. Многие просто хотят выглядеть лучше под влиянием действия фактора социальной желательности.

Для снижения влияния этих факторов есть две возможности: усиление контроля и создания новых техник. Усиления контроля связано с выбором схемы эксперимента. Кроме того, создаются специальные процедуры, например, слепой метод и двойной слепой метод. Когда используется слепой метод, то испытуемого просто обманывают, т.е. дают неверную информацию по поводу того, для чего проводится исследование. При двойном слепом методе сам экспериментатор, взаимодействующий с испытуемыми, не знает, какие воздействия оказаны на испытуемого и оказаны ли вообще.

Последний вопрос, с которым нам необходимо познакомиться, связан с выделением различных видов экспериментов. Все эксперименты разделяют на лабораторные и естественные, в зависимости от того, где проводится исследование. В социальной психологии часто проводят эксперименты, которые называют квазиэкспериментами, специфика которых заключается в том, что исследуются естественные группы, а не создающиеся в результате отбора. Также говорят о факторных экспериментах, когда исследователь изменяет одновременно несколько переменных.

Большинство экспериментов в социальной психологии было проведено в лабораторных условиях. Лабораторный эксперимент позволяет осуществлять строгий контроль всех случайных воздействий и в большей мере приблизиться к идеальному эксперименту.

Альберт Бандура (A. Bandura) с сотрудниками в своем исследовании показал, что дети при наблюдении за поведением модели усваивают не только их действия, но и последствия их поведения (1965). В ходе эксперимента дети наблюдали за действиями взрослого человека, который проявлял жестокое поведение по отношению к кукле: он бил ее молотком, подбрасывал в воздух, кричал на нее и т.д. Затем каждому ребенку разрешали войти в комнату и поиграть с куклой.

Дети были разделены условно на три группы. Одни входили в комнату сразу же после наблюдения – исследователи никак не оценивали поведение модели. Во второй группе взрослого человека хвалили и поощряли на глазах у детей и в третьей группе, наоборот, наказывали. После этого им также разрешали поиграть с куклой. В ходе эксперимента регистрировалась частота и типы агрессивных действий детей. Оказалось, что дети проявляли больше всего агрессивных действий в том случае, когда модель поощряли на их глазах, меньше всего – когда взрослого наказывали. На второй стадии эксперимента всех детей просили повторить действия взрослого человека за определенную награду. Оказалось, что в этом случае различий между группами не оказалось. Все это позволило сделать вывод, что дети выучивают поведение модели, но проявление выученного поведения зависит от общей оценки ситуации.

В описанном примере был избран лабораторный эксперимент, так как только он позволял осуществить контроль за всеми остальными переменными. Если провести исследование ребенка в естественном окружении, например, во дворе, то множество факторов может повлиять на ход эксперимента: ребенок может куда-нибудь убежать, может забыть о кукле, увидев друзей, или ему просто станет холодно, и он не захочет играть.

Многие критики считают, что изучение поведения в отрыве от реальной жизни, в искусственно созданных условиях, не имеет значения. В качестве недостатков лабораторного эксперимента называют:

10. Узость независимой и зависимой переменной (низкая конструктная валидность).

Например, те агрессивные формы поведения, которые Бандура наблюдал в своем эксперименте, не являются единственными и дети могут проявлять другие формы деструктивного и враждебного поведения. Хейза (Heather) указывает: «Психологи пытаются "втиснуть" изучение человеческой жизни в лабораторную ситуацию, где она становится неузнаваемо отличной от ее естественно возникающих форм» (1976).

2. Невозможность обобщения (низкая экологическая валидность).

Эффект, наблюдаемый в лаборатории, может не иметь никакого отношения к реальной жизни вообще. Так, концепция «иконической памяти» или «хранение визуальной информации», где содержатся сырые сенсорные данные, из которых мы впоследствии извлекаем информацию, некоторые современные авторы считают лишь артефактом экспериментов, доказавших ее существования. Но даже если не заходить так далеко, то, по крайней мере, логично, что в реальной жизни в человеческом восприятии нет кратковременных фиксаций, нормальное зрение, по Хэйберу, не состоит из дискретных вспышек. Поэтому феномен, изученный в лаборатории, не имеет никакого отношения к протеканию процесса восприятия в реальной среде.

И, конечно, еще больше сомнений в том, что эксперименты, проведенные на крысах, голубях или шимпанзе могут дать нам информацию о сложном человеческом поведении.

4. Искусственность условий.

Для многих людей лаборатория кажется неприятным или даже страшным местом, в результате чего они могут быть слишком покорными или испытывать неприятное чувство «давления» окружающей обстановки. И если экспериментатор усилит это чувство полной стандартизацией процедуры, давая инструкции без улыбок и дружеской поддержки, то испытуемый вряд ли будет чувствовать себя «как дома» и демонстрировать обычное поведение.

В защиту лабораторного эксперимента можно привести следующие аргументы:

1. При изучении процессов, протекающих в мозге, познавательных психических процессов и многих других явлений необходимо точное измерение, которое можно осуществить только в лаборатории с использованием технических средств. Причем, если исследуется способность человека к различению, то важно ли здесь, где проводится исследование: в искусственной лабораторной обстановке или в таком же технически оснащенном центре, где в дальнейшем будут эти данные использованы? Или если мы хотим узнать, как двухнедельный ребенок справляется с задачей на различение, то лучше всего провести этот эксперимент в лаборатории, ведь для младенца не важно, где проведен эксперимент: дома или в лаборатории.

2. Физики не смогли бы расщепить атом в естественной среде, если бы не наблюдали его движение в вакууме. Также и психологи. Только в лаборатории они смогли раскрыть многие важные закономерности, которые, будучи интересными, сами по себе, нашли широкое практическое применение. Без лаборатории мы не знали бы о различии функций полушарий, о феноменах перцептивной защиты и о крайней степени подчинения авторитету. Во многих случаях ведутся споры по поводу верной интерпретации, но сами феномены важны с точки зрения человеческой проницательности и дальнейших исследований.

3. Эксперименты, проведенные в лаборатории, гораздо легче воспроизвести, а это одно из необходимых условий для построения научных теорий в социальной психологии.

4. Многие эффекты, изученные в лабораторных условиях, могут гораздо сильнее проявляться в реальной жизни, что свидетельствует о том, что они не просто созданы в лаборатории. Например, в известном исследовании Милгрэма (Milgram) по изучению подчинения, участники могли остановить эксперимент в любой момент, но в реальной жизни есть сильное социальное давление и санкции, против того, кто не подчиняется нормам. Поэтому подчинение авторитету может проявляться еще в более сильной степени.

Очевидной альтернативой лабораторному эксперименту является полевой или естественный эксперимент, который проводится в естественном окружении, в школе, больнице или на улице, во время профессиональной деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми.

Фридман и Фрейзер (J. Freedman, S. Fraser, 1966) провели естественный эксперимент для проверки гипотезы о том, что «согласие ведет к согласию», т.е. если человек выполняет одну просьбу, то он также согласится выполнить и другую. В эксперименте приняло участие 156 домохозяек, разделенных на 4 группы. Ко всем домохозяйкам обращались с просьбой: пригласить группу из 5-6 человек к себе домой и на протяжении 2 часов оценивать качество различных продуктов в их присутствии. Эта достаточно обременительная просьба высказывалась при различных условиях, через три дня после: непосредственного контакта с домохозяйкой, когда ее просили ответить на несколько вопросов о качестве мыла, которое она использует; непосредственного контакта, когда просьба ответить на вопросы была, но они не задавались; непосредственного контакта без просьбы. У четвертой группы до второго этапа не было никаких контактов с исследователями. Полученные результаты представлены в таблице.

1гр	52.8%	
2гр	33.33%	
3гр	27.88% *	* – $p<0.07$ (отличие от 1 группы)
4гр	22.2% **	** – $p<0.02$

Для многих даже небольшая просьба не показалась естественной. Только 2/3 всех испытуемых согласились ответить на несколько вопросов при первом контакте. Естественно, что никто из тех, кто не согласился с первой просьбой, не позволил исследователям посетить их дом.

Основное предположение было подтверждено, так как более 50% процентов из тех, кто выполнил первую просьбу, согласились со второй, и только около 25% из тех, к кому не обращались с первой просьбой, поступили также. Вопрос состоит в том, что повлияло на поведение: контакт с исследователем или само выполнение первой просьбы. Результаты 3 группы, имевшей контакт с исследователем, но просьба которым не задавалась, очень близки к результатам четвертой и отличаются от данных 1 группы ($p<0.07$). Скорее всего, этот фактор не играет решающей роли. Возможно, что именно согласие с первой просьбой играет существенную роль. Полученные данные для 2 группы не отличаются существенно ни от 1 группы, ни от 4, следовательно, необходима дальнейшая проверка влияния этого фактора. Было сделано предположение, что он вполне возможно играет какую-то роль.

Фридман (J. Freedman) и Фрейзер (S. Fraser) провели естественный эксперимент для проверки гипотезы о том, что «согласие ведет к согласию», т.е. если человек выполняет одну просьбу, то он

также согласится выполнить и другую (1966). В эксперименте приняло участие 156 домохозяек, разделенных на 4 группы. Ко всем домохозяйкам обращались с просьбой: пригласить группу из 5-6 человек к себе домой и на протяжении 2 часов оценивать качество различных продуктов в их присутствии. Эта достаточно обременительная просьба высказывалась при различных условиях, через три дня после: непосредственного контакта с домохозяйкой, когда ее просили ответить на несколько вопросов о качестве мыла, которое она использует; непосредственного контакта, когда просьба ответить на вопросы была, но они не задавались; непосредственного контакта без просьбы. У четвертой группы до второго этапа не было никаких контактов с исследователями. Полученные результаты представлены в таблице.

1гр	52.8%
2гр	33.33%
3гр	27.88% *
4гр	22.2% **

* - $p<0.07$ (отличие от 1 группы)
** - $p<0.02$

Для многих даже небольшая просьба не показалась естественной. Только 2/3 всех испытуемых согласились ответить на несколько вопросов при первом контакте. Естественно, что никто из тех, кто не согласился с первой просьбой, не позволил исследователям посетить их дом.

Основное предположение было подтверждено, так как более 50% процентов из тех, кто выполнил первую просьбу, согласились со второй, и только около 25% из тех, к кому не обращались с первой просьбой, поступили также. Вопрос состоит в том, что повлияло на поведение: контакт с исследователем или само выполнение первой просьбы. Результаты 3 группы, имевшей контакт с исследователем, но просьба которым не задавалась, очень близки к результатам четвертой и отличаются от данных 1 группы ($p<0.07$). Скорее всего, этот фактор не играет решающей роли. Возможно, что именно согласие с первой просьбой играет существенную роль. Полученные данные для 2 группы не отличаются существенно ни от 1 группы ни от 4, следовательно, необходима дальнейшая проверка влияния этого фактора. Было сделано предположение, что он вполне возможно играет какую-то роль.

Исследование в естественном окружении позволяет преодолеть основной недостаток лабораторного эксперимента, связанный

с невозможностью обобщать на реальную ситуацию. Кроме того, в большинстве случаев участники полевого исследования не знают, что они участвуют в эксперименте. Но даже тогда, когда они знают о том, что вовлечены в исследование, это не сравнимо с чувством опасности и подозрения, возникающими лаборатории.

Основными недостатками естественного эксперимента являются невозможность осуществить контроль побочных переменных, трудность изменения независимой переменной и измерения зависимой.

При решении вопроса о выборе эксперимента вполне возможно использование схемы, когда первоначально эксперимент должен быть проведен именно в лабораторных условиях, и только потом в естественных или наоборот.

Таблица 17. Особенности естественного и лабораторного эксперимента

Естественный эксперимент	Метод	Лабораторный эксперимент
естественные	условия	неестественные, создающие неприятные ощущения
ощущения	контроль побочных переменных	высокий
высокий	реализм	низкий
сложнее воспроизвести	воспроизводимость	легко воспроизвести
высокая, когда распространяется на те условия, где проводился; других условий низка	экологическая валидность	низкая
более высока	конструктивная валидность	низкая из-за узости НП и ЗП
сложное не может быть использовано	техническое оборудование	сложное может быть использовано
больше	затраты и время	меньше

В эксперименте с использованием нескольких групп, предполагается рандомизированное распределение испытуемых, если конечно различие между группами не является независимой пере-

менной, Иначе одним из возможных объяснений установленной связи между независимой и зависимой переменными может стать неоднородность групп. Эксперименты, в которых не производится рандомизированное распределение групп, называются квазиэкспериментами. В квазиэкспериментах обычно исследуются реально существующие группы. Примером квазиэксперимента является Хотторнский эксперимент по изучению факторов, влияющих на производительность труда.

В том случае, когда используется несколько независимых переменных, эксперимент называют факторным. Факторные эксперименты позволяют, во-первых, организовать строгий контроль именно того результата действия независимой переменной, который интересует исследователя, во-вторых, позволяют проверять более сложные гипотезы – комбинированные, когда несколько факторов взаимодействуют друг с другом. Необходимо указать, что в экспериментах зависимых переменных может быть тоже несколько, и тогда их называют многомерными.

Но не всегда можно организовать эксперимент, Представьте, что вы хотите проверить гипотезу о том, что правильные методы воспитания оказывают благотворное влияние на психику формирующегося человека, и, став взрослым, люди имеют лучшую психическую приспособленность, и легко адаптируются в социальной среде. Или, чем больше рост человек, тем более успешен он в профессиональной деятельности. Может возникнуть предположение о том, что люди, имеющие способности к гуманитарным наукам, отстают в естественных. Для проверки этих гипотез нельзя провести активный эксперимент. В одних случаях это практически неосуществимо (нельзя варьировать рост, способности, пол и т.д.), в других – это неэтично (нельзя заставить родителей использовать плохие методы воспитания).

Задание: проанализируйте исследования и определите, какие из них в меньшей мере подвержены влиянию характеристик требования, в каких неправильно проведена процедура, в каких могут действовать предубеждения экспериментатора, для каких может быть использован слепой метод.

1. Мальчики, имеющие двух братьев, и мальчики, не имеющие братьев, находятся в лаборатории под наблюдением, чтобы определить, какая из групп проявляет больше агрессии.
2. Исследователь, одетый один день в грязную одежду, другой день одетый вполне прилично, спрашивает пассажиров на станции, как проехать до определенной станции метро. Основная задача исследования, показать, кому помогают больше.
3. В лабораторных условиях людей просят составить речь, высказывая противоположные собственным мыслям взгляды, вначале отдельно, а затем в присутствии других людей.
4. Исследователи выясняли при помощи опросника отношение различных рабочих фирм к начальнику. Проверялась гипотеза о соответствии величины зарплаты и положительной оценки начальника.
5. В одном классе использовали новый метод обучения чтению, в другом – улучшенный, но практически не отличающийся от старого. Изучали насколько быстрее дети учатся читать в обеих ситуациях.

В таких случаях проводят корреляционные исследования, когда не производится воздействие на ситуацию, а просто изучается связь между существующими переменными.

Belmont, Marolla (1973) провели корреляционное исследование для изучения связи между уровнем интеллекта, порядком рождения и величиной семьи. Это исследование стало возможным, так как оказались данные 386 114 юношей в возрасте 19 лет. Оценки интеллекта были получены с помощью теста прогрессивных матриц Равена, по актам регистрации были установлены величина и порядок рождения. Кроме того, имелись сведения о социальном статусе семьи, с помощью которых были выделены три социальные категории: интеллигенция, рабочие, работники сельского хозяйства.

Исследователи представили результаты в виде графиков и пришли к выводу, что в среднем IQ тем ниже, чем больше детей в семье. Кроме того, уровень интеллекта выше у детей, рожденных первыми. Результаты представлены на графике (Годфруа, т.1, с. 443). Кроме того, было показано, что уровень интеллекта выше, чем выше уровень социального положения семьи. Все эти данные позволили Зайенсу выдвинуть гипотезу, согласно которой «интеллектуальный климат» в семье определяется средним умственным уровнем ее членов.

В корреляционных исследованиях можно показать связь между переменными, но в отличие от эксперимента нельзя говорить о причинно-следственных отношениях. Предположим, в ходе исследования установлена связь между высокой самооценкой студентов и успехами в учебе. Но без эксперимента невозможно объяснить, что является причиной. Иногда делается ошибочный вывод, что успехи в учебе повышают самооценку студента. Но возможны альтернативные объяснения, что именно «здоровая» самооценка обусловливает успехи или существует еще одна переменная, влияющая на оба показателя. Так, исследование Бечмена (J. Bachman) и О'Малли (P. O'Malley), в котором приняло участие 1600 молодых людей, показало, что корреляция самооценки с успехами в учебе объясняется интеллектом и социальным статусом семьи (1977). Таким образом, мы видим, что в корреляционном исследовании невозможно учесть все факторы, влияющие на результаты, и это не дает возможность делать причинные выводы.

Но важность корреляционных исследований заключается в том, что корреляционные исследования могут опровергнуть гипотезу о каузальной связи, так как каузальный закон предполагает наличие корреляции. Поэтому относительно недорогой корреляционный подход может служить для проверки гипотез, и те, которые его выдержат, могут быть затем подвержены более дорогой экспериментальной проверке.

Кац (Catz), Маккоби (McCoby) и Морс (Mors), обосновав этот подход, провели исследование, в котором влияние лидерства на производительность труда было вначале изучено корреляционным методом, а затем основная гипотеза была подвергнута экспериментальной проверке (Mors, Reimer, 1956).

Наблюдение

Сложности, возникающие при использовании экспериментального метода, особенно лабораторного, когда исследуются лишь отдельные аспекты поведения, выделенные на основании гипотезы, которые вполне возможно не соответствующие реальному поведению, когда действиями испытуемого манипулируют, чаще всего не давая ему возможности проявить свою внутреннюю сущность, заставляют многих исследователей обращаться к другим методам. Прежде всего, это наблюдение.

Наблюдение -- это метод, состоящий в преднамеренном, систематическом и целенаправленном восприятии психических явлений. В этом определении отражены основные требования, предъявляемые к организации и проведению такого исследования. Это, прежде всего, наличие, ясно осознанной цели: для чего наблюдается поведение и на какие отдельные аспекты необходимо обратить внимание. Это отражается в составленном плане наблюдения, выделении отдельных категорий наблюдения.

Но не во всех видах наблюдения обязательно присутствуют указанные процедуры. Например, выделяют неструктурированное или несистематическое наблюдение, когда категории наблюдения не выделяются. Аналогично при включенном наблюдении очень тяжело учесть все указанные требования, но цель всегда сформулирована заранее. И хотя они не совсем удовлетворяют требованиям классического наблюдения, они используются, так как часто оказываются полезными.

Метод наблюдения обычно проводится в сочетании с другими методами. Очень часто его как используют для измерения отдельных переменных в эксперименте, кроме того, он проводится вместе с методами интервью, опросами для получения более объективных данных. Например, в известном эксперименте Милгрэма (1963) в дополнении к механической регистрации ответов испытуемого, его действия записывались на видеопленку, и исследователи наблюдали изменение эмоциональных реакций в ходе эксперимента. А в экспериментальном исследовании Бандуры этот метод использовался для измерения проявления агрессивных действий у детей.

Очень часто наблюдение проводится для выявления закономерностей и выдвижения гипотезы, а затем используются другие методы, чаще всего эксперимент, с целью ее дальнейшей проверки. Например, наблюдение показало, что дети проявляют более высокий уровень агрессии, если смотрят программы, связанные с насилием. Выдвинутая гипотеза была проверена Фрайдрихом (Friedrich) и Стейном (Stein). Они изучали три группы детей -- одна из которых смотрела программы, связанные с насилием, другая -- с просоциальным содержанием и третья -- с нейтральным. Через месяц первая группа демонстрировала больше агрессии, чем две другие. Причем чем более агрессивными были дети с самого начала, тем более агрессивными они стали (1972).

Основным видом является структурированное наблюдение. При таком исследовании используются строгие процедуры фиксации и кодирования. При таком исследовании часто используют различную видеотехнику для записи поведения, чтобы в дальнейшем ее можно было качественно проанализировать. Наблюдение в этом случае можно организовать таким образом, что испытуемый не будет догадываться, что за ним наблюдают (хотя здесь надо помнить об этических принципах).

В том случае, если нет возможности использовать видео технику, привлекают экспертов, наблюдающих за поведением непосредственно и регистрирующих определенные события. Обычно используют несколько экспертов, по одному – двум на каждого исследуемого. Если наблюдателей мало, то проводят наблюдение каждого испытуемого на протяжении короткого, точно установленного промежутка времени, или до тех пор, пока данных не будет достаточно; затем переходят к наблюдению следующего участника.

Возможен также вариант, когда наблюдатель ожидает появление определенного события, которое заранее определено до начала исследования, а затем переходит к наблюдению поведения следующего испытуемого.

Для описания данных обычно используют сетку категорий или единиц наблюдения. Например, при наблюдении за поведением детей во время игры в детском саду, можно регистрировать время и частоту видов деятельности, выделенных в качестве исследуемых категорий, и данные заносить в таблицу. Другой вариант состоит в оценке поведения по какой-либо шкале. Можно оценить поведение ребенка в зависимости от того, проявляет он интерес или нет, ис-

пользуя оценки от 1 до 10. Еще одна возможность состоит в кодировании отдельных актов поведения, используя определенные категории, например, графические символы, отражающие позиции частей тела.

В социальной психологии очень известной является система категорий, отражающих основные типы взаимодействия, разработанная Робертом Бейлсом (R. Bails). Наблюдая за поведением детей, выполняющих совместную деятельность, он выделил четыре основные категории, к которым можно свести все возможные взаимодействия: область позитивных эмоций, область негативных эмоций, область постановки и область решения проблем. Схема Бейлса очень часто используется при наблюдении за поведением людей в группе. Но со стороны многих исследователей она вызывает критику, так как нет достаточного обоснования существования именно этих четырех типов взаимодействия. Критика этой схемы наблюдения обычно отражает недостатки структурированного наблюдения в целом. Сведение всего поведения к набору отдельных простейших актов, выделение которых в большинстве своем недостаточно обосновано, дает надежные данные, но при этом теряется целостность поведения и его значение. Гораздо более важно наблюдать поведение таким образом, чтобы как можно больше сохранилось содержательного контекста, в котором оно возникло. Кроме того, необходимо описывать поведение человека с учетом мотивационных особенностей. Это не всегда можно сделать, если используется структурированное наблюдение.

К несистематическому наблюдению можно отнести биографический метод. Этот метод использовал Ф. Пиаже, наблюдая за развитием собственных детей. Джонс (Jones) и Флетчер (Fletcher) провели интересное исследование с использованием этого метода (1992). Они просили семейные пары описывать в дневниках изменение эмоционального состояния в течение дня на протяжении трех недель. Была найдена значимая корреляция между изменением состояний у обоих представителей каждой пары, и это позволило им сделать вывод, что эмоциональные состояния переходят от одного партнера к другому.

Другими видами наблюдения являются включенное и невключенное наблюдение. Но правильнее было бы говорить не о четком разделении исследований на эти две группы, так как степень включенности может быть разной, и некоторые виды наблюдения занимают промежуточное положения межу этими двумя крайними

формами. Паттон (Patton) считает, что степень включенности может описана следующим образом (1980).

- Полное включение (никто не подозревает о том, что наблюдатель ведет наблюдение). Примером является исследование, проведенное Festinger и Coll (1956). Они вступили в религиозную секту, которая считала, что наступит конец света в определенный момент, и наблюдали поведение участников в «последние» моменты жизни и после того, как событие не произошло. Такой вид наблюдения часто критикуют из-за того, что в них присутствует обман участников, поэтому для соблюдения этических принципов необходимо после исследования раскрыть цель всем наблюдаемым и попросить согласие на публикацию и обсуждение полученных результатов.
- Участник как наблюдатель (все знают, что включен в группу для каких-то целей, но не известно для каких). Так, Маргарет Мид долгое время жила в культурах, которые изучала, на Самоа, Новой Гвинее проводила запись с помощью кино- и фотоаппаратуры, а затем анализировала материал и выдвигала свои гипотезы.
- Наблюдатель как участник (все знают, что включен в группу для определенных целей, но позволяют временно стать членом группы). В таком наблюдении от наблюдателя требуются определенные умения, так как он должен войти в доверие и стать полноправным участником группы для того, чтобы собрать необходимую информацию.
- Полный наблюдатель. Это невключенный эксперимент.

Основным преимуществом включенного наблюдения является его гибкость, так как исследователь не устанавливаем жестких рамок в отношении того, что собирается. Иногда невозможно изучать некоторые группы другими методами или получить необходимую информацию. Кроме того, это возможность получать надежные данные. Киддер (Kidder) утверждает, что чем дольше наблюдатель находится в группе, тем больше у него возможности получить правильную информацию (1981). Если члены группы хотят показать себя определенным образом, то они не могут это делать долгое время в отношении друзей и родственников. И даже если исследователь не заметит, что они ведут себя неестественно,

то на это укажет ему прямо или опосредованно поведение других людей.

Основные трудности включенного наблюдения связаны с этическими проблемами, например, с обманом испытуемых, которые не предполагают, какую роль играет исследователь. Кроме того, из-за присутствия нового члена группы, может измениться поведение участников группы. Далее, сам наблюдатель, почувствовав себя членом группы, может необъективно оценивать ситуацию. Следующая сложность связана с тем, что нельзя фиксировать данные непосредственно в момент наблюдения, поэтому он может что-то забыть. И, наконец, полученные данные обычно нельзя распространить на другие популяции.

Наблюдение может проводиться как в лаборатории, так и в естественных условиях. Лабораторное наблюдение страдает теми же недостатками, что и лабораторный эксперимент, а именно тем, что поведение является специфическим, отличным от аналогичного поведения в естественной социальной среде. Поэтому чаще всего проводят полевое наблюдение, которое характеризуется высокой экологической валидностью. Примером полевого наблюдения является исследование Брауна (Brown), наблюдавшего за процессом усвоения речи у трех детей, записывая их общение с матерью на видеопленку, а затем анализируя его (1973).

В завершение рассмотрим вопрос о надежности данных, полученных с помощью наблюдения. Не всегда можно говорить об объективности исследования, так как возможны следующие ошибки. Во-первых, восприятие каждого человека является уникальным, и на него влияет множество фактов. Так, внимание привлекают обычно выдающиеся события, а другие можно просто не заметить. Большое влияние оказывает установка, когда исследователь склонен видеть то, что соответствует гипотезе, и не замечать события, опровергающие ее. Исследователь делает те же ошибки, которые возникают при восприятии других людей, описанные в главе по социальной перцепции. Часто говорят о логических ошибках, когда, например, по умению красноречиво говорить делают вывод о высоком уровне интеллекта. Или ошибочно делается вывод, что ребенок копирует поведение сестры, когда смотрит в ящик, в который она только что смотрела (на самом деле он просто хочет посмотреть, что привлекло ее внимание).

Если интервью или анкеты проводятся с детьми, то прежде всего возникает проблема понимания (то есть насколько дети по-

нимают то, о чем их спрашивают в задании, анкете, интервью), а также проблема мотивации для выполнения задания. Довольно часто дети упрямятся выполнять задания такого типа. Тогда хорошим методом для выполнения задания является стимулирование.

Основные преимущества наблюдения – это тщательное описание исследуемого явления или поведения так, как они существуют в природе. Недостаток заключается в том, что наблюдение, в отличие от экспериментального метода, не может выявить причинно-следственную связь. Кроме того, довольно часто при наблюдении отсутствуют гипотезы.

Источниками ошибок наблюдения могут являться прежде всего реакции испытуемых, то есть их поведение может меняться в зависимости от присутствия наблюдателя. Для того, чтобы избежать этих ошибок, необходимо использовать методы наблюдения, при которых наблюдатель не вмешивается в происходящее, или использовать наблюдателей, которые уже присутствуют в естественном окружении испытуемого, например, преподавателей. Другой источник ошибок связан с поведением самого наблюдателя и зависит от его физических и психологических свойств, (например, способности к наблюдению, его ожиданий). Действительно, результаты наблюдений могут быть связаны с ожиданием, которое сам наблюдатель имеет относительно ситуации. Следовательно, можно сказать, что валидность наблюдений зависит как от наблюдателя, так и от надежности используемого метода. Следующим источником ошибок является сложность наблюдаемого поведения. Чем сложнее поведение, тем больше возможность ошибок. Поэтому в процессе исследования важно использовать простые виды кодирования материала, которые позволяют наиболее точно зарегистрировать наблюдаемое поведение.

Олпорт (Allport) в 1937 году выделил некоторые характеристики, которые присущи хорошему наблюдателю. Эти характеристики остаются важными до настоящего момента:

1) опыт;
2) интеллект;
3) интуиция;
4) независимость от того, за чем ведется наблюдение;
5) понимание сложности объекта.

Планируя наблюдение, исследователь должен сделать несколько выборов. Прежде всего ему необходимо выбрать группы, за которыми будет вестись наблюдение. Данные группы должны

принадлежать к одной категории, должны иметь свойства, отличающие их от тех групп, которые принадлежат к другой категории. Каждая группа должна включать лиц с однородным поведением. В конечном итоге лучше иметь большое количество групп и лучше также избегать абстрактных принципов классификации. Но так как трудно наблюдать одновременно за многими группами, необходимо выбрать те, которые являются важными для целей исследования. Выбор группы наблюдения подразумевает ясное определение целей исследования и поведения, за которым будет вестись наблюдение.

Следующее, что необходимо сделать, это:

1) Выбор таксономии, то есть того, какие виды поведения будут наблюдаться. Это зависит от целей исследования.
2) Выбор, связанный с временными характеристиками, то есть помимо типа наблюдения необходимо решить, когда и сколько времени наблюдать.
3) Выбор способов записи, то есть использование «живой» записи или других видов записи, например, с помощью магнитофона, видеомагнитофона и т. д. Это также зависит от целей исследования.
4) Выбор системы кодирования, то есть системы обозначений для регистрации наблюдаемых аспектов поведения. При этом лучше использовать код, который ускоряет запись.
5) Выбор вспомогательных технических средств, то есть бумаги, ручки, магнитофона, телекамеры и т.д.
6) Выбор степени обобщения, которую необходимо получить. Если необходимо обобщить большое количество случаев, то потребуется большое количество испытуемых и наблюдаемых ситуаций.
7) Выбор контролируемых факторов исследования, то есть необходимо исключить все то, что «загрязняет» результаты (например, вмешательство наблюдателя, ожидания которого могут привести к искажению результатов).

Существуют различные типы выборок, используемых при наблюдениях.

1. **Неструктурированная выборка** – это такая выборка, в которой не накладываются никакие огра-

ничения на испытуемых, на порядок наблюдения, на методику наблюдения. Она является оптимальной для описательных работ, то есть работ, которые не предполагают проведения количественного анализа результатов и позволяют ознакомиться с окружением.

2. **Полная непрерывная выборка.** Кратко описывается природа наблюдаемого поведения, момент появления данного типа поведения и его продолжительность, а также данные об исследователе. Метод дает наибольшее количество информации.
3. **Выборка для последующих фокусированных наблюдений.** В группе начинают с отдельного индивида и наблюдают за ним в течение заданного времени. Затем последовательно каждый член группы наблюдается таким же образом то же самое количество времени. Этот метод используется тогда, когда невозможно наблюдать одновременно за всеми испытуемыми.
4. **Выборка по порядку.** Обычно в данном случае исследователя интересует порядок появления определенных форм поведения. Следовательно, регистрируется не момент появления тех или иных форм поведения, а только порядок появления (раньше или позже другого).
5. **Выборка по наличию-отсутствию.** Наблюдается, присутствует или отсутствует определенное поведение в определенный период времени. Не представляет интереса ни продолжительность, ни частота поведения. Однако при этом методе лучше использовать более полные записи.
6. **Заполнение матрицы.** Этот метод позволяет представить в таблице взаимосвязь между поведением различных испытуемых. Такой тип выборки в большей степени подходит для исследования отношений между испытуемыми, чем для исследования индивидуального поведения (отношения доминантности, коммуникативные отношения и т.д.).

На практике применяется не какой-либо из указанных методов отдельно, а комбинация нескольких методов в зависимости от ситуаций и целей исследования.

Довольно часто наблюдение проводится не одним, а несколькими наблюдателями, результаты которых сравниваются. В этом случае основной проблемой является проблема согласованности результатов нескольких наблюдателей (экспертов). Обычно считается, что согласованность высока, когда имеется совпадение примерно по 85% материала. До сих пор неизвестно, насколько полным должно быть совпадение, чтобы исследование считалось валидным. Обычно согласование наблюдений делается не по всему, а приблизительно по 15% всего материала.

Контент-анализ

Многие события нельзя наблюдать непосредственно. Одни из них отделены от исследователя временем, другие возникают непредсказуемо, и у экспериментатора нет возможности застать их, и, наконец, есть события, когда исследователь не может вмешиваться в реальный ход и ему приходится изучать их только после того, как они произошли. Обычно их исследуют по художественным произведениям, средствам массовой информации, известным речам, дневниковым записям, по картинам и другим продуктам деятельности человека.

Для этих целей в 1940-50-е годы сформировался метод контент-анализа для исследования содержания продуктов деятельности человека, заключающийся в выделении и подсчете частоты встречаемости или объема смысловых единиц. Это метод наблюдения не людей, а того, что они производят.

Первоначально метод, названный контент-анализом, использовался для анализа сообщений печати, известных речей и так далее. Сейчас его широко используют в социальной психологии для различных целей: как вспомогательный метод при анализе ответов на открытые вопросы анкет, для анализа данных, полученных в ходе интервью, или как дополнительный инструмент в проективных методах. Часто он является первым этапом исследования, необходимый для формулирования гипотез. Кроме того, он используется как главный метод в тех случаях, когда исследование объекта невозможно другими способами. В социальной психологии часто проводят контент-анализ в сочетании с другими методами для изучения общения, ценностных ориентаций, взаимодействия в группе. Иногда применяется в науковедческих целях, для исследо-

вания научной литературы по социальной психологии. Например, выявления преобладающих проблем, методов исследования по материалам учебников.

В МГУ было проведено исследования восприятия молодежью телекоммуникаторов. В исследовании приняло участие 100 человек, студентов вузов, ПТУ, рабочих, учащихся старших классов. Для сбора информации использовался модифицированный вариант теста М. Куна. В классическом варианте испытуемому дается вопрос «Кто Я такой?», и он должен придумать 20 вариантов ответа. Для оценки коммуникатора использовали вопрос «Данный коммуникатор -- кто он такой?», где естественно указывали конкретную фамилию. Объектом исследования стали различные телекоммуникаторы: ведущие обозреватели, дикторы, герои телесюжетов. Ответы обрабатывались с помощью контент-анализа по следующим категориям:

1. ролевые характеристики, в качестве которых стали социально-демографические характеристики (профессия, пол и т.д.);
2. индивидуальные характеристики, которые были представлены тремя субкатегориями:
   – внешние характеристики (физические, одежда ...),
   – функциональные характеристики (речь, голос, мимика, интонации ...),
   – личностные характеристики (умный, добрый ...);
3. отношение (положительное, нейтральное, отрицательное).

Кроме того, полученные ответы анализировались по двум факторам социально-психологической модели коммуникатора или двум типам отношений: коммуникатор-сообщение и коммуникатор-аудитория.

Результаты показали, что при восприятии телекоммуникаторов основное влияние оказывают индивидуальные личностные характеристики, которые употребляют чаще всего. Кроме того, сочетание двух факторов психологической модели оказалось разным для различных коммуникаторов, но в целом подтвердилась правильность модели, так как оба этих фактора оказались одинаково важными для восприятии телекоммуникаторов.

Можно условно выделить следующие этапы проведения контент-анализа. Первоначально формулируется гипотеза, на основе которой определяются объект исследования и основные категории. В качестве категорий могут выступать различные виды деятельности, социально-психологические феномены. По сути, это основные понятия проводимого исследования. Одна из самых важных задач осуществить репрезентативный выбор материала. Если

мы изучаем телевидение, то необходимо выбрать какие программы, в какое время будет исследователь смотреть. Затем должен быть решен вопрос о единицах анализа, качественных и количественных. Качественные единицы – это содержательные элементы, которыми могут быть отдельные слова, темы, целые сообщения, поведенческие акты. Количественные – частота встречаемости объем, продолжительность и т.д.

Но возможны и более специфические формы представления, и обработки данных. Например, Осгуд (С. Osgood) разработал вариант оценки зависимости элементов содержания. Процедура состоит в регистрации наличия определенных единиц содержания, а также их совместной встречаемости и определения, является ли их совместное появление неслучайным. Можно также рассчитать уровень значимости неслучайного появления, выделить плеяды взаимосвязанных единиц.

Обычно результаты представляются в виде матрицы возможных и фактически совместных появлений в тексте.

Если элемент А встретился в 40 процентах исследуемых материалов, а В -- в 20 процентах, то вероятность совместного появления будет равна 0.08. Но А и В встретились только в 6 процентах, т.е. их совместное появление можно считать случайным.

Используя подобную процедуру Осгуд с сотрудниками (Osgood, 1959) проанализировали беседы одного из американских радиокомментаторов и выявили неслучайную связь между такими понятиями, как «молодежь» и «болезненные проявления», а также общую консервативную направленность его выступлений.

Задание: представьте, что вам необходимо провести исследование, основная цель которого составить типичный женский и мужской портрет по брачным газетным объявлениям. Как вы подберете необходимую выборку газет и какие единицы выделите для контент-анализа.

На втором этапе проводится само исследование, и данные представляются в виде матрицы, где в столбцах представлен исследуемый материал, а в строках – элементы анализа.

	a	**b**	**c**	**...**	**n**
a	**-**	**0.08**	**0.24**		
b	**0.06**	**-**	**0.12**		
c	**0.38**	**0.02**	**-**		
...					
n					

На третьем данные анализируются количественно и качественно. Данные представляются в виде частотного или процентного распределения, рассчитывается коэффициент корреляции, очень часто проводится факторный анализ.

Метод опроса

Следующую группу методов можно назвать методами опроса или методами самоотчета, когда основная информация берется из ответов испытуемых. Основными видами опроса являются анкетирование и интервью. Если проводится анкетирование, то испытуемому предъявляются вопросы в письменном виде, на которые необходимо ответить. Интервью это устный опрос, предполагающий общение «лицом к лицу», когда интервьюер сам задает вопросы и фиксирует ответы.

Анкеты используются в том случае, когда необходимо опросить большое количество людей, а также в тех случаях, когда необходимо выяснить отношение людей к интимным или острым дискуссионным проблемам. Используются как для описательных целей, так и аналитических. Данные опроса используются в описательных целях при исследовании аттитюдов, интересов, мнений и т.п. Опросы могут быть использованы для аналитических исследований и проверки гипотез. Хатфилд (Hatfield) и Уолста (Walster) опросили 537 учащихся колледжа, имеющих постоянного (друга, подругу) (1981). Те, которые чувствовали, что их партнерство строится на «равных», чаще предсказывали продолжение дружбы в течение 1 – 5 лет, что реже делали те, которые считали, что один партнер получает или отдает больше другого. Это подтверждает положения бихевиористского подхода, рассматривавшего диадное взаимодействие как основанное на проигрыше-выигрыше.

Самые важные проблемы, с которыми приходится сталкиваться исследователям, выбравшим устный опрос, это составление анкеты, выбор типа и формулирование вопросов, а также определение процедур отбора репрезентативной выборки.

Вопросы, использующиеся в опросниках, могут быть открытыми и закрытыми. Чаще всего используются закрытые вопросы, когда испытуемый должен выбрать одну из двух или более альтернатив. При ответе на такие вопросы респондент находится в ситуации вынужденного выбора. Открытые вопросы не предусматривают никаких ответов, и испытуемый может выразить свое мнение любым способом. Если в анкете используются открытые вопросы, то обычно она дает больше информации. Кроме того, иногда это более достоверная информация, т.к. испытуемые могут выбрать

ответ, неверно проинтерпретировав его. Ситуация вынужденного выбора может привести к негативному отношению к тестированию, если испытуемый не может выбрать никакую из предложенных альтернатив. Необходимость использования свободных вопросов была продемонстрирована в прикладных исследованиях Перонна (Peronne) с коллегами по оценке новой отчетной системы, введенной в школах (1976). Система была подвергнута резкой критике, и исследователей пригласили провести анкетирование среди учителей, и выяснить их отношение к форме отчета. Учителей вначале попросили заполнить анкету, состоящую из закрытых вопросов с двумя возможностями выбора – «согласен» и «не согласен». Затем им была предложена анкета с открытыми вопросами. Хотя количественная информация, полученная с помощью анкеты с закрытыми вопросами, тоже выявила наличие страха, фрустрации, но более ярко это проявилось именно при ответах на открытые вопросы. Необходимо учитывать, что, несмотря на все преимущества, данные открытых вопросов иногда тяжело интерпретировать, тяжело подобрать систему категоризации и кодирования. Возможен вариант анкеты, состоящей из закрытых вопросов, но после которых предлагается дать свой ответ, если он есть.

Вопрос можно сформулировать так, что он будет либо прямым, либо косвенным. Сравните: «Вам нравится учиться в этой группе?» с «Вы хотели бы перейти в другую группу?». Иногда полезно использовать косвенные вопросы, чтобы снизить влияние фактора социальной желательности. В анкетах нельзя использовать очень сложные, двусмысленные вопросы, а также нельзя допускать, чтобы вопросы были двойными.

Как и в других методах, выборка, которую опрашивают должна быть репрезентативной, так как предусматривается обобщение на большую популяцию. В основном используются те же методы, что и в эксперименте.

Анкеты можно предъявлять лично или по почте. Если анкеты отсылаются по почте, то преодолеваются трудности, связанные с влиянием личностных характеристик исследователя. Но необходимо, чтобы вопросы и инструкции должны быть написаны очень просто и четко, так как велика вероятность неверного понимания, и если при непосредственном общении это легко избежать, то при общении по почте такие ошибки возникают очень часто. Кроме того, количество невозвращенных анкет очень велико. Если 75 процентов из 300 согласились, что религия необходима человеку, а

эти триста человек ответили из 1000, то, как оценивать 600, которые не прислали ответы и можно ли на основании таких данных делать какие-то выводы.

Устным видом опроса является интервью. Различают два вида интервью: свободные и стандартизированные. Границы между этими видами подвижны. Выделение этих видов интервью связано, во-первых, с типом вопросов, а во-вторых, со способом обработки полученных данных. Вопросы могут быть открытыми или закрытыми, а при обработке можно воспользоваться различными стратегиями: можно относить ответы к определенным категориям, количественно оценивать от 1 до 10, можем просто на основании интуиции и анализа выносить решение. Выделяют следующие типы интервью.

1. Свободное, неуправляемое интервью.

Многие психологи используют такую форму интервью, когда респондент рассказывает о чем угодно, а исследователь не раскрывает тему интервью, задает вопросы и направляет беседу в нужное русло. Основная задача: помочь респонденту приблизиться к собственным проблемам и рассказать о них. Многие не считают этот метод исследованием в строгом смысле этого слова, но в социальной психологии он может быть, использован для получения дополнительной информации при организации эксперимента или при использовании других методов. Свободное интервью может стать первым шагом при построении новых исследований.

2. Неформальное интервью.

Основная задача для интервьюера -- создать атмосферу, когда интервьюер и респондент находятся на равных правах. В своей крайней форме, когда, кроме того, еще не используются определенные вопросы, оно схоже со свободным интервью описанным выше. В качестве примера можно привести известное в социальной психологии исследование Мэйо, названное Хотторнским. С помощью стандартизированного интервью, проведенного первым, не удалось получить полезной информации. Рабочие просто отвечали на вопросы интервьюера, не давая никакой дополнительной информации. Неформальное интервью, которое затем применили исследователи, дало хорошие результаты. Интервьюер внимательно слушал, давал замечания, не проявляя при этом никакого превосходства, не давая никаких оценок. И в такой неформальной обстановке рабочие начали рассказать о своих проблемах, и, как общий итог исследования, был сделан вывод, что внешнее неудовольст-

вие было лишь симптомом более глубоких личностных и социальных проблем, требующий совершенно иных мер для сложившегося положения.

В спокойной обстановке неформального интервью респондент может использовать собственные термины, его не заставляют отвечать на вопросы, которые ему кажутся неприятными, и на которые он просто не хочет отвечать. Кроме того, при проведении такого интервью, в отличие от структурированного, вопросы могут быть пояснены, и исследователь может даже раскрыть для чего они предназначены. Интервьюер может спросить испытуемого в любой момент, что он имел в виду, высказывая ту или иную мысль.

3. Неформальное, но управляемое.

В ходе такого интервью обстановка должна оставаться неформальной. Но вопросы должны быть определены и поставлены четкие задачи. Интервьюер может варьировать порядок предъявления вопросов, давать собственные формулировки, т.е. в зависимости от ситуации находить различные возможности, чтобы задать их в непринужденной беседе.

4. Стандартизированное, но с использованием открытых вопросов.

Интервьюер предъявляет точно установленные открытые вопросы в определенном порядке, на которые респондент может отвечать любым образом.

5. Полностью стандартизированное интервью.

Эта процедура сходна с описанной выше, а вопросы закрыты. Эту процедуру вообще трудно назвать интервью. Он больше похож на анкетный с устным предъявлением вопросов.

Основное достоинство стандартизированных методов заключается в том, что они дают более надежные данные, которые легко обрабатывать, естественно, что при этом практически не влияют установки исследователя. В нестандартизированных интервью объективное сравнение и обобщение сделать трудно, но интервьюер может учитывать индивидуальные особенности и задавать вопросы в более свободной спокойной атмосфере, когда возможно получение более полных и откровенных ответов. Однако чем менее структурировано интервью, тем больше умений требуется от интервьюера, и именно от этого зависит окончательный успех. Но при этом велико влияние исследовательской установки.

Таблица 18. Достоинства и недостатки метода интервью.

Вид интервью	Преимущества	Ограничения
Неформальное интервью	Интервьюер может учитывать особенности респондента и ситуации позволяет получить богатую и реалистическую информацию; интервьюер чувствует себя более свободно, так как не надо подчиняться строгому порядку.	Несистематическая и поэтому различная информация от разных испытуемых; тяжело анализировать собранную информацию; сильное влияние личностных характеристик; относительно ненадежно и трудно обобщать
Неформальное управляемое интервью.	Проще анализ, более систематическая информация; интервьюер может проявлять относительную свободу действий; дает достаточно богатую информацию.	Различные формулировки могут подчеркивать различные идеи; влияние личных характеристик; низкая надежность и возможность обобщать.
Стандартизированное с открытыми вопросами	Данные легко анализировать; уменьшения влияния личностных переменных; респондент не страдает из-за необходимости строго отвечать на вопросы; данные могут проанализировать другие исследователи.	Невозможность учитывать особенности ситуации; менее богатый материал; кодирование может не дать необходимую надежность; ограничения при обобщении.

Полностью стандартизированное	Не требует много времени; легко воспроизводимо; легко обрабатывается; низкое влияние индивидуальных характеристик.	Респондент в ситуации вынужденного выбора; информация узкая; возможность неправильного понимания вопросов и влияние всех факторов, снижающих достоверность

При проведении интервью необходимо, чтобы интервьюер обладал определенными навыками, особенно при проведении неформального, нестандартизированного интервью. Он должен обладать техникой эффективного общения. Эти вопросы подробно изложены в главе, посвященной проблемам общения, но вкратце можно описать следующие правила: нельзя быть быстрым и доминировать в разговоре, давая интерпретацию того, что хочет сказать сам интервьюируемый. Надо стараться не давать тривиальные реплики типа: «да», «понятно». Интервьюер должен быть чувствительным к невербальной информации, которую он может использовать как для интерпретации данных, так и для того, чтобы ориентироваться в ситуации и верно задавать вопросы. Необходимо также умение, чтобы задавать вопросы как можно естественнее. Когда таких вопросов мало, то сделать это достаточно просто, но если их много, то тогда достаточно сложно без специального опыта, чтобы связать в общий контекст. Необходимо, чтобы интервьюер проявлял интерес и верил, что интервью даст необходимые результаты. Если с самого начала интервьюер невольно покажет, что он не верит в возможность получить что-нибудь интересное, что он считает, что интервьюируемого не компетентным, то вряд ли интервью будет успешным. Необходимо в каждом конкретном случае находить индивидуальные особенности исследуемого и находить к нему собственный подход.

Раньше мы указывали, что многие исследовательские схемы критикуются за наличие таких возможностей, которые позволят субъекту понять, какую цель поставил перед собой исследователь, и действовать в зависимости от этого определенным образом. Также, когда мы задаем вопросы, респондент может понять цель опроса и давать определенные ответы. Кроме того, можно говорить о взаимодействии ролей – интервьюера и интервьюируемого. Особенности стиля интервьюера и его саморепрезентация могут влиять на получаемую информацию. Интервьюируемый может из вопро-

сов и поведения интервьюера понять цель исследования и действовать исходя из ожиданий исследователя.

Основные переменные, которые влияют на полученные результаты, это во-первых, пол. Вряд ли женщина, верно, опишет роль мужчины, если ее интервьюирует мужчина. Только с женщиной интервьюером, она сможет найти общее понимание и ожидает получить подтверждение своего мнения.

Во-вторых, это этническая и расовая принадлежность. Уорд (Word, 1974) наблюдал поведение белых интервьюеров при проведении интервью с белыми и неграми. С белыми они проявляли больше близости, что выражалось в избрании более близкой дистанции, интенсивном контакте глаз и т.д.

Третье, это формальные роли. Этот фактор возникает в том случае, когда респондент воспринимает исследователя как руководителя или человека с большим авторитетом. Это зависит частично от того, какой стиль использует при общении интервьюер. Возможно влияние оценочного мнения (evaluation apprehension), и тогда респондент будет занят только тем, чтобы подобрать правильный ответ. С другой стороны, некоторые испытуемые могут цинично и неуважительно относиться к интервьюеру и демонстрировать презрение и давать первые пришедшие в голову ответы. Для создания благоприятной обстановки интервьюер должен использовать тот же лексикон, что исследуемая группа, и должен показывать, что он делает это не просто потому, что хочет понравиться испытуемым, но и потому, что считает это вполне нормальным и необходимым. Не должно быть никакой моральной оценки и вообще интервьюируемый не должен думать, что его пытаются оценить. Четвертое, это личностные качества обоих субъектов. Здесь действуют все эффекты социального восприятия, с которыми вы уже знакомы.

Следующий фактор – это социальная желательность, т.е. стремление показать себя с лучшей стороны. При опросах тяжело измерять установки человека, особенно, если они касаются таких проблем как неравноправие, отношение к людям других национальностей и т.д. Социально желательный ответ известен и в этих случаях проще воспроизводить именно его, а особенно в тех случаях, когда респондент предполагает, что его ответы будут оглашены или о них узнают другие люди.

Тестирование

Тест – это стандартизированное испытание, предназначенное для объективной оценки индивидуально-психологических различий. Тесты широко используются в социальной психологии как самостоятельные методы или в совокупности с другими методами. Имеется большое количество тестов, оценивающих различные социально-психологические переменные, такие как способности руководителя или взаимоотношения в коллективе. Что касается личностных тестов, то в социальной психологии они чаще всего используются в сочетании с другими методами, например, для оценки независимой переменной.

Этот метод является очень распространенным, поэтому мы не ставим перед собой задачу подробно описать его. Главное, как нам кажется, чтобы каждый исследователь смог подобрать необходимый тест, учитывая при этом, какими он обладает возможностями, и можем ли мы доверять полученным с его помощью данным.

Прежде всего, необходимо знать, что при проведении теста соблюдалось условие стандартизации, т.е. указания по проведению теста должны быть четко сформулированы и строго соблюдались при проведении тестирования. Это необходимо для того, чтобы показатели, полученные разными испытуемыми, могли быть сравнимы, а для этого и все условия должны быть также сравнимы. Здесь имеются ввиду одинаковые предъявления инструкции, временной интервал, примеры, стимульный материал, поведение экспериментатора, способы регистрации ответов. Они не должны варьировать от пробы к пробе. При проведении тестирования исследователь должен внимательно ознакомиться со всеми требованиями и стремиться действовать соответственно им.

Далее, тест должен быть объективным, т.е. данные не должны зависеть ни от экспериментатора, ни от испытуемого, ни от других условий. Для этого тест должен быть валидным, достоверным и надежным. Валидность показывает, что тест измеряет то, для измерения чего он предназначался. Это один из основных критериев качества теста. Проблема валидности решается в основном при создании теста, когда используются специальные процедуры, под-

тверждающие, что полученный показатель относится именно к тому, свойству, которое мы измеряем.

Надежность показывает точность измеренных показателей, причем отражает в основном только погрешности измерения. Очень часто в качестве показателя надежности берут воспроизводимость результатов через определенный промежуток времени. Обычно к тестам прилагаются описания всех процедур, проведенных при создании теста для решения вопросов, связанных с проблемой валидности и надежности.

И, наконец, достоверность показывает устойчивость теста к фальсификации, т.е. невозможность испытуемого влиять на результаты тестирования. Выделят следующие основные факторы, влияющие на достоверность тестов:

- Установка на «крайние» ответы, когда испытуемый в основном отвечает «да» на все вопросы или, наоборот, постоянно отвечает «нет». По мнению Гилфорда (Guilford), «соглашательство» часто наблюдается в тех случаях, когда вопросы (или утверждения) неоднозначны и неопределенны, поэтому необходимо формулировать ясные и конкретные задания. Для снижения влияния этого типа установок также используют сбалансированные тесты, когда количество прямых и обратных вопросов приблизительно одинаково.
- Установка на социально одобряемые ответы. Необходимо избегать явно социально желательных вопросов/нежелательных вопросов. Как бы вы отнеслись к утверждению: «Я скупой» или «Я ненавижу негров». Очевидно, что ответ мог быть один: «Нет». Поэтому для первого утверждения можно было подобрать высказывание «Каждый ребенок должен знать, что бережливость лучше богатства». Для достижения достоверности в этом случае добавляют шкалу «лжи», которая состоит из вопросов или утверждений, ответы на которые предопределены социальной желательностью. Приведем примеры таких вопросов. «Иногда Вы с удовольствием слушаете неприличные анекдоты». «Не все ваши знакомые вам нравятся». «Переходите ли вы улицу в не установленном месте, если знаете, что поблизости нет милиционера?»

- Установка подтверждать мнение о себе. Очень многие испытуемые тестируются для того, чтобы подтвердить свои гипотезы в отношении самого себя. С другой стороны, иногда необходимо репрезентировать себя определенным образом.
- Установка создавать определенный образ.

Кроме того, на достоверность могут влиять случайные ответы. Таким образом, достоверность достигается за счет правильного формулирования вопросов и использования специальных процедур, таких как шкала «лжи» и другие. Прежде чем использовать тест, необходимо выяснить, достоверные ли результаты вы получите.

И, наконец, последний критерий это репрезентативность тестовых норм. При разработке теста определяются показатели, необходимые для разделения испытуемых на группы в зависимости от выраженности свойств. Для этого проводят тестирование на определенной популяции, поэтому при использовании теста необходимо определить соответствует ли выборка исследования тестовой выборке.

Необходимо также учитывать, что не все тесты можно проводить в группе. Некоторые тесты предъявляются каждому испытуемому по отдельности. При использовании тестов в группе обычно предъявляют в бланковом режиме, причем группа не должна превышать 20-25 человек.

Проективные методы

Термин проекция (от латинского projectio – выбрасывание вперед) для обозначения данной группы методов был введен Франклом, и, несмотря на неоднократные попытки изменить его, закрепился и стал общеупотребляемым. Содержание понятия обычно трактуется как процесс и результат постижения и порождения значений, заключающийся в осознанном или бессознательном перенесении субъектом собственных свойств, состояний на внешние объекты, осуществляющийся под влиянием доминирующих потребностей, внутренних неосознаваемых конфликтов, смыслов и ценностей субъекта. Посредством проективных методов как раз и осуществляется попытка выявления личностных и межличностных особенностей по их проекциям.

Предполагается, что любой поведенческий акт, высказывания несут отпечаток личности. И личность проявляется тем ярче, чем менее стереотипны ситуации-стимулы, побуждающие ее активности, поэтому в проективных методах используются неоднозначные стимулы. Стимулы приобретают смысл в связи с личностным значением, придаваемым им обследуемым. Более полному проявлению индивидуальных особенностей способствует инструкция, указывающая на отсутствие «правильных» и «ошибочных» ответов.

В основном проективные методики различного типа строятся на предъявлении относительно неструктурированных задач, допускающих безграничное число возможных решений. Для того, чтобы возможности фантазии диагностируемого не ограничивались и не цензурировались, даются только краткие и весьма общие инструкции. По мнению Анастази, «предполагается, что тестовый материал должен срабатывать как некоторого рода экран, на котором отвечающий «проецирует» характерные для него мысленные процессы, потребности, тревожность и конфликты» (1982: 182).

Являя собой замаскированное тестирование, проективные методы предполагают тщательное вуалирование своих целей и характера интерпретирования. Еще одной особенностью является глобальный характер данной группы методов, проявляющийся в том, что на их основании делаются достаточно общие выводы как об отдельной личности, так и о специфике межличностных отношений. Исходная их направленность на «обман цензуры» (в интерпретации З. Фрейда) позволяет наиболее эффективно выявлять скрытые, замаскированные, неосознаваемые характеристики личности и межличностных взаимоотношений. Именно поэтому предполагается, что чем менее структурированы и однозначно трактуемы предъявляемые стимулы, тем больше вероятность преодоления цензуры и связанной с ней психологической защиты.

При всем неоднозначном отношении к проективным методам, сложившемся в классической психодиагностике и, особенно, в связи с не кончающимися попытками их психометризации, в клинической практике они квалифицируются как одни из наиболее продуктивных. Они позволяют затрагивать не только эмоциональные, но и мотивационные, межличностные особенности, а так же интеллектуальные особенности поведения.

Наиболее известными и популярными проективными методиками являются тесты Роршаха и Тематический апперцептивный

тест, которые по оценкам Генри Мюррея (H. Murray) являются наиболее продуктивными для использования в психологической диагностике.

В тестах Роршаха (Rorschach, 1942) в качестве основного стимульного материала используются чернильные пятна различных конфигураций. Эти чернильные пятна предъявляются диагностируемым в различных конфигурациях и последовательностях. В качестве основных показателей, привлекаемых к анализу ответов диагностируемых, определяются *локализация*, указывающая на часть пятна, с которой ассоциируется ответ; *детерминанты*, включающие форму, цвет, оттенки и «движение»; и *содержание*, чаще ассоциируемое с изображениями конкретных людей и животных. Применительно к диагностике межличностных отношений разработана модификация данного теста, получившая наименование «Совместный тест Роршаха».

Тематический апперцептивный тест (ТАТ), разработанный Мюрреем и коллегами (1938), более структурирован и требует более сложных и организованных ответов диагностируемых. ТАТ включает 19 карточек с неопределенными по содержанию черно-белыми картинками и одну пустую. Задачей диагностируемых является составление рассказа, предполагающего объяснение того, что привело к изображаемому событию, что случилось в данный момент, что персонажи думают и чувствуют и чем все это кончится. При работе с пустой карточкой диагностируемого просят вообразить какую-либо картину, описать ее, а затем составить завершенный рассказ о развитии событий. Интерпретируя рассказы, полученные в тесте, в первую очередь определяется, кто является «героем», каков его пол, затем анализируется содержание. При оценке особое внимание уделяется выявлению конкретной угнетающей потребности и обстоятельствам, вывод о наличии которых делается по интенсивности. Длительности и частоте повторений в различных рассказах, а так же своеобразию его связи с изображением на данном рисунке.. предполагается, что необычность предъявляемого материала будет способствовать преодолению цензуры и определению его значимости для диагностируемого. ТАТ может применяться как в индивидуальной, так и в групповой формах.

Наряду с описанными, основными видами проективных методик, используемых в социальной психологии, являются методики структурирования, конструирования, интерпретации, дополнения, катарсиса, изучения экспрессии, а также импрессивные методики.

В социальной психологии они используются обычно в сочетании с другими методами для получения характеристик личности. Но имеются методы, которые изучают особенности общения человека с окружающими, например, известная «Методика рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга, которая позволяет прогнозировать реакции испытуемого на различные трудности, возникающие на пути к достижению цели.

Не ставя себе целью подробное описание специфики всего спектра разработанных и внедренных в практику проективных методов (их сегодня насчитывается более 5000), отмечу их возрастающую популярность именно в 90-е годы, обусловленную, по моему мнению, диффузией экзистенциально-феноменологических и социально-конструктивистских идей в отношении необходимости тщательного изучения интерпретаций и их своеобразия. Причем, данная группа методов позволяет привлечь к плоскости анализа и сферу неосознаваемых психических процессов. В контексте интегративно-эклектического подхода последнее является особенно важным, т.к. не представлено в полной мере в соответствующих теоретических и методологических основаниях других подходов.

Особо остановлюсь на многочисленных попытках психометризации проективных методов, предпринимавшихся и предпринимаемых с момента их вхождения в диагностическую практику. Общий перечень зафиксированных в литературе достоинств и недостатков проективных методов представлен в приводимой ниже таблице 19.

Таблица 19. Достоинства и ограничения проективных методов.

Достоинства	Ограничения
1. Способствование установлению продуктивных взаимоотношений с диагностируемым. 2. Широкий спектр областей применимости. 3. Низкая фальсифицируемость. 4. Высокий уровень субъективности в интерпретациях. 5. Возможность анализа неосознаваемой сферы психического. 6. Возможность выявления	1. Низкая стандартизированность. 2. Отсутствие объективности в определении показателей. 3. Отсутствие объективных адекватных норм. 4. Высокий уровень субъективности в интерпретациях. 5. Низкая надежность. 6. Низкая традиционно трактуемая валидность.

своеобразия индивидуальных интерпретаций.	

На мой взгляд, к любому методу, дающему возможности, не представленные в других методах надо относиться крайне бережливо, а не пытаться его подогнать под единый универсальный стандарт, приводящий, в конечном итоге, к потере его достоинств. В этом смысле, определяемом спецификой интегративно-эклектического подхода, использование проективных методов является продуктивным и перспективным. Другое дело, что к его использованию в рамках чуждых ему методологических оснований надо подходить с элементарной методологической грамотностью. Если метод ориентирован, прежде всего, на преодоление цензуры, на выявление специфики индивидуальных интерпретаций субъекта, если он покоится на фундаменте экзистенциально-феноменологического и социально-конструктивистского подходов, то вбивать его в позитивистскую методологию с совершенно иным эпистемологическим и онтологическим содержанием нецелесообразно, более того, безграмотно.

Решение этой проблемы становится возможным лишь посредством привлечения к анализу личностной и социально-психологической проблематики продуктивных возможностей любых, в том числе и покоящихся на разных методологических основаниях методов, но при условии оговаривания и учета их специфики. Что, собственно говоря, и предполагается интегративной эклектикой как подходом к персонологической и социально-психологической феноменологии.

Методы шкалирования

Специфическими для социальной психологии являются методы шкалирования и социометрический метод, поэтому достаточно подробно остановимся и на них.

Одной из важных задач в социальной психологии является измерение аттитюдов установок. Для этого обычно используются опросники, содержащие утверждения, с которыми испытуемый должен либо согласиться или нет, либо оценить их правильность, используя значения от 1 до 5 (или до 3, 7, 11). Чаще всего эти ут-

верждения оценивают отношение к одному объекту. Существует несколько систем выбора утверждений, которые также называют методами шкалирования.

Одним из них является метод равных интервалов, разработанный Терстоуном. Первая шкала, разработанная этим исследователем, измеряла аттитюд по отношению к религии. Как и многие другие теоретики Терстоун рассматривал аттитюды как находящиеся на оценочной шкале от положительного до отрицательного отношения к исследуемому объекту.

Кроме того, также предполагалось, что утверждения не скоррелированы между собой, поэтому согласие с одним утверждением необязательно ведет к согласию с другим. Процедура составления шкалы типа терстоуновской разбивается на несколько этапов:

1. Формулируется или собирается большое количество высказываний, касающихся исследуемого объекта.
2. Утверждения сортируются на 11 (от позитивного до негативного отношения к объекту) группой экспертов (обычно около 100 чел.), представляющих собой репрезентативную выборку той популяции, для которой разрабатывается данная шкала. При этом предполагается, что различия между категориями одинаковы. Поэтому сама процедура была названа методом «очевидно, равных интервалов».
3. Оценивается шкальная цена каждого высказывания и степень согласованности экспертов в оценке. Для этого подсчитывается процент экспертов, отнесших высказывание к каждой категории, и данные представляются в виде графика. Для оценки согласованности экспертов оценивают численно различие между 25 и 75 процентилями.
4. Из исходного набора утверждений отбираются 20–30 высказываний, по 2 для каждой категории, в отношении которых эксперты проявили максимальное согласие. Если подходящих высказываний много, то можно составить две шкалы (форма А и Б). Кроме того, необходимо проверить внутреннюю согласованность суждений. Для этого экспертов просят также отметить те утверждения, с которыми они согласны. После проведения специаль-

ной статистической процедуры, находят согласованные утверждения, которые не включают в шкалу.

> Одно из первых исследований Терстоуна (1929) было направлено на изучение отношение к церкви. На первом этапе было собрано большое число высказываний о церкви. Эти высказывания получены простым способом: различным группам людей предлагалось письменно изложить свое мнение о церкви, также собирались высказывания из газетных статей. Этот список был дополнен высказываниями о церкви, взятыми из современной литературы.
>
> Всего было собрано 130 высказываний. В дальнейшем эксперты распределяли высказывания на 11 групп, как описано выше.
>
> При исследовании аттитюда с помощью шкалы Терстоуна, испытуемого просят отметить те утверждения, с которыми он согласен. Затем подсчитывается сумма медиальных шкальных цен отмеченных утверждений. Полученное число является показателем.

Основными недостатками анной процедуры является ее трудоемкость, а также возможность влияния установок экспертов на классификацию суждений.

Метод суммарного рейтинга, разработанный Ликертом (Likert), не требует таких больших усилий, как метод Терстоуна. Для него также не требуется классификация утверждений группой экспертов.

Ликерт предположил, что каждое утверждение является линейной функцией одного измерения аттитюда (the same attitude dimension), поэтому мы можем складывать значения. Следующее предположение, что утверждения должны быть скоррелированы друг с другом и суммарным баллом. Кроме того, в отличие от Терстоуна, он считал, что между оценками пяти интервальной шкалы могут быть разные интервалы. Например, расстояние между оценками «согласен» и «полностью согласен» может быть меньше, чем между «согласен» и «не знаю». Это говорит о том, что мы можем показать порядок расположения оценок аттитюда на континууме или расположить испытуемых в зависимости от убывания или увеличения значения, полученного в ходе опроса, но не можем оценить насколько близко или далеко расположены они друг от друга.

Процедура составления шкалы начинается с формулирования прямых и обратных утверждений. Дальше утверждения отбираются на основе ответов испытуемых, которым они предъявляют-

ся в ходе опроса. Для этого им дается задание отметить степень согласия с каждым высказыванием по пяти-интервальной шкале (от полностью согласен до полностью не согласен). Затем подсчитывается общий балл, а также проводится специальная процедура, выявляющая утверждения, не коррелирующие с суммарным баллом. Их не включают в шкалу, так как они не выявляют различий между людьми. Далее подсчитывается сумма оценок по оставшимся утверждениям, которые и составляют готовую шкалу. Желательно, чтобы в готовой шкале было приблизительно равное количество прямых и обратных утверждений, чтобы контролировать соглашательство.

Этот метод является более статистически надежным, требует меньше времени для создания, не зависит от установок экспертов. Но при этом предназначен для выборки, на которой разрабатывался и содержит множество субъективных данных.

Метод анализа шкалограмм Гутмана (Guttmann) основан на предположении, что аттитюд может быть измерен группой утверждений, расположенных строго иерархически, когда согласие с каким-либо утверждением предполагает согласие со всеми последующими утверждениями. В качестве примера можно привести четыре следующих утверждения.

1. Мне 30 лет и больше.
2. Мне 25 лет и больше.
3. Мне 20 лет и больше.
4. Мне 15 лет и больше.

Если испытуемый не соглашается с первым утверждением, но соглашается со вторым, то мы можем быть уверены, что он согласится также с 3,4.

Основной недостатком этого метода является трудность построения. Некоторые специалисты считают, что построить полностью кумулятивную шкалу просто невозможно.

Рассмотренные выше методы используются для построения шкал, измеряющих лишь один аттитюд. Метод семантического дифференциала Чарльза Осгуда (Osgood) позволяет описать систему аттитюдов по отношению к исследуемому объекту. Первоначально этот метод был разработан для исследования психологических аспектов осмысления понятия. В основе этой техники лежит предположение, что существует гипотетическое семантическое пространство с неизвестным количеством измерений, где может

быть расположено значение слова или концепта как определенная точка. В дальнейшем были открыты возможности его использования и для оценки других объектов, например личности.

Анализ данных позволяет выделить определенные измерения, которые люди используют при оценке себя и окружающего мира. Процедура их выявления состоит в следующем. Выбирается большое количество биполярных шкал, т.е. антонимических прилагательных. Испытуемые должны оценить по каждой шкале исследуемый объект, расположив его на континууме из 7 интервалов. Далее проводится факторный анализ матриц интеркорреляций, выделяющий основные пучки-факторы. В своем исследовании Charles Osgood выделил 3 независимых фактора: «оценка» (хороший – плохой, серьезный – легкомысленный), «сила» (сильный – слабый, большой – маленький) и «активность» (быстрый – медлительный, активный – пассивный). По мнению Осгуда эти факторы образуют факторное семантическое пространство, де каждый объект расположен на определенной позиции, и отражают наиболее универсальные эмоциональные реакции человека на объекты совершенно различной природы.

Но для узких классов объектов выделяются более специфические системы семантических факторов, отражающие специфические признаки этих объектов. Частные системы факторов отражают взаимодействие и переплетение аффективно-поведенческих признаков реакций человека на объект и предметные признаки самих объектов. Так, при описании людей с помощью шкал, составленных из личностных прилагательных (личностный семантический дифференциал), были выделены особые факторы «моральность» (конкретизация фактора «оценка»), «общительность» («сила») и «эмоциональная возбудимость» («активность») (А.Г. Шмелев, 1983). С помощью подобной системы шкал и факторов может производиться измерение социальных стереотипов, отношений к себе и другим. Аналогичным методом является метод контрольных списков прилагательных, где условия предъявления прилагательных и порядок оценки не заданы так однозначно, как в процедуре метода Осгуда. Это могут быть не антонимические прилагательные, а одиночные, а континуум может содержать большее или меньшее количество интервалов в зависимости от задач исследования.

Социометрия

Специфическим для социальной психологии является метод социометрии, который предназначен для изучения взаимосвязей между членами малых групп. С его помощью можно описать структуру группы на основе различия в статусе, выделить отдельные группировки, а также измерить степень сплоченности. Применяется также в тех случаях, когда необходимо исследовать социально-психологическую совместимость, сформировать благоприятный климат. Обычно испытуемому задают вопросы типа: «Кто является его близким другом?» или «С кем он предпочитает выполнять работу?» и т.д.

Для изучения ожидаемых выборов, формулируют такие вопросы: «Кто, как вы думаете, взял бы вас с собой в поход?» или «Как вы думаете, кто выбрал бы вас в свою команду на Олимпиаду?»

В зависимости от того, какой аспект отношений интересует исследователя, берется либо формальный критерий социометрического выбора, либо неформальный. В приведенных выше примерах первый вопрос касается неформальных отношений, второй – формальных.

Кроме того, сама процедура может быть, проведена в двух формах. Первый вариант – непараметрическая процедура. Испытуемому предлагают ответить на вопросы без ограничения числа выборов. Достоинством данного варианта процедуры является о, что она позволяет выявить так называемую эмоциональную экспансивность каждого члена группы, т.е. его потребность в общении. Но при увеличении числа испытуемых выборов становится так много, что их трудно представить графически и проанализировать. Другим недостатком является вероятность получения случайного выбора. При такой инструкции испытуемый может выбрать всех, что связано либо с нежеланием показать реальные отношения или с неспособностью дифференцировано воспринимать свои отношения с другими.

Второй вариант не имеет указанных выше недостатков. Параметрическая процедура предусматривает ограничение числа выборов, Для группы 22-25 человек испытуемого просят при ответе на вопрос выбрать четыре или пять кандидатур.

В очень редких случаях используют процедуру, при которой испытуемый ранжирует всех испытуемых, начиная от самой подходящей кандидатуры для ответа на поставленный вопрос до самой неподходящей.

После проведения процедуры данные заносятся в таблицу, которую называют социоматрицей. Если при проведении социометрии используется несколько критериев, то социоматрица может быть построена как для отдельных, так и для всех критериев. Кроме того, возможен вариант социометрии, когда изучаются несколько групп одновременно, тогда строится социоматрица межгрупповых выборов. Дальше на основе социоматрицы строится социограмма – схематическое представление выборов испытуемых.

Социограмма может быть произвольного вида, как удобно для графического изображения, локограммного вида, в которой члены группы расположены так, как они действительно расположены во время работы или проведения социометрии. Второй тип социограмм позволяет учесть пространственный принцип организации общения. В круговых социограммах все члены группы располагаются на окружностях. Указанные выше примеры являются коллективными социограммами. Но иногда строят индивидуальные социограммы, когда в центре расположен субъект, чьи связи исследуются. Можно, например, построить социограмму лидера, т.е. члена группы, получившего максимальное количество выборов по различным критериям.

Дальше можно подсчитать групповые и индивидуальные индексы, характеризующие специфику членов данной группы или группы в целом.

Социометрический статус: С = сумма полученных положительных выборов (n-1), где n – количество членов группы; для параметрической процедуры вместо n берется заданное число, ограничивающее выборы.

Эмоциональная экспансивность:

Е = сумма положительных и отрицательных сделанных выборов/(n-1).

Для группы можно также рассчитать групповую эмоциональную экспансивность.

EG = сумма положительных и отрицательных выборов, сделанных всеми членами группы/n.

Индекс сплоченности группы:

GG = сумма взаимных положительных выборов/(1/2*n*(n-1)).

Индекс конфликтности группы:

YG = сумма взаимных отрицательных выборов/(1/2*n*(n-1)).

Разновидность социометрического метода является аутосоциометрический метод. При этом испытуемые не просто высказывают отношения к отдельным членам своей группы, но сами представляют всю структуры группы в целом и свое место в ней. При проведении этой процедуры испытуемым предлагается построить социограмму, где будут расположены все участники группы с учетом взаимоотношений и выборов. На социограмме испытуемый располагает и себя самого. Для школьников и младших школьников можно используется упрощенные варианты. Во-первых, они заполняют круговую диаграмму, во-вторых, можно провести в виде игры – задания на социальное наблюдение. Дается инструкция типа: «Если бы вы стали учителем, то должны были бы представлять, как члены вашего класса относятся друг к другу. Давайте посмотрим, как то у вас получится». Метод аутосоциометрии позволяет решать следующие задачи. Например, можно путем сравнения реальных и ожидаемых выборов оценить наблюдательность, способность осознавать отношения. Можно описать социальные установки, т.е. стремления приписывать высокие либо низкие социальные статусы членам группы.

Репертуарные решетки

В отдельную группу мы выделяем специфические методы, имеющие собственную специфику. Это репертуарные решетки Kelly, проективные методы и дискурсный анализ.

Очень похож на описанный выше метод семантического дифференциала тест репертуарных решеток был разработан Джорджем Келли (G. Kelly). Если в методе Осгуда испытуемому предъявляется готовый список прилагательных, то в репертуарном тесте испытуемый формулирует их сам. Причем, по Келли, это не только биполярные прилагательные, это противоположные отношения или способы действия, и более того, это конструкты, созданные и используемые индивидуально каждым человеком для оценки окружающего мира. Конструкт – это не просто дискретная оппозиция, как правило, это более или менее дробная шкала. Кон-

структы выполняют две функции: установление сходства и противопоставления. Конструкты – это не изолированные образования. Они взаимодействуют друг с другом, образуя систему конструктов, обладающую свойствами, которых нет у отдельных конструктов. Так как Келли предполагает, что личностные процессы реализуются теми же способами, которыми человек прогнозирует и оценивает окружающий мир, то предполагается, что при помощи репертуарного теста мы можем охарактеризовать личность испытуемого. Опишем процедуру проведения репертуарного теста, и тогда легче будет понять, что предположил Келли.

Вначале необходимо выявить элементы, для которых впоследствии испытуемых будет формулировать конструкты. Чаще всего они задаются в виде ролей, к которым исследуемый подбирает реальных людей. Если исследуются межличностные отношения, то необходимо сформулировать роли таким образом, чтобы они описали все возможные отношения. В качестве элементов могут выступать не только люди, но и объекты окружающего мира. После того, как сформулированы конструкты, можно перейти к выявлению конструктов. Существует множество методов для выявления конструктов, но самым распространенным является метод триад или метод минимального контекста. Элементы предъявляются тройками, и испытуемому необходимо ответить, чем два из них сходны между собой. После этого испытуемого просят указать, чем третий отличается от них. Здесь не просто подбирается, антоним к уже указанному признаку. По теории Келли у каждого испытуемого свой взгляд на противоположности, поэтому и необходимо выявлять конструкты в два этапа. Если конструкты не ясны или повторяются необходимо задать дополнительные вопросы. Далее данные заносятся в таблицу.

конструкты	элементы							
	1	2	3		...			n
1								
2								
3								
...								
N								

Дальше возможны различные варианты заполнения репертуарной решетки. Наиболее распространенной является ранговая решетка, когда испытуемого просят проранжировать все объекты, в зависимости от того, насколько выражен данный конструкт у элементов.

Оценочная решетка, предусматривает оценку каждого элемента по определенной шкале, например от 1 до 5. Более сложными видами репертуарных решеток являются импликативная решетка и решетка, измеряющая сопротивление изменениям.

После того как решетка заполнена, для ее анализа используются статистические методы, в большинстве случаев факторный и кластерный анализ матриц интеркорреляций между конструктами.

На основании полученных данных делается качественный анализ данных. Исследуется целостная система конструктов, схожая с семантическим пространством, описаны Осгудом. Основное отличие, что оно является индивидуальным и специфическим для каждого испытуемого. В этом пространстве можно выделить общие конструкты, включающие целые системы конструктов. Их называют субординантными конструктами. Кроме того, можно оценить связь между конструктами и посмотреть является ли система монолитной, или в ней выделяются отдельные подсистемы: связанные или раздробленные. Можно выделить конструкты не жестко связанные с друг другом, допускающие в зависимости от контекста множество вариантов конкретных связей. Кроме того, можно оценить когнитивную сложность каждого человека, т.е. насколько дифференцированно он описывает окружающий мир.

В социальной психологии используют репертуарные конструкты, когда изучают взаимоотношения в группе. В качестве примера можно привести исследование конформности у детей. Для этого среди конструктов ввели конструкт – «Идеальное Я». Если корреляция между конструктами «Идеальное Я» и «упрямый» высока, то это расценивалось как конформизм по отношению к сверстникам. Если корреляция между «Идеальным Я» и «послушный» то конформизм по отношению к взрослым. При исследовании групп для всех составляют одинаковые элементы и конструкты, затем сравнивают матрицы между собой. Системы конструктов друзей сходны, кроме того, наблюдается переоценка похожести.

Тест личностных конструктов позволяет диагностировать организацию и содержание субъективного семантического пространства на материале собственного словаря. Однако с указанным

достоинством методики личностных конструктов связан и его недостаток. Процедура формулирования конструктов требует достаточно высокого уровня развития вербального интеллекта и способности испытуемого подвергать свой опыт взаимодействия с объектами интроспективному анализу. Указанные недостатки снимаются, если используются большие списки прилагательных, составленных на основе тезаурусов – семантических словарей для определенных областей лексики. Достоинством является возможность проверить достоверность, если включить элемент «Я-концепции».

Дискурсный анализ

Прежде всего, необходимо уточнить, так как сами авторы не раз это подчеркивали, что дискурсный анализ это не просто метод, обладающий определенной спецификой, это направление, которое выступает с критикой традиционных методов психологии. Доказывает невозможность использования их для изучения психических явлений, прежде всего, в связи с уводом предмета исследования от живых, жизненных аспектов человеческого бытия, посредством отождествления объектов живой и неживой природы. Сосредотачиваясь на проблематике порождения человеком значений объектов окружающего мира, представители дискурсной психологии сосредотачиваются на анализе своеобразия процесса интерпретации социальной реальности, представленной в различного роста описаниях или текстах. Интерпретационная направленность дискурсного анализа, его ориентированность на использование качественных методов анализа «жизненных текстов» – дневников, статей, писем видео и аудиозаписей поведения связана, прежде всего с попытками «оживления» психологии.

В наиболее общем рабочем определении *дискурс представляет собой систему утверждений, конструирующих объект* (Parker, 1994: 5). Однако это рабочее определение предполагает ряд уточнений. Так, Potter и Wetherell (1987) выделяя десять стадий или условий анализа дискурса, подчеркивают, отсутствие какого-либо строго последовательного системного аналитического метода.

Рассматривая язык как действие, а не как некую богом или культурой данную репрезентацию, Поттер (Potter) и Везерелл (Wetherell) утверждают, что аттитюды, стереотипы, эмоции и все другие психологические явления не являются имплицитными для

человека, а создаются в процессе дискурса. Что люди обычно делают, когда они думают или принимают решение об объектах окружающего мира или происходящем в нем? Они вовлекаются в рассуждения с другими людьми или в диалоги с самими собой, в процессе которых и выводят соответствующие представления и оценки. Психологические феномены, будучи обусловленными социальной и коллективной жизнью, по мнению Поттера и Везерелл, порождаются в актах социального взаимодействия, и ошибочно думать об них имплицитности.

Отличительной особенностью дискурсного подхода является признание того факта, что психологические феномены обладают общественной и коллективной реальностью. Эрика Бурман (E. Burman) и Ян Паркер (Ian Parker) [1993]подчеркивают, что язык организуясь в дискурсы, начинает обладать собственным влиянием в отношении способа переживания людьми, в том числе и психологами, окружающего мира и взаимодействия с им. Именно язык включает большинство базовых категорий, используемых для понимания людьми самих себя; эмоционально влияя на действия мужчин и женщин и репродуцируя пути определения собственной культурной идентичности. Когда мы говорим о любом феномене, мы оперируем разделяемыми значениями и их паттернами. Эти реальные разделяемые значения представлены в сознании в форме словесных описаний, которые наделяются субъективно уникальным, индивидуальным своеобразием и определяющим, в конечном итоге, характер интерпретации объектов. Если в сознании объекты представлены в форме словесных описаний, то постижение смыслов, которыми оперирует человек в своем взаимодействии с миром становится возможным только посредством выяснения особенностей их формирования. Отсюда ориентация представителей дискурсного подхода на анализ текстов. Представляющих эти описания и схватывания логики создания и развития данных текстов в рассуждениях с самим собой и другими людьми.

Традиционные психологические методы, по мнению представителей дискурсной психологии, не могут схватить семантические процессы, происходящие в языке реальной жизни и представленные не как статичные фиксации неизменные смыслов, а как творение этих взаимно разделяемых смыслов в постоянном взаимодействии и изменении. Именно схватывание языка как действия и составляет основную отличительную особенность дискурсной психологии. Это схватывание становится возможным лишь при

условии допущения целесообразности рассмотрения проявлений социальной жизни как текстов, к которым могут быть применены инструменты дискурсного анализа.

Мойа (Moir, 1979) наглядно показал, как дискурс может оправдывать и опровергать одну и ту же мысль. Мысль об объекте является ситуативным срезом дискурса, но именно моментальным, в терминологии James, срезом, значение же мысли, ее содержание будет бесконечно меняться в последующих моментальностях, т.е. оно процессуально по своей природе. Его вывод состоит в том, что феномен личности является функцией дискурса и может меняться только в нем.

Виддиком (Widdicombe, 1987) считает, что напрасно социальные психологи стараются найти социальные факторы или когнитивные схемы, которые «вызывают» возникновение чувства социальной идентичности, т.к. идентичность складывается и развивается в дискурсе.

Приоритетность дискурса обусловливает становление в качестве основного объекта исследования языка. Язык, по мнению представителей дискурсного подхода, организован в дискурсы (некоторые называют их репертуарами репрезентаций), направляющие поведение людей. Язык содержит основные категории, используемые людьми для самопонимания.

«Дискурс, – по утверждению Яна Паркера (I. Parker) – это система утверждений, которая конструирует объект»(1992). Анализируя формирование дискурса, Паркер пытается нарисовать целостную, последовательную систему постижения исследователем смыслопорождений объектов. Этот анализ включает семь условий, постижения дискурса, дополняя их еще тремя, связанными с влиянием социальных институтов, отношений власти и идеологии.

1. **Дискурс реализован в тексте**. Исследование объекта есть исследование текстов, которые подлежат описанию и материализации в словах, а так же исследование мыслей, значений, которые порождают тексты с помощью свободных ассоциаций. В этом случае становится возможным более общее определение дискурса – как лингвистического утверждения более высокого уровня по сравнению с предложением, которое актуализируется в и при помощи текстов. Дискурсы определяются не грамматикой, а социальными отношениями, которые они в себе содержат, мнением, которое зарождается внутри них и т.д. Дискурсный анализ, таким образом, совершение двух первых предварительных шагов:

Обращение с исследуемым объектом как с текстом, представленным в словах.

Изучение коннотаций при посредстве свободных ассоциаций, что лучше совершать вместе с другими людьми.

Дискурс всегда связан с объектами. Он содержит в себе объекты, и, кроме того, дискурсный анализ это исследование дискурса как объекта. Анализ с необходимостью включает некоторую степень объектификации, причем в дискурсном анализе представлены два его слоя. К первому слою относится анализируемая дискурсом реальность. Дискурсы являют собой ряд значений, конституирующих объект и в то же время они являются практикой репрезентирования. Таким образом, дискурс конструирует репрезентации мира.

Второй пласт реальности представляет дискурс сам по себе, представляющий ряд утверждений об этой реальности. Таким образом, являясь дискурсом об объекте, дискурс становится объектом дискурса. Говоря об объекте мы пытаемся описать его и говоря об описании нами объекта мы так же осуществляем дискурс. Изложенное обусловливает совершение третьего и четвертого шагов анализа:

Определение объектов и их описание.

Рассуждения о рассуждениях. как объекте дискурса.

2. **Дискурс содержит субъекты**. Объект, к которым относится дискурс может иметь независимую реальность за пределами дискурса, но приобретает новую реальность в дискурсе. Это относится и к субъекту, который говорит, пишет, слышит или читает дискурсы. Поэтому следующий этап дискурсного анализа предполагает совершение пятого и шестого шагов:
   I. Определение специфики или типологии людей, о которых говорится в дискурсе, некоторые из которых могут быть идентифицированы как объекты.
   II. Рассуждая о том, что может быть представлено в дискурсе должно быть дополнено идентификацией с людьми, осуществляющими дискурс.
3. **Дискурс представляет связанную систему значений**. Метафоры, образы и аналогии изображенные в дискурсе о реальности должны быть сконцентрированы в утвер-

ждения о реальности. Только в этом случае можно говорить о дискурсе, как «любой регулируемой системе утверждений (Parker, 1992). В логике рассуждений Фуко (Foucault), утверждения в дискурсе могут быть сгруппированы в определенной последовательности по степени их отношения к определенной теме. Мы используем доступное в нашей культуре понимание того, что представляет собой данная тема или вопрос, понимая, что существуют различные культуры, представляющие различные уклоны дискурса, ранжирующиеся от способствующих до противостоящих дискурсу. Все это делает неизбежным рассмотрение проблемы репертуара интерпретаций, понятия, введенного Potter и Wetherell (1987: 149). Репертуар интерпретаций опровергает саму возможность существования однозначных трактовок объектов, что сразу же вызывает оппозицию со стороны поведенческой и экспериментальной психологии. Изложенное предполагает переход к седьмому и восьмому шагу анализа:

III. Очерчивание образа мира, рисуемого дискурсом.

IV. Работа над тем, как текст, использующий данный дискурс, может преодолевать терминологические возражения.

5. **Дискурс соотносится с дискурсами**. Дискурсы проникают, вызывают и предполагают другие дискурсы, в той степени, в которой противоречия внутри дискурса приводят к формированию вопроса о возможности существования иных дискурсов. Сама возможность существования этих других дискурсов предполагает их множественную трактовку. Следовательно, анализ должен включать девятый и десятый шаги:

IX. Установление противоположных образов говорения, дискурсов друг относительно друга и рассмотрение различных объектов, составляемых ими.

X. Идентификация точек пересечения дискурсов различных объектов, т.е. выделение сходства их представленности в дискурсах.

6. **Дискурс отражает свой собственный способ говорения**. Не каждый текст отражает выбранные понятия и не каждый говорящий осознает, какой язык он использует. Тем не менее, условия, применяемые к каждому дискурсу, взятому как целое, предполагает возможность нахождения образцов комментирования выбранных терминов, предоставляющих возможность понимания дискурса как целого. С этого момента собственно и формируется дискурс, отражающий свой собственный способ говорения. Возможность рефлексии может быть представлена в самых не значительных и незаметных проявлениях. Что ставит вопрос об интуиции исследователя, позволяющей прочувствовать целостность дискурса. Нахождение точки схватывания дискурса и представляет основную задачу исследователя. С этого момента осуществляется переход к одиннадцатому и двенадцатому шагам дискурсного анализа:

    XI. Ссылки на другие тексты для разработки того, как осуществляется дискурс, часто имплицитно, и адресование его различным аудиториям.

    XII. Отражение терминов используемых для описания дискурса, вопросов, включающих моральный и политический выбор как часть анализа.

5. **Дискурс исторически локализован**. Дискурс не является статичным, поэтому проследить, при каких обстоятельствах он возник. Для дискурсных аналитиков структура и силы отдельного дискурса могут быть описаны посредством других примеров его проявления и объяснения их происхождения. Понимание дискурса становится возможным в наиболее полном виде только через прослеживание истории его развития. Это предполагает совершение тринадцатого и четырнадцатого шагов:

    XIII. Рассмотрение того, как существует дискурс.

    XIV. Описание того, как он изменяется, рассуждение о том, как осуществляется открытие происходящего.

Паркер, в своем анализе специфики дискурса, добавляет еще несколько аспектов:

6. **Дискурс поддерживает определенные институты**. Наиболее интересными являются дискурсы, вплетенные некоторым образов в структуру институтов. Контекст институтов определяет переход к пятнадцатому и шестнадцатому шагам:
   - XV. Идентификация институтов, подкрепляющихся использованием того или иного дискурса.
   - XVI. Идентификация институтов, подвергаемых нападкам со стороны тех или иных дискурсов
7. **Дискурсы воспроизводит отношения власти**. Институты сами по себе структурируются и репродуцируют отношения власти. Дискурс часто воспроизводит отношения власти, но это отнюдь не означает отождествления дискурса и власти. Последующие шаги анализа должны предполагать:
   - XVII. Рассмотрение того, в каких категориях личность находит и теряет производство дискурса.
   - XVIII. Идентификация институтов, подвергаемых атакам и подрыву при появлении того или иного дискурса.
8. **Дискурс обладает идеологическими эффектами**. Любой дискурс являет собой отражение той или иной идеологии. Более того, представленность дискурса в системе представлений субъекта. Обусловливает его идеологичность. В то же время мы должны рассматривать идеологию как описание взаимоотношений и влияний, имеющих место в определенный исторический период. Если дискурсный анализ содержит информацию об описаниях институтов, власти и идеологии, история дискурса становится более значимой. Заключительными шагами дискурсного анализа будут:
   - XIX. Показ того, как дискурс связывается с другими дискурсами, санкционирующими подавление.

XX. Показ того, как дискурсы предоставляют возможность доминирующим группам формулировать свои нарративы о прошлом в порядке прояснения настоящего

Основная задача дискурсного анализа – это анализ диалогов, выделение основных аналитических единиц, для того чтобы показать, как в процессе дискурса создается определенный объект или находится определенное решение.

Манкнахтен (Mancnaghten, 1992) с помощью дискурсного анализа провел исследование понятия природы и показал, как оно создается в процессе рассуждений. Дискурсный анализ проводился на основе материалов, полученных в ходе обсуждения решения вопроса о том, стоит ли производить разработку площадки на окраине города. Были собраны отрывки из газет, записи общественных собраний и представителей компании, которая планировала заняться строительством на этом месте. Вначале в тексте были выделены различные понятия или конструкции природы. То, что различные понимания встречаются находится в прямом противоречии с предположением существующих психологических исследований, что природа существует как единство, и в основном определяется как «что-то дикое». Выделены следующие конструкции «природы»: природа это место, которого не коснулась рука человека; природа как пассивная зрительная гармония; природа как зрительная гармония деятельностей (правильного использования человеком); природа как экологический баланс. Затем дается попытка показать, как эти конструкции используются как аргументативные стратегии. Одни стратегии направлены на понимание понятия» природа», другие решают вопрос, можно ли рассматривать данный случай как пример определенного понимания природы.

Третья цель показать, как различные конструкции природы связаны с различными узаконенными реальностями. Здесь идея заключается в том, что язык продуцирует социальную реальность, так же как и описывает ее. В этом анализе использование различных конструкций природы соотнесено с тем, что они узаконивают в терминах человеческих отношений и использования.

И, наконец, последней целью является рассмотрение отношений между аргументативными стратегиями и полученным результатом – окончательным выводом инспектора. Показано, что основным стало рассмотрение природы как пассивной, зрительной гармонии, но при этом сыграли свою роль и другие конструкции,

что и привело к тому, что предложение о реконструкции участка было отклонено.

Критика дискурсного анализа исходит как из чисто теоретических и философских взглядов, так и практических возможностей. Естественно, что в качестве критических выдвигались традиционные вопросы, касающиеся валидности, надежности, субъективности исследователя и т.д. Химан (Hyman, 1992) исследуя возможное влияние схемы и индивидуальных особенностей исследователя, приходит к выводу, что дискурсный анализ в конечном итоге может оказаться «исследовательскими идеями с примерами» и ничем большим.

Сравнительные исследования

Самым последним вопросом является рассмотрение способов организации исследования. Выделяют следующие виды: *лонгитюдные исследования, метод продольных срезов* и *сравнительные исследования*.

Лонгитюдное исследование предполагает изучение одних и тех же испытуемых на протяжении долгого времени. Обычно изучается одна группа; иногда используют также контрольную группу, если первая получает какое-то воздействие, и необходимо доказать, что именно оно приводит к определенным последствиям. В лонгитюдном исследованиях Кагана (1980), используется контрольная группа. Он показал, что дети, которые находятся в детском саду всю неделю, за исключением выходных, развиваются не хуже, чем дети, постоянно находящиеся со своими родителями.

Известными примерами являются исследование Ерон (Eron, 1972), который нашел, что существует корреляция между более продолжительным просмотром программ, связанных с насилием в девятилетнем возрасте, и уровнем агрессивности в девятнадцатилетнем возрасте.

Если используется небольшая по размеру группа, то обобщение на целую популяцию является сомнительным, поэтому необходимо использовать большую выборку или повторить исследование. Кроме ого, лонгитюдное исследование очень дорогое, обычно берется небольшое количество детей, многие из которых не смогут по объективным причинам продолжить дальнейшее участие в эксперименте. И тогда оставшаяся выборка будет нерепрезента-

тивной. Кроме того события одной эры, такие как война, массовая безработица, могут оказать специфический эффект на исследуемое поколение.

Данные лонгитюдного и кросс-культурного (описанного ниже) методов могут быть объяснены при помощи многих сопутствующих переменных, связанных с развитием ребенка. Например, на трудный вопрос ребенку девяти лет ответить гораздо проще, чем семилетнему. А мы можем сделать неверный вывод, что младшие дети не обладают определенным знаниями для ответа на поставленный вопрос. Поэтому используется специфическая схема проведения исследования, объединяющая оба метода. Она используется для сравнения возрастов. Например, три группы детей в возрасте 13–, 15– и 17– лет изучаются на протяжении двух лет. Тогда мы сразу сможем изучить возрастные изменения в возрастном промежутке от 13 до 19 лет всего лишь за два года. Примером является исследование Хейлидей (Halliday) и Лесли (Leslie) [1986], изучавшие общение матери с ребенком с детьми в возрасте от 9 до 29 месяцев в начале и до возраста 15-36 месяцев в конце, поэтому исследуемый возраст от 9 до 36 месяцев был изучен за шесть месяцев.

Таблица 20. Достоинства и недостатки методов поперечных и продольных срезов

Метод поперечных срезов	Метод продольных срезов (лонгитюд)
Достоинства	
Группы исследуются в одно и то же время, поэтому нет проблемы связанной с поколениями.	Можно оценить развитие отдельных исследуемых
Ограниченное число людей не может продолжать участие в исследовании	Нет вариаций между группами.
Относительно недорого и меньше затрат времени, поэтому подтверждение или изменение теорий происходит гораздо быстрее.	Полезен, когда используется контрольная группа

Ограничения	
Неэквивалентные группы могут стать причиной различий. Если различия в возрасте большие, то это может стать побочной переменной. Не дает информации о развитии отдельных представителей.	Выборка небольшая и многие могут выбыть из исследования. Необходимо много времени. Относительно дорог. Если сравниваются разные поколения, то проблема поколения.

Второй тип исследований называется **методом поперечных срезов**. Основная цель обычно заключается в изучении возрастных изменений, выявлении основных стадий, а также для оценки эффекта воздействия через какой-то промежуток времени. При этом обычно создаются группы различных возрастов и сравниваются в один и тот же момент времени. В качестве примера можно привести исследование Колберга (Colberg, 1981), разработавшего теорию нравственного развития детей. В своем эксперименте он сравнивал рассуждения десяти-, тринадцати шестнадцатилетних детей при решении нравственных дилемм. Основным недостатком метода поперечных срезов является сравнимость выборок, что является проблемой для многих исследований, где используются независимые выборки. Мы не можем быть уверены, что группы абсолютно одинаковы. Лонгитюдные исследования снимают эту трудность, так как используется одна и та же выборка. При этом если временной интервал не велик, основные точки изменения могут быть идентифицированы.

Кросс культурные исследования

Исследования представителей различных культур называются кросс-культурными. Часто психологи, проверяющие закономерности развития на представителях одной культуры, хотят понять является ли это универсальной закономерностью и тогда используется этот метод. Кросс-культурные исследования сравнивают выборки из двух или более культур по определенной психологической переменной. Различия обычно объясняются или различными усло-

виями социализации или генетическими факторами. Но большинство современных исследований выбирают именно социальные факторы в качестве возможной причины. Исследования, проведенные в начале двадцатого века, в основном были направлены на изучение неразвитых культур и общества описывались как примитивные.

Обычно психологи тестировали членов таких обществ на зрительные иллюзии и задачи счета. Основное внимание уделялось тому, что отсутствует, и исследования включали определенную долю этноцентризма. Западные психологи, которые приветствовали друг друга рукопожатием и прямым взглядом друг другу в глаза, были склонны описывать приветствия, используемые в рамках других культур (например, наклон головы без контакта глазами) как отличающиеся от нормы. В данном случае имеет место этноцентрическое описание, в котором интерпретация основана на сравнении изученного поведения с собственным, взятым в качестве нормы или эталона, выступающих в качестве исходной системы координат. Этноцентризм обычно приводит к неверным интерпретациям поведения. В Мозамбике детей попросили выполнить тест «Рисунок человека», обычный проективный тест. Их мелкие рисунки в углу листа были интерпретированы как плохое само-представление мозамбикских детей, вызванное вековой колонизацией со стороны Португалии, несмотря на то, что исследование проводилось, когда страна уже стала независимой. А вызвано это было строгой инструкцией не тратить зря бумагу в тяжелое для страны время.

Нисбетт (Nisbet, 1971) утверждал, что кросс-культурный метод – это лишь замаскированный наукообразный способ обоснования расположенности европейские культуры на вершине иерархии. Кемпбелл утверждал, что некоторая преодоление этноцентризма может быть достигнуто при использовании схемы, когда исследователь из культуры А изучает культуры А и В (общая схема кросс-культурных исследований), а исследователь из культуры В также изучает культуры А и В.

Работы, не имеющие этноцентрической окраски можно найти у социальных антропологов, проводящих интенсивные включенные наблюдения в исследуемых культурах на протяжении длительного периода времени. Они изучают эти культуры вне сравнения со стандартами западной культуры, акцентируясь на изучении местных традиций, норм, табу и специфике социального взаимодействия.

Классическим примером являются исследования Маргарет Мид (M. Mead) девочек подростков Самоа, различия в ролевом поведении в Новой Гвинее. Рут Бенедикт (R. Benedict, 1934) использовала термин «культурная относительность» для обоснования необходимости понимания индивидуального поведения в данной культуре посредством включения рефлексии мировоззрения и собственной культуры исследователя.

На этот момент указывают многие психологи, считая, что зависимые и независимые переменные в строго контролируемых исследованиях трудно или невозможно сравнить из-за культурных различий.

Количество кросс-культурных исследований возросло в конце 60-х годов. Современные исследования не имеют такой доли этноцентризма как раньше. Например, стадии морального развития по Колбергу были изучены в Тайване, Турции, Мексике, Индии и Кении, где были получены сходные результаты. Но современные исследования Миллера и др.(1990) показывают, что теория Колберга не совсем верна. Например, он нашел, что в Индии в основном при решении нравственных проблем используют понятие социальных обязанностей, в то время как американцы более индивидуалистичны и концентрируются на правах человека.

Ма (1988) нашел, что выборки из жителей Гонконга и Китая более альтруистичны, чем англичане.

Важной областью применения кросс-культурных исследований является приспособление к новой культуре (во время эмиграции или других объективных факторов), когда создаются специальные программы по снижению стресса от такой перемены привычных условий жизни.

Исследование может быть кросс-культурным, лонгитюдным или использующим метод поперечных срезов и при этом либо экспериментальным, либо нет. Но в большинстве своем это не экспериментальные исследования, а исследования, основывающиеся на использовании метода наблюдения, адаптированных тестов, шкал и интервью. Если в качестве независимой переменной используется межкультурные различия, то используется схема ex post facto. Выборка должна быть рандомизированной, что крайне сложно осуществимо.

Таблица 21. Достоинства и недостатки традиционных кросс-культурных исследований

Достоинства	Недостатки
Может продемонстрировать общие закономерности Может показать условность культурных норм определенной страны. Богатый материал	Может подкрепить этноцентрическую позицию. Очень дорого и требует много времени. Переменные могут быть несравнимыми с культурной точки зрения. Проблема коммуникации, когда различие в терминах влияет на результаты. Не всегда культура гомогенная, включает многие народности - это может повлиять на объяснения.

В последние годы, во многом благодаря работам Харри Триандиса (Triandis, 1994) и его коллег проблема кросс-культурных исследований начала приобретать новое содержание. И, прежде всего, в связи с дифференциацией итического и имического аспектов. В случае итики речь идет об изучении общего в различных культурах, а в случае имики – культурно специфичного, уникального.

Именно имический аспект обусловил необходимость нового осмысления возможностей использования инструментов, разработанных в отношении к западной культуры к другим культурам. Причем преодоление этноцентризма в исследования было обусловлено и необходимостью отказа от традиционных позитивистских методологических оснований и господствовавшего в течении многих десятилетий, особенно в рамках бихевиористской традиции, стремления к открытию универсальных законов поведения.

Понимание сложности кросс-культурных исследований может быть проиллюстрировано на примере оценки уровня интеллекта у представителей разных культур, приводимом Triandis в одной из своих наиболее фундаментальных работ – «Культура и социальное поведение» (1994: 57-62). По его мнению, прежде чем делать

какие-либо обобщения в отношении интеллектуальных различий исследователь должен обсудить следующие моменты:

1. Две культуры могут обладать отличающимися определениями интеллекта. В некоторых культурах интеллект определяется, как «вдумчивость, точность, безошибочность», в то время как в других культурах, как «послушание старшим».
2. Инструкции могут пониматься не одним и тем же образом. Это особенно заметно в отношении культур, имеющих небольшой опыт решения задач, предъявляемого типа.
3. Уровень мотивации может быть различным. Во многих культурах любое тестирование вызывает настороженность.
4. Могут иметь место различные реакции на исследователя. Например, во многих культурах не принято раскрываться перед незнакомцем.
5. Значение тестовой ситуации может быть не одним и тем же. Как показали Бонд (Bond) и Ченг (Cheung, 1984), язык инструктирования может оказывать существенное влияние на результаты.
6. Многие люди начинают паниковать в ситуации тестирования уровня их интеллекта.
7. Во многих культурах реакции разнятся. В некоторых культурах люди отвечают только на вопросы, в ответах, на которые они абсолютно уверены, в других они склонны отвечать на любые вопросы.
8. Одни и те же образцы в разных культурах могут оказаться не эквивалентными. Существуют возрастные, половые. Региональные различия, выступающие в качестве детерминирующих факторов восприятия, а так же различия, детерминируемые языком или культурой.
9. Может быть различная этическая приемлемость используемого метода. Так в некоторых культурах женщина не имеет права на собственное мнение, отличное от мнения мужа.

Подобные отличия можно перечислять до бесконечности. Проблема заключается не в констатации различий, а в механизмах и инструментах их преодоления. В числе возможных ее решений обычно называется привлечение к исследованию конкурирующих

гипотез, выведение предложенного Триандисом (Triandis), Кашимой (Kashima), Шимадой (Shimada) и Виллареалем (Villarreal) индекса аккультурации, позволяющего учитывать реальные культурные отличия. Индекс аккультурации особенно необходим в оценках эмигрантов, проходящих процесс адаптации к новой культуре. определенную помощь может оказать и привлечение методов математической статистики, в частности, факторного анализа.

В целом, можно говорить о следующих условиях продуктивности кросс-культурных исследований:

1. Прежде чем выявлять различия между культурами необходимо определить максимально возможное количество сходств между ними. Наличие этих сходств является определенной гарантией адекватной оценки.
2. Необходима разработка исследовательских методов в отношении ко всем сравниваемым культурам с учетом их своеобразия. Для отработки исследовательских процедур полезно привлечение фокусных групп и специалистов, представляющих данную культуру. Посредством варьирования предъявления стимульного материала, уточнения его интерпретаций со стороны представителей изучаемой культуры необходимо добиваться тождества значений.
3. Культурные различия должны демонстрироваться при посредстве привлечения нескольких методов. Особенно важным является разнообразие привлекаемых методов, как оперантных, предполагающих предъявление минимума стимульного материала и получение множественных ответов, так и респондентных, наоборот, предполагающих однозначную реакцию изучаемых на стимульный материал.

При анализе полученных результатов не следует забывать и о собственной субъективности в их интерпретации и снижении влияния проекций, а так же этноцентрических и андроцентрических предубеждений. Нужно стремиться к преодолению собственной субъективности, но нельзя забывать и о том, что выбор самих проблем, теорий и методов так же находится в плену этих предубеждений.

- В заключение представляется полезным знакомство с предложенными Triandis (1994 с. 85-86) критериями квалифицированного кросс-культурного исследования:

- Исследование, включающее как можно большее количество сходств между изучаемыми культурами и лишь дополняемых различиями.
- Использующее мультиметодные и конвергирующие исследовательские процедуры.
- Не включающее взаимоисключающие гипотезы.
- Имическое измерение этических конструктов, сопровождаемое разработкой итических показателей, генерируемых для каждой культуры для схватывания итических конструктов.
- Этически проведенное исследование.
- Предполагающее учет влияния этноцентрических и андроцентрических предубеждений самого исследователя.

Феноменологическое интервью

Особое место среди методов психологического исследования занимает феноменологическое интервью, разработанное и покоящееся на теоретическом фундаменте экзистенциально-феноменологического подхода. Анализ философско-психологических оснований экзистенциально-феноменологического подхода был представлен выше (см., второй раздел четвертой главы), здесь же мы остановимся на представлении специфики методов исследований, применяемых в рамках данной традиции.

По мнению Поллио (H.R. Pollio), Хенли (T.B. Henley) и Томпсона (C.J. Thompson), основной целью феноменологического интервью является «достижение точного и значимого описания мира повседневных переживаний в их максимальном приближении к тому, как они проживаются и описываются конкретным человеком применительно к конкретной ситуации» (1997, с. 28). С точки зрения этих авторов, «психология более не может оставаться психологией третьего лица, как это принято в естественных науках, или психологией первого лица, как это было характерно для ранних интроспекционистов или представителей гештальт психологии, а должна быть свободной в выборе методов второго лица, для которых характерно избрание диалога в качестве ведущего метода. И хотя процедуры первого и третьего лица продолжают оставаться

уместными при изучении некоторых вопросов и феноменов, процедуры второго лица более подходящи для задач описания человеческих жизненных переживаний. В отличие от процедуры третьего лица, принимающей психологию незнакомца, и процедуры психологии первого лица, подходящей к человеку как отшельнику, диалогические методы обогащают и себя и других (меня и тебя), проясняя значения друг для друга в процессе установившегося диалога между ними. Диалог позволяет говорящему не только описывать свои жизненные переживания; он также требует от них прояснения значений вовлеченных других людей и, возможно, их реализации в процессе разговоров самих по себе. К своей выгоде, методы второго лица могут приводить к точной психологии, зависящей как от моей, так и от вашей удовлетворенности переживаниями некоторого события или феномена, выраженных в словах, понятных друг для друга» [там же, с. 29].

Так как целью феноменологического интервью является получение описаний первым лицом конкретной области жизненных переживаний, процесс интервьюирования начинается с вопросов, уточняющих обсуждаемую тему. Вопросы, утверждения и обобщения, используемые интервьюером, направлены на вызывание описаний, ориентированных не на подтверждение теоретической гипотезы, а фокусирование на получение максимально детализированных описаний жизненных переживаний. Интервьюер поддерживает диалог такими вопросами, как «На что это было похоже?» или «Что Вы чувствовали когда это произошло?», а также подключая вопросы самого информанта.

В феноменологическом интервью имеет место не исследование в традиционном академическом смысле, а со-исследование участвующих сторон. Задачей исследователя является экстернализация репрезентаций без каких-либо предубеждений и искажений. Как и в психоанализе, особое внимание уделяется снятию собственных проекций, направленное на максимально возможное взаимопонимание.

В контексте феноменологического интервью вопросы обладают описательной и вспомогательной функцией и ни в коей мере не направлены на оценку предсуществующих взглядов, аттитюдов или знаний. Диалог выступает скорее в качестве аспекта разговоров, нежели задавания вопросов и получения ответов. В силу поточности и последовательности диалога, интервьюер делает паузы,

задавая вопросы, казалось бы не вписывающиеся в обсуждаемую последовательность и тематику.

Одна из самых сложных задач, стоящих перед феноменологическим интервьюером является задача интерпретации огромных массивов информации, получаемой в процессе интервью. Спектр используемых средств анализа информации варьируется от контент-анализа до постпозитивистких герменевтических процедур толкования (Gadamer [1975]; Ricouer [1976]; Wachterhauser [1986] и др.).

Для эвристических целей возможно описание интерпретируемых структур в понятиях следующих контрастных пар:

Категориальный	Герменевтический
Номотетический	Идиографический
Структурный	Эмпатический
Подтверждающий	Опровергающий

Данные дихотомии отражают контрастные аспекты оцениваемой информации, фиксируя внимание исследователя на повторяющемся и уникальном, субъективном и относительно объективном и т.п.

Как уже отмечалось выше, основной целью феноменолога является описание феномена в переживаемой, а не в абстрактно описательной форме. В основании интерпретации полученных жизнеописаний или текстов лежит ряд утверждений о человеческой сущности, отражающих специфику экзистенциально-феноменологического подхода. Именно тексты жизнеописаний и отражают жизненные переживания как таковые. Применительно к ним используются два типа интерпретационных процедур: «взятие в скобки» и «герменевтический цикл».

«Взятие в скобки» или «закавычивание» направлено на приостановку влияния предшествующих представлений, предположений и предубеждений. Оно предполагает освобождение понимания от влияния возможных предубеждений и тенденциозности.

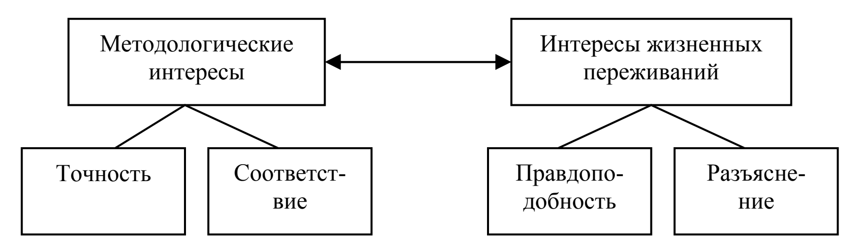
Так как «взятие в скобки» не всегда удается и влияние предустановок может сохраняться и признаваться интерпретирующим, предусматривается три возможные процедуры их преодоления. Первая предусматривает анализ исследователем причинных оснований проведения им изучения данного вопроса. Вторая процедура направлена на предоставление исследователю возможности избегания навязывания личных значений на интерпретируемое содержание, достигаемое посредством использования языка информанта, а

не абстрактного языка науки. Наконец, третья процедура предполагает интерпретацию интервью в условиях группового обсуждения. Групповое обсуждение предоставляет своеобразную групповую оценку соответствия интерпретации анализируемому тексту.

Герменевтический цикл представляет собой интерпретационную процедуру, предполагающую продолжительный процесс связывания частей текста в единую целостность. Герменевтический цикл позволяет преодолеть относительно линейную процедуру интерпретации посредством постоянного обращения к различным частям текста в попытке понимания взаимоотношений предшествующих текстов с постшествующими и т.п. Любой абзац текста всегда понимается в его взаимосвязи с целым (Kvale [1983]; Pollio, Henley, Thompson [1997]). Логика герменевтического исследования реализуется тремя путями: групповой интерпретацией, идиографической интерпретацией и номотетической интерпретацией. Функцией групповой интерпретации является ориентация как исследователя, так и группы на природе данных. Идиографическая интерпретация предполагает выяснение индивидуальных особенностей конкретного случая, описанного в тексте конкретного интервью. Наконец, номотетическая интерпретация предполагает анализ всех интервью в совокупности в контексте схватывания общего.

Наиболее уязвимым моментом феноменологического интервью является валидность в ее традиционном понимании. Джиорджи (A. Giorgy) предлагает следующее определение валидности феноменологического исследования: видение информантом того, что видит исследователь вне зависимости от того согласен или не согласен он с этим видением [1975]. Столь вольно трактуемое понятие валидности, тем не менее, вполне соотносимо с экологической валидностью, которая крайне трудно достижима при традиционном, классическом подходе. Некоторые исследователи считают, что валидность должна в конечном счете рассматриваться в понятиях беспристрастности, а не следования идеализируемой парадигме естествознания (Polkinghorne [1997]; Spence [1987]). Своеобразный компромисс представлен в следующей форме:

Схема 3. Феноменологическая концепция валидности [Pollio, Henley, Thompson, 1997, с. 55].

Для того, чтобы считаться валидным феноменологическое исследование должно соответствовать всем четырем представленным выше критериям.

В целом, феноменологическое интервью представляет собой весьма специфический метод исследования, тем не менее, обладающий весьма высоким потенциалом продуктивности применительно к изучению жизненных переживаний человека в их реальных проявлениях.

Многочертные-многметодные матрицы

Понимание ограниченности ресурсов отдельно взятых, пусть и высоконадежных, методов побудило Кемпбелла (D. Campbell) и Фиске (D. Fiske) [1959] к разработке скрупулезной процедуры обеспечения конструктной валидности исследований, предполагающих наличие ряда измерений. Наличие ряда измерений, как и привлечение к исследованию возможностей многих методов обусловлено все той же проблемой соотнесения результатов исследования с самой реальной феноменологией. Сложность этого соотнесения, как неоднократно подчеркивалось на протяжении всей работы, состоит в том, что не существует возможности не опосредованного соприкосновения с объективной реальностью, тем более такой ее производной как психическая активность. Упор же на операционализируемую часть психической активности, представленной в наблюдаемом поведении человека или его реакциях на предлагаемый стимульный материал, опять-таки, предполагает выстраивание некоторых гипотетических представлений о том, какой характер носит изучаемая психическая активность и на каких психологических механизмах она основывается.

Понимание сложности проблемы стимулирует поиск возможностей ее решения к числу классических вариантов которого построенного исключительно на посылках позитивистского подхода и относится метод многочертных-многометодных матриц., в

последующем изложении обозначаемый аббревиатурой МММ, вызывающей сложные ассоциации у отечественного читателя.

Сам метод многочертной-многометодной матрицы (МММ) исходно был разработан в качестве практической методологии решения проблем, встающих перед исследователями, пытающимися решать сложные психологические задачи, но не имеющие определенных и строгих методологических и инструментальных решений.

Для реализации подхода МММ D. Campbell D. и Fiske ввели понятия конвергентной и дискриминантной валидности. Конвергентная валидность представляет степень, в которой теоретически взаимосвязанные конструкты взаимосвязаны друг с другом в реальности. В соответствии с принципом конвергентной валидности измерение теоретически сходных конструктов должно быть высоко взаимосвязанным.

Дискриминантная валидность представляет собой степень, в которой концепты, не взаимосвязанные теоретически, являются таковыми в реальности. В соответствии с принципом дискриминантной валидности теоретически отличные конструкты не должны коррелировать друг с другом.

МММ позволяет оценить как конвергентную, так и дискриминантную валидность. В соответствии с подходом, для того чтобы доказать конструктную валидность необходимо продемонстрировать как конвергентную, так и дискриминантную валидность.

МММ представляет собой просто таблицу или матрицу корреляций, помогающих интерпретировать оценку конструктной валидности. В соответствии с подходом, исследователь должен оценивать каждый из изучаемых концептов каждым из используемых методов. По этой причине МММ относится к разряду очень ограничивающих исследователя методов, предполагающих большую по затратам времени и средств работу – в идеале каждый из используемых концептов должен исследоваться каждым из используемых методов.

Представленные в матрице корреляции группируются по диагоналям, треугольникам и блокам, отражающим результаты полученных измерений при помощи ряда методов. Комбинации установленных взаимосвязей заносятся в матрицу соответственно методам их получения и затем подвергаются интеркорреляционному анализу.

Выделяются следующие значимые интеркорреляции: значимых

- Диагональ надежности (моночертная-мономeтодная) оценивает надежность каждого из измерений матрицы. Оценка надежности может проводиться рядом образов (например, тест-ретест, внутреннее соответствие). Число корреляций должно соответствовать числу измерений.
- Диагональ валидности (моночертная-гетерометодная) представляет корреляции между измерениями одних и тех же черт разными методами. Так как МММ организована в блоки методов, то для каждого из блоков определяется одна валидность. Так как методы измеряют одну и ту же черту, предполагается, что корреляция будет строгой.
- Гетерочертный-гетерометодный треугольник представляет корреляции между измерениями, к которым применялся один и тот же метод. В данном случае речь идет о корреляции между методами, а не чертами. Если эта корреляция высока, то можно говорить о том, что присутствует выраженный фактор влияния метода на результаты исследования.
- Гетерочертный-гетерометодный треугольник представляет те корреляции, которые отличаются как по методу, так и по чертам. Так как они не относятся ни к методам, ни к чертам предполагается, что они будут наименьшими в матрице.
- Монометодные блоки включают все корреляции, которые относятся к одному исследовательскому методу измерений.
- Гетерометодные блоки состоят из корреляций, не относящихся к одним методам.

После идентификации различных частей МММ начинается процесс интерпретации. В случае соблюдения принципов или правил МММ в полученных результатах исследования можно вести речь о конструктной валидности. К числу этих принципов относятся:

- Коэффициенты диагонали надежности должны быть последовательно самыми высокими в матрице. Черты должны коррелировать максимально друг с другом и ни с чем больше.

- Коэффициенты диагонали валидности должны значимо отличаться от нулевого уровня и быть достаточно высокими для гарантии результативности дальнейших исследований. Это особенно важно для конвергентной валидности.
- Коэффициент валидности должен быть выше по сравнению с другими, представленными в его столбце и ниже по сравнению гетерочертным-гетерометодным треугольником.
- Коэффициент валидности должен выше по сравнению со всеми другими коэффициентами в гетерочертном-монометодном треугольнике
- Во всех треугольниках должны присутствовать одни и те же паттерны взаимоотношений черт.

Основная идея МММ заключается в предоставлении операциональной методологии для оценки конструктной валидности. В рамках одной матрицы присутствует возможность одновременной проверки и конвергентной и дискриминантной валидности. Кемпбелл и Фиске акцентировали внимание на необходимости четкого определения влияния того как мы измеряем на то, что мы измеряем. И в этом смысле МММ представляет собой строгую структуру оценки конструктной валидности.

Однако МММ не получил широкого распространения в исследовательской практике. Первое, и прежде всего, по причине того, что он требует полностью пересекающейся организации измерений – каждая черта должна измеряться каждым методом. Акценты делаются именно на возможности множественных повторений оценки одних и тех же черт различными методами. Это условие делает практически невозможным использование МММ по отношению к социальной феноменологии. Второе, основанность на принятии решений создает сложности для его распространения, особенно, для тех исследований, которые предполагают проверку конструктной валидности посредством проверки отдельных или единственных статистических коэффициентов. Третье, эта же основанность на принятии решений может приводить к тому, что различные исследователи могут легитимно приходить к существенно отличающимся решениям. Четвертое, строгая структурированность и проверяемость взаимосвязанности и взаимозависимости используемых методов в их адекватности по отношению к изучаемому предполагает обязательную операционализируемость концептов,

что создает дополнительные сложности по отношению классу явлений, связанных с феноменологией социального бытия личности ее окружения.

Безусловно, предложенный подход являет собой абсолютно идеальную модель обеспечения конструктной валидности результатов исследования. Правда, обладающую весьма существенным уязвимым аспектом. Позволяя определиться в таких важных аспектах как повторяемость подтверждений выявленных закономерностей и характеристик, их свободе от влияния фактора метода, он не решает самого главного – доказательности подлинной соотнесенности измеряемого с реальным (что и предполагается конструктной валидностью), т.к. нет самой возможности измерить непосредственно эту реальность наличными инструментами и средствами. Можно вести речь только о некоторой гипотетической соотнесенности, да и то лишь проводя сомнительную с точки зрения уместности аналогию с достижениями естествознания, в частности, биологии. Человек же, являясь существом биосоциальным, вряд ли описываем при посредстве этой аналогии, т.к. невозможно даже гипотетическое отчленение биологического от социального и наоборот.

Sensemaking

Термин Sensemaking дословно переводится как формирование смысла, значения объекта. Исходно данное понятие предполагает наличие активного субъекта, создающего разумные, имеющие смысл события, которые структурируют неизвестное. Исследователя, изучающего формирование смысла интересуют следующие вопросы: Как люди конструируют то, что они конструируют, для чего и насколько эфективно.

Исследователи, изучающие sensemaking по разному определяют это понятие. Ряд авторов (R.L.M. Dunbar, 1981); W.H. Starbuck и F. Milliken, 1988) определяют sensemaking как помещение стимулов в некую структуру. Включение стимулов в имеющуюся структуру позволяет людям «понимать, объяснять, атрибутировать, делать предположения и предсказания» (Starbuck, Milliken, 1988). К примеру, люди используют следующую стратегию, имеющую вид структуры, включающей поступление, производство, синтез, манипулирование и распространение информации таким образом, чтобы

обеспечить формирование значения, цели и направления для организации» (Westly, 1990). М. Луис (M. Louis, 1980) считает, что sensemaking – это мыслительный процесс, который с помощью размышлений о прошлом объясняет неизвестное.

Sensemaking можно рассматривать как повторяющийся цикл, охватывающий последовательность событий, происходящих в течение какого-то периода времени. Этот цикл начинается с индивидуально сформированных осознанных и неосознанных предчувствий, антиципаций и предположений, которые выступают как предсказатели будущих событий. Далее индивид последовательно переживает некие события, которые не всегда соответствуют предсказаниям. Несоответствующие события или неожиданности вызывают потребность в их объяснении или постдикции и соответственно продуцируют процесс интерпретации неожиданностей. Интерпретация заключается в том, что неожиданностям приписываются значения. Необходимо отметить, что значение присваивается неизвестному в основном в результате процесса формирования смысла (Sensemaking), а не восприятия и определения различий. Поэтому понять особенности формирования смыслов означает одновременно понимание того, как люди справляются с возникающими перед ними при решении той или иной задачи препятствиями.

Томас с соавторами (J. Thomas, S.M. Clark и D.A. Gioja, 1993) описывают sensemaking как обоюдное взаимодействие потребности в информации, приписывания значения и действия, что предполагает включенность таких процедур как изучение окружающей реальности, интерпретацию и ассоциативные ответы. Сакман (M.S. Sackman, 1991) говорит о sensemaking как о механизмах, которые используются членами организации, чтобы приписывать значения событиям, механизмах, которые «включают стандарты и правила для восприятия, объяснения и действия, обычно используемые в данной культурной среде».

В то время как Томас и Сакман упоминают «действия» в связи с процессом формирования смысла, Фельдман (M.S. Feldman, 1989) настаивает на том, что часто sensemaking: «не заканчивается действием. Формирование смысла может закончиться пониманием того, что действие в данном случае невозможно, или, что необходимо лучшее понимание ситуации. Включиться в sensemaking, значит строить, ограничивать, создавать факты, переделывать субъективное в нечто более ощутимое.

Бренда Дервин (B. Dervin) определяет sensemaking как «ряд выводов и предположений, а также ряд методов, разработанных для изучения процесса формирования смыслов в повседневной жизни людей» [1992]. Прежде всего, и более всего, это ряд метатеоретических и предположений о природе информации, природе ее использования человеком, природы межличностной коммуникации. Некоторые из этих предположений принимаются как аксиомы, другие выводятся дедуктивно. К числу этих выводов и предположений относятся: положение о пространственно-временной континуальности между реальностью и органами чувств человека; между человеком и культурой, между человеком и социальными институтами; между институтами; между народами и т.п.

В рамках подхода осуществляется попытка изучения того, как концептуализируется информация. При этом информация не рассматривается как нечто находящееся вне человека и существующее независимо от него. Учитывая то, что в каждый момент времени человек не обладает исчерпывающей информацией, констатируется наличие информационных пробелов, заполнение которых и изучается в рамках sensemaking.

Формирование смысла подразумевает реальность, обретающую форму в результате ретроспективного формирования смысла ситуаций, в которых люди себя обнаруживают. Это процесс характеризуется сильным рефлексивным качеством. Люди формируют смысл вещей, наблюдая мир, в который, как им кажется, они уже погружены. Люди обнаруживают свои собственные изобретения, которые объясняют, почему sensemaking понимается как изобретение, и интерпретация понимается как открытие.

Можно выделить семь основных характеристик, которыми процесс формирования смыслов отличается от других интерпретационных процессов, таких как понимание, интерпретация, атрибутирование.

Sensemaking понимается как процесс:

основанный на конструировании идентичности;

ретроспективный;

предписанный чувствительным окружением;

социальный;

продолжающийся;

фокусирующийся на и посредством вычлененных сигналов;

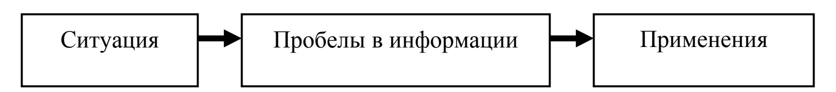
движимый в основном правдоподобностью, а не точностью (Porac с соавт., 1989).

Они были отобраны как чаще всего упоминаемые в литературе. Каждая из представленных характеристик содержит в себе ряд исследовательских вопросов, касающихся самости и непосредственно связана с остальными шестью характеристиками. Каждая характеристика объединяет действие и контекст, которые являют собой ключевые аспекты процесса формирования смысла. Все семь характеристик вместе можно представить в виде последовательности: люди соприкасаются со своей идентичностью в контексте того, как другие связывают последующие события, из которых они извлекают ориентиры и ретроспективно формируют разумный смысл, что в конечном итоге приводит более или менее в порядок текущие события. Приведенные характеристики помогают изучить процесс осмысления, так как они раскрывают, что такое формирование смысла, как этот процесс действует, и в чем его слабые стороны. Эти характеристики выделены для того, чтобы ограничить феномен sensemaking. Ниже приводится обзор каждой из характеристик.

Прикладной аспект подхода применительно к анализу социальной феноменологии разрабатывается, начиная с 1970-х годов Дервин. Она попыталась создать альтернативный подход для изучения того, каким образом люди используют информацию и информационные системы в своем постижении окружающего. Теория формирования смысла изучает потребности, образы и удовлетворение пользователей информационных и коммуникационных систем, или короче – что пользователь хочет получить от системы, что он получает, и что он об этом думает. Этот подход имеет широкое практическое применение, поскольку формирование смысла – основа любой коммуникационной ситуации (внутриличностной, межличностной, массовой, кросс-культурной, общественной или межнациональной).

В самом общем смысле можно сказать, что смыслообразование представляет собой активность (одновременно, и внутреннюю и внешнюю), позволяющую индивиду планировать и осуществлять свои действия в пространстве и времени. Это форма коммуникативного поведения, т.к. в основе sensemaking, как и в основе коммуникации – поиск и использование информации, общая схема которого представлена на схеме 4.

Схема 4. Схема смыслообразования

Где: ситуации – это пространственно-временные контексты, в которых конструируется смысл; пробелы - потребности в информации или вопросы, возникающие у людей, конструирующих смысл и двигающихся в пространстве и времени; применения - то, как индивид использует вновь созданный смысл, во многих исследованиях трактуемый как информационная помощь и вред.

Ситуации включены в эту модель, поскольку формирование смысла ситуационно. Пробелы – поскольку теория sensemaking по сути дела их и изучает. Применение включено на том основании, что формирование смысла сфокусировано на их создании и не предполагает механической связи между информацией и применением. Каждое из этих трех измерений отождествляется с категорией переменных.

Sensemaking как метод исследования является одновременно и количественным и качественным. Более того, он не рассматривает ни один из них как обладающий преимуществами над другим. Важным является то, что они дополняют друг друга, схватывая противоположности. Будучи ориентированным на схватывание информационных пробелов и процессе их заполнения, данный метод предполагает и вертикальные и горизонтальные срезы сформировавшегося поля значений в максимальном приближении к их поточности. Посредством глубинного интервьюирования осуществляется попытка схватывания смыслов, затем они фиксируются при помощи специального кодирования, периодически осуществляется возвращение к ним и т.д.

При разработке теории формирования смысла было важно создать альтернативные средства интервьюирования респондентов. В рамках данного подхода был разработан ряд техник. В процессе работы их можно варьировать, изменять в зависимости от целей исследования.

1. Микро моментное временное интервью (Micro-Moment Time-Line Interview). Это основная техника теории формирования смысла. Она представляет собой опрос респондента с уточнением того, что пошагово происходило в изучаемой ситуации), что происходило первым, вторым и т. д. Затем по отношению к каждому шагу (называемому Time-Line), мы спрашиваем у испытуемого, ка-

кие вопросы у него возникли, что ему необходимо было прояснить, изучить, понять, распутать или осмыслить. Эти два элемента составляют ядро. Глубина анализа каждого вопроса определяется целями исследования. Особенность данного метода состоит в том, что данные на каждом уровне привязаны к конкретному микромоменту, специфическому ситуационному моменту в пространстве и времени.

2. Помогающее / Вредящее сцепление. В фокусе внимания данного подхода – как испытуемый конструирует связь между информацией и своей самостью. Испытуемого просят привязать свои ответы к следующему вопросу: Как (библиотека, книга, база данных, статья и т. п.) помогают Вам? Сцепление предполагает нахождение повторяющихся ответов на вопросы типа: «А как это помогло Вам?" до тех пор, пока испытуемый не почувствует, что утверждение о помощи выражено в наиболее личностных терминах.

Существует два варианта сцепления:

а) прямое сцепление: интервьюер спрашивает респондента: « А как это помогло?» о каждой удачной помощи и « А как это повредило?» о каждом удавшемся вреде.

б) сложное сцепление: Респондента предупреждают, что информация (или событие) могут привести как к помощи, так и к вреду, а те, в свою очередь, также могут иметь двойственный результат (помощь/ вред).

3. Открытое неструктурированное интервью. Испытуемого изначально просят привязать себя к конкретной жизненной ситуации. Далее проделывается та же работа, что и в Time-Line, а затем испытуемый должен сосредоточиться на самом важном шаге. Это один из возможных вариантов. Можно сделать иначе: испытуемому предлагается ряд параметров, по которым ему следует выбрать ситуацию (например, выберите ситуацию, которая произошла с Вами недавно, в которой Вы столкнулись с каким-то препятствием, оказались выше статусом, чем другие и осуществили очень ценную для себя коммуникацию). После того, как испытуемый сосредоточился на конкретной жизненной ситуации, его обычно просят кратко описать ситуацию и рассказать, почему он выбрал имен-

но ее, как она соотносится с критериями. Этот шаг позволяет сверить, насколько респондент и интервьюер одинаково понимают критерии. Далее респондента просят по семи бальной шкале оценить специфичность его ситуации, насколько необычные вопросы у него возникли и насколько специфичная помощь ему потребовалась.

4. Проверка сообщений. Эта методика работает с печатными сообщениями. Испытуемого просят при чтении какого-то сообщения останавливаться в тех местах, где у него возникает какой-либо вопрос (т.е. он хочет что-то выучить, понять, прояснить, вскрыть, найти этому объяснение и т. п.). Места остановки в тексте помечаются определенным значком. Далее проводится глубинный анализ возникших вопросов. Обычно исследователь оценивает, насколько вопросы связаны с жизненной ситуацией опрашиваемого, оценивает важность вопроса, выясняет, есть ли в тексте ответ на вопрос, оценивает полноту ответа, и насколько ожидания респондента о возможной помощи и вреде совпадают с реальностью.

Подход с позиции методологии sensemaking имеет хорошие перспективы и может служить в качестве образца для подражания т.к. он обладает способностью: схватывать динамику смыслообразования в ее относительно широкой пространственно-временной континуальности; сочетания продуктивного потенциала количественных и качественных методов; включения в процесс исследования рефлексирования и осуществления нового поиска в соответствии с возникшими инсайтами.

Идея циклического чередования глубинных интервью, направленных на схватывание особенностей заполнения информационных пробелов с последующим отслеживанием их динамики, представляется достаточно перспективной. Точно также как обладает определенной перспективой идея гармоничного сочетания возможностей количественных и качественных методов при разграничении их веса в случае ориентированности либо на номотетику, либо на идиографию.

Правда, как и любой инновационный подход (впрочем, и классический), sensemaking обладает и рядом ограничений. Во-первых, процедура его проведения предполагает огромные временные затраты. Во-вторых, прослеживание динамики смыслообразования с неизбежностью порождает схематизмы и шаблоны в их

контроле. Наконец, в-третьих, он не дает исчерпывающих решений. К тому же уязвим по ряду процедурных и технологических моментов.

Подход с позиций обоснованной теории

Подход с позиций обоснованной теории формируется в 1960-е годы как следствие развернувшихся дебатов по проблеме количественных и качественных методов. Как специальное понятие термин был введен социологами Гласером и Строссом (B. Glaser, A. Strauss, 1967). Они избрали термин «обоснованная теория» для выражения идеи о теории, основанной на проверке качественных данных полученных в конкретных условиях, например, не структурированных данных интервью, включенного наблюдения и архивных исследований. N. Pidgeon и K. Henwood подчеркивают: «подход представляет собой попытку поиска средств противодействия позитивизму, ориентированному на подтверждение предсуществующих теорий, имеющих слабое отношение к конкретной исследовательской области и к описаниям реальности, воспринимаемой самими участниками исследования» (1998, с. 253-254).

Сегодня понятие «обоснованная теория» используется в широком спектре контекстов, в частности, по отношению к исследовательской методологии Гласера (B. Glaser) и Стросса (A. Strauss) системного анализа неструктурированных качественных данных. По своей сущности подход является скорее качественным, хотя и предполагает некоторые элементы количественной обработки данных. Принадлежность к качественному подходу проявляется в его «приверженности представлениям локальной контекстуальной теории; изучению значений во всей их комплексности и контекстах и заинтересованности в рефлексии конструкций мира участников исследования» (там же, с. 254).

Подход с позиций обоснованной теории направлен, прежде всего, на преодоление закрепощающего и искажающего влияния предсуществующих теорий, задающих схемы проведения исследований, сбора и интерпретации данных и, тем самым, отдаляющих исследователя от той реальности, которая, собственно говоря, присутствует в действительности. Предсуществующая теория как бы направляет поиск не на выявление особенностей и уникальности изучаемого феномена, а на подтверждение или не подтверждение

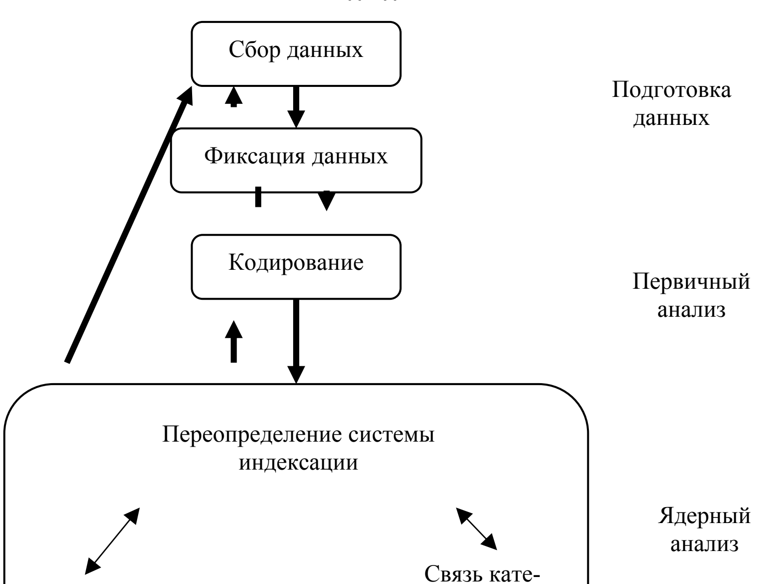
теоретически обоснованной гипотезы, что, в конечном итоге, и приводит к различного рода искажениям.

Подход обоснованной теории реализуется в рамках метафоры «открытия» в противовес метафоре «существования», используемой в классическом позитивистском исследовании и представляет собой результат постоянного взаимообмена между данными и исследовательскими концептуализациями, между идеями и жизненным опытом исследователя.

Как отмечают Пиджеон и Хенвуд, «ценность подхода обоснованной теории заключается в том, что он предлагает ряд процедур, способствующих оперированию субъективностью (и особенно творчеством и интерпретациями исследователя) в процессе анализа качественных данных. Общая схема реализации подхода с позиций обоснованной теории представлена на схеме 5.

В связи с вышеизложенным важно отметить, что введение процедур оперирования субъективностью не должно пониматься как наличие стандартных процедур и правил достижения истины. Скорее они представляют собой пути внедрения в практику требования необходимости активного вовлечения в детализированный анализ собственного исследовательского материала в целях стимулирования и организации исследуемых материалов» (Pidgeon, Henwood, 1998, с. 255).

Схема 5. Этапы обоснованного подхода.

Приводится по: Pidgeon, Henwood, 1998, с. 257.

Основной целью реализации обоснованного подхода является продвижение от неструктурированных данных к ряду теоретических кодов, концептов и интерпретаций.

Пандит (N.R. Pandit, 1996) предлагает подробное описание процесса пяти аналитических фаз (не обязательно последовательных) построения обоснованной теории: организация исследования; сбор данных, упорядочивание данных, анализ данных, теоретический анализ. Данные фазы сопровождаются соответствующими исследовательскими процедурами и предполагают оценку по критериям: конструктной валидности; внутренней валидности; внешней валидности и надежности. Конструктная валидность обеспечивается четко определенными операциональными процедурами. Внутренняя валидность обеспечивается установлением причинных отношений. Внешняя валидность предполагает четкое определение области, на которую могут быть генерализованы результаты исследования. Наконец, надежность предполагает возможность подтверждения полученных результатов [там же, с. 2]. Общая схема построения обоснованной теории представлена в таблице 21.

Таблица 21. Процесс построения обоснованной теории (Pandit, 1996, с. 3-4).

Фаза	Активность	Логические основания

Фаза организации исследования		
Шаг 1. Обзор литературы.	Определение вопросов для исследования. Определение априорных конструктов.	Направления исследования.
Шаг 2. Отбор случаев.	Теоретическое (не случайное) определение выборки.	Фокусирование на теоретически полезных случаях.
Фаза сбора данных		
Шаг 3. Разработка строгих протоколов сбора данных.	Создание базы данные исследования случаев. Используются множественные методы сбора данных. Качественные и количественные методы.	Повышает надежность. Повышает конструктную валидность. Укрепляет обоснование теории посредством триангуляции. Повышает внутреннюю валидность. Синергетический взгляд на изучаемое.
Шаг 4. Вход в область.	Пересечение сбора и анализа данных. Гибкие и альтернативные методы сбора данных.	Ускоряет анализ и привносит полезные регулятивы в сбор данных. Позволяет исследователю принимать преимущества определенных тем и характеристики уникальных случаев.
Фаза упорядочивания данных		
Шаг 5. Упорядочивание данных.	Хронологическое размещение событий.	Способствует более легкому анализу данных. Позволяет контролировать процесс.
Фаза анализа данных		
Шаг 6. Анализ данных в отношении первого случая	Использование открытого кодирования. Использование осевого кодирования. Использование избирательного кодирования.	Создает концепты, категории и свойства. Создает связи между категориями и подкатегориями. Интегрирует категории в теоретические построения. Все формы кодирования способствуют внутренней

		валидности.
Шаг 7. Теоретическая выборка.	Литературное и теоретическое подтверждение через все изучаемые случаи (возвращение ко второму шагу до момента насыщения теории).	Подтверждает, расширяет и уточняет теоретические построения.
Шаг 8. Способствование завершению.	Теоретическое насыщение при наличии возможностей	Приводит к завершению теории при минимальном количестве крайних случаев.
Фаза сопоставления с литературными данными		
Шаг 9. Сравнение построенной теории с данными профильной литературы	Сопоставление с альтернативными подходами. Сопоставление со сходными подходами.	Улучшает определенность конструктов и на этой основе внутренней валидности. Также повышает внешнюю валидность посредством установления областей, на которые могут быть генерализованы результаты исследования.

Подход с позиций обоснованной теории предоставляет чрезвычайно широкие возможности для построения теорий, во-первых, наиболее близко и полно отражающих своеобразие реальной феноменологии социального бытия личности и ее окружения, во-вторых, способствует освобождению от давления стереотипов и рамок предшествующих теорий, в-третьих, способствует повышению конструктной, внутренней и внешней валидности результатов исследования. В то же время реализация подхода на практике сопряжена с рядом сложностей, отмечаемых Пандитом: временная

затратность; долгие периоды неопределенности; неполнота данных; экономическая дороговизна (Pandit, 1996, с. 13). Этот же автор отмечает, что успешная реализация подхода связана с наличием определенных исследовательских качеств и навыков. «В особенности, компетентности, творческности, и жизненного опыта (как в проведении исследований, так и исследуемом контексте)» (там же).

Особого внимания заслуживает обсуждение вопроса оценки подхода с позиций обоснованной теории. Традиционно в качестве критериев оценки теории (их анализ был представлен в третьей главе) выдвигаются валидность, надежность, экономичность, эмпирические подтверждения, внутреннее соответствие и генерализуемость. Тем не менее ряд авторов придерживается позиции, что по отношению к обоснованной теории «не существует методологических критериев, гарантирующих абсолютную точность исследований (как количественных так и качественных)» (Pidgeon, Henwood, 1998, с. 269). По мнению этих авторов речь скорее должна идти о некоторых практических рекомендациях, способствующих прогрессу в познании исследуемой области. Среди этих критериев определяются: близость к данным; интегрированность теории на различных уровнях абстракции; рефлексивность; документирование; анализ теоретической выборки и негативных случаев; чувствительность к реальности участников исследования (респондентная валидность); прозрачность; убедительность.

Представленный обзор двух исследовательских методологий, представляющих попытку решения проблему адекватности психологического изучения реальности феноменологии социального бытия личности и ее окружения конечно же не исчерпывает всего проблемного поля. По-прежнему поиски и дебаты скорее имеют место в рамках дихотомии –лучше – хуже. Не затрагивается и другой, не менее фундаментальный аспект – применимости той или иной исследовательской методологии к качественным характеристикам изучаемой реальности или природы человека (биологической, символической, рефлексивной). Попытка решения этой проблемы предпринята в нашем подходе интегративной эклектики путем триангуляции, описание которого представлено в следующем разделе.

Методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции

Проблема соотношения количественных и качественных методов стимулировала поиск возможных решений, представленных в работах многочисленных исследователей, список которых с каждым годом постоянно возрастает (J.B. Bavelas, 1995; V. Caracelli, J. Greene, 1993; 1997; H. Coolican, 1998; N. Denzin, Y. Lincoln, 1994; B. Dervin, 1992; J.T. Lamiell, 1998; B.M. Wildemuth, 1993; и др.).

Несмотря на существующее многообразие возможных способов комбинирования количественных и качественных методов, направленное на продуктивное использование их потенциала, можно говорить о пяти возможных их сочетаниях:

1. Триангуляция – предполагающая проверку согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов.
2. Взаимодополнение – предполагающее прояснение и иллюстрацию результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
3. Развитие – результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
4. Инициация – новых исследовательских вопросов или изменение результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
5. Экспансия – предоставляющая обогащение и детализацию исследуемого явления использованием специфических качеств методов разных классов (Greene, Caracelli, 1997).

Одной из наиболее распространенных разновидностей подобного комбинирования, поддерживаемой большинством исследователей, является методологическая триангуляция. Под триангуляцией подразумевают термин, используемый в навигации и геодезии, описывающий технику построения третьей точки на основе двух известных, «один из методов, определения геодезических пунктов, служащих исходными ориентирами при топографической съемке и других геодезических работах» (Словарь иностранных слов, с. 506).

Впервые по отношению к методологии психологического исследования данный термин был использован Кэмпбеллом (1959). В современной психологии под триангуляцией понимается «использование данных из различных источников, различными методами сбора данных и различными исследователями, по возможности всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью» (Robson, 1998, с. 404). Это наиболее широкое определение, по нашему мнению, и позволяет схватить все многообразие авторских версий и смыслов, вкладываемых различными исследователями в данный подход, его ограничения и возможности.

По мнению ряда авторов, комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводит к соединению преимуществ обоих методологий, и как следствие – получению более надежных данных. Минимизируется неадекватность отдельных методов, что, в итоге, приводит к достижению высокой внутренней надежности. Бредли подчеркивает в этой связи, «это возможно и крайне желательно в интересах методологического плюрализма, исследовать основоположения всех исследований в контексте их полезности для понимания конкретной исследовательской проблемы. Активное обсуждение того, что мы знаем в свете того, как создается наше знание, может только расширить наше понимание» (Bradley, 1993, с. 448).

Избрание третьего пути, предполагающего максимально продуктивное использование возможностей качественных и количественных методов получило название и было конституировано как методологическая триангуляция. Наиболее известной разновидностью является «совместная триангуляция, представляющая одновременное использование количественных и качественных методов» (Morse, 1991, с. 122).

По мнению Брейтмейер (B.J. Breitmayer), «триангуляция комбинирует независимые и взаимодополняющие методы для:

- Улучшения описания исследуемых процессов или процесса;
- Идентификации хронологии событий;
- Предоставления оснований для очевидности внутренней валидности;
- Подтверждения или валидизации результатов исследования»;

- «В конечном счете, для понимания и контекстуальной репрезентации результатов исследования феномена» (Breitmayer, 1993, с. 195).

При относительно независимом друг от друга сборе и оперировании данными, они сопоставляются друг с другом в завершении каждого исследовательского цикла для возможного формулирования новых гипотез, проверки полученных выводов и их возможной коррекции (Caracelli, Greene, 1993, с. 120).

Методологическая триангуляция может быть классифицирована как одновременная или последовательная. Одновременная триангуляция предполагает параллельное использование и количественных, и качественных методов. В данном случае между двумя используемыми альтернативными методологиями присутствует мало взаимодействия. Последовательная триангуляция используется в случае, если «полученные при посредстве одной методологии данные, применяются в качестве основания для последующего привлечения альтернативной методологии» [Morse, 1991, с. 120].

Первым шагом применения качественно-количественной триангуляции является детерминация специфической исследовательской проблемы. Подобное имеет место в случае перехода от индуктивно построенной теоретической конструкции к эмпирически подтверждаемой дедуктивной конструкции. Митчелл (E. Mitchell, 1986) утверждает, что триангуляция предоставляет возможность подвижности и глубинности, которой лишены отдельные методы. Для обеспечения эффективности триангуляции по Митчеллу следует соблюдать следующие требования:

- Четкое определение исследуемого вопроса.
- Компенсация сильных и слабых стороны каждого из методов продуктивными возможностями друг друга.
- Пригодность избранных методов для исследуемого феномена.
- Продолжающаяся, циклическая оценка продуктивности и валидности используемого подхода (там же).

Продуктивность методологической триангуляции была подтверждена в ряде исследований. Даффи (M. Duffy) приводит ряд преимуществ использования методологической триангуляции:

- Используемая концептуальная структура, предоставляющая теоретическую базу исследования, может целиком или частично основываться на результатах качественных исследований.

- В областях, в которых были получены пересекающиеся результаты, отдельные качественные данные могут быть верифицированы посредством количественных данных.
- Качественные данные, полученные в процессе интервью или наблюдения, могут быть использованы в качестве основания для отбора единиц или индикаторов при последующем создании исследовательских инструментов, ориентированных на получение количественных данных.
- Внешняя валидность эмпирически генерированных конструктов может быть достигнута в результате использования интервью или наблюдения: там, где имеют место возможные рассогласования могут быть применены пилотажные исследования, создающие основания для выявления слабостей и неадекватных интерпретаций тестируемых индивидов.
- Уточнение неопределенных и провокационных ответов опрашиваемых может быть достигнуто посредством перепроверки в полевых условиях.
- Количественные данные могут предоставлять информацию об исходных неточностях в концептуальных построениях исследователя, не предусмотренных им ранее.
- Использование обзорных количественных данных по всем предусмотренным аспектам исследования может способствовать корректировке возможных проблем качественного исследования, проводимого на избранной репрезентативной группе испытуемых.
- Использование количественных оценок может корректировать «холистические ошибки» (представления исследователя о полной конгруэнтности всех аспектов данной ситуации, притом, что сами представления исследователя могут оказаться следствием сформировавшегося конкретного взгляда). Одновременно, использование количественных инструментов может помочь верификации наблюдений, полученных в процессе неформального полевого наблюдения (1987).

Не смотря на то, что триангуляция способствует решению многих проблемных вопросов, связанных с повышением прибли-

жения результатов исследования к максимальному уровню репрезентативности специфики жизненных переживаний субъекта, она приводит к снижению внутренней валидности. К числу основных проблемных вопросов исследования, построенного на методологии триангуляции, можно отнести следующие:

- Как комбинировать цифровые, лингвистические и составные данные?
- Как интерпретировать дивергентные результаты цифровых и лингвистических данных?
- Что делать с пресекающимися концептами, присутствующими в данных, сложно отделяемыми друг от друга?
- Когда и как оценивать вес полученных данных?
- При каких условиях различные используемые методы могут рассматриваться как одинаково чувствительные и равновесные?

Безусловно, методологическая триангуляция не рассматривается как панацея от всех бед и для всех социальных исследований. Тем не менее, многими авторами она рассматривается как компромиссное решение, способное максимизировать сильные стороны и минимизировать слабости каждого отдельного подхода, способствуя углублению исследования и развития знаний о феномене. Методологическая триангуляция обладает и большим интегративным потенциалом, возрастающим при циклическом перемежении количественных и качественных методов и наоборот, приводя к углублению понимания на каждом последующем витке спирали (Caracelli, Greene, 1993). К тому же триангуляция может приводить и к открытию парадоксов и противоречий, как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода к исследованию психологической феноменологии. Бриман (A.A. Bryman, 1988) называет ее технической версией количественно-качественных дискуссий, указывая, что количество и качество не представляют несоизмеримых парадигм вообще, а всего лишь методы, избираемые по принципу наибольшей пригодности к изучению определенного класса проблем.

Методологическая триангуляция не является единственным способом решения проблемы соотношения в исследовании количественных и качественных методов. Авторские разработки в данной области проводятся по ряду направлений: повышению продуктив-

ности как количественных, так и качественных методов по отдельности, а также нахождению их оптимального сочетания друг с другом в целях получения более глубинной информации об изучаемом явлении. Выход, как и в предшествующих случаях, находится в попытках объединения возможностей количественных и качественных методов посредством нахождения механизмов их наиболее эффективного сопряжения и взаимодействия.

Преимущества использования смешанной методологии исследования вполне убедительно показаны в ряде прикладных исследований (N. Hayes, 1993; D. Miell, M. Wetherell, 1998; C. Robson, 1998; G. Tsourvakas, 1997; и др.). Цоурвакас (G. Tsourvakas) выделяет следующие из них:

- Качественные методы, особенно наблюдение или неструктурированное интервью, позволяют исследователю разработать целостный «портрет» исследуемого субъекта. Это особенно важно для начальной стадии исследования.
- Количественный анализ более пригоден для изучения поведенческих или описательных компонентов.
- Описательный анализ может способствовать выделению репрезентативных примеров для последующего качественного исследования.
- Использование качественных методов позволяет исследовать непредвиденное развитие событий.
- Количественный анализ может дополнять результаты качественных открытий, показывая степень их распространения.
- Количественный анализ может подтверждать или опровергать кажущуюся или реальную значимость полученных результатов.
- Количественные методы имеют значительно более низкую объяснительную ценность, в то время как качественные методы в состоянии предоставлять необходимые основания для глубокого объяснения изучаемого феномена (1997).

Как отмечает Робсон (C. Robson): «Не существует правила, предопределяющего использование одного метода в исследовании. Использование более чем одного метода в исследовании может давать существенные преимущества и в то же время с неизбежностью увеличивает время исследования… Т.к. нам никогда не удаст-

ся получить результатов, на которые не оказывал бы влияния метод их получения, то единственной возможной стратегий является использование многообразия методов» (1998, с. 290).

Это же исследователь очерчивает ряд возможных плоскостей продуктивного использования методологической триангуляции. «Вместо того, что бы сосредотачиваться на отдельном исследовательском вопросе, они (множественные методы – В.Я.) могут быть использованы для адресования различным, но взаимодополняющим вопросам» (там же). Они могут быть также использованы взаимодополняющим образом для усиления взаимоинтерпретируемости. Наконец, функция взаимодополнения может быть реализована и для целей доступа к достоверности угроз валидности результатов первичных исследований. Эта тактика особенно часто применяется в случае квази-экспериментальных исследований.

К числу наиболее известных разработок, в рамках которых реализованы сформулированные рекомендации по оптимизации использования продуктивных возможностей количественной и качественной методологий, относятся представленные в предшествующем разделе подход с позиций обоснованной теории (grounded theory) (Glaser, Strauss, 1967) и сенсмейкинг (sensemaking) (Dervin, 1992; 1996).

Как в подходе обоснованной теории, так и sensemaking, общим является присутствие исследовательской спирали, предполагающей постоянное уточнение значений (смыслов), которыми оперирует информант, с последующим их прояснением и уточнением самим исследователем в форме диалога. Налицо диалогическое взаимодействие, направленное на формирование единого поля значений между исследователем и исследуемым.

При всей перспективности названных методологических подходов к углублению представлений о социальной сущности человека и природе его активности, данные исследовательские методологии также обладают рядом вполне естественных ограничений:

- Огромными объемами информации, подлежащей анализу.
- Неопределенностью вопроса о том, сколько срезов и в какой последовательности необходимо для схватывания смыслов.
- Невольным формированием определенной структуры межличностных взаимоотношений между участниками

исследования, повышающими возможность субъективной интерпретации.

Представленный перечень ограничений не является исчерпывающим, но он, параллельно, демонстрирует обостренность проблемы исследовательской предубежденности или субъективности и путей снижения ее искажающего влияния и в рамках данного значительно более гуманитарно продвинутого подхода. Вместе с тем, и это качественное продвижение в области исследовательской методологии не преодолевает всех проблем изучения социальной феноменологии бытия личности и ее окружения в их экзистенциальной феноменальности и пространственно-временной континуальности. Не решается она и в находимых исследовательских компромиссах между количественной и качественной методологиями.

Некоторые исследователи идут еще дальше, убедительно показывая, что проблема заключается не в нахождении методов сопряжения количественных и качественных методологий исследования. Они объявляют подобную постановку не верной в принципе (A.A. Bryman). По мнению Моргана (G. Morgan) и Смирцича (L. Smircich), «проблема находится в плоскости нахождения механизмов сопряжения разных парадигмальных координат и сопутствующих им методологических эпистемологических и онтологических оснований» (1980, с. 494). Причем проблема значительно более глубока, чем может показаться при первом рассмотрении. Как отмечает Блайкие (N.W. Blaikie), один из самых жестких критиков подхода методологической триангуляции, «комбинирование методов, основанных на различных теоретических основаниях невозможно в принципе» (1991, с. 134). В данной логике, мы должны избирать методы, кардинально отличающиеся друг от друга для получения лучшей оценки полученных ответов. При внешне кажущемся радикализме представленного суждения, в нем присутствует крайне важный контекст обсуждения проблемы соотнесения или сопряжения, во-первых, методов, адресованных разным типам реальности, и, во-вторых, самих этих реальностей в их проявлении исследователю и наблюдателю.

В контексте уже анализировавшейся ранее тримодальной модели оснований человеческой активности, ее автор – R. Stevens, подчеркивает: «надо иметь в виду очень различающиеся оценочные критерии, требуемые этими отличными эпистемологиями и, соответственно, социально-психологическими традициями, которые с ними связаны. В номотетическом измерении, используемом для

исследования биологических оснований действий, критическим вопросом является "проверка истинности". Хороши ли предсказания теории? Является ли понимание, сформированное теорией, валидным? Когда мы перемещаемся к герменевтическим стратегиям, вовлеченным в символическую, второсигнальную область, мы нуждаемся в прояснении любого анализа или прикосновений, которые мы делаем: оценки того, насколько эффективно они репрезентируют систему значений (представлений, чувств и т.д.), на которой они фокусируются. Мы нуждаемся в познании того, что наше описание "схватывает смысл" того, что делает информант, что он чувствует и думает, а также в формировании некоего осмысления самих себя в аспекте его сходства с описаниями, которые может давать своим переживаниям сам информант. Критерии определения валидности в этом случае, тем не менее, не будут столь внушающими доверие или откровенными; они будут скорее включать оценки правдоподобности и соответствия, и будут освобождены от необходимости выводов о природе и основаниях человеческих переживаний и действий. По отношению к трансформационной эпистемологии, соответствующей третичному уровню – рефлексивности, мы сами становимся субъектами "проверки истинности", сопровождая ее еще более сложными вопросами, связанными с осознанием того, что часто мы говорим не то, что люди являются такими и способны делать то-то, а что они способны быть такими и делать это; таким образом, призывы к реальности могут оказаться не решающими. То, что поставлено на карту на третичном уровне не может быть более точным, а скорее возможным или желательным» (1998, с. 82).

Обсуждение трех модальных типов оснований человеческих действий в контексте их качественного различия и целесообразности использования для их изучения качественно отличных исследовательских методологий не снимает вопроса об их сосуществовании и сопряженности друг с другом и, как следствие, нахождения новой методологической триангуляции, строящейся на принципе многомерности.

Основание предлагает интегративная эклектика, предполагающая многоплоскостной, многомерный, разновекторный анализ, создающий возможность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость рассмотрения аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена.

В качестве такой, временно́ привязанной методологии, предлагается методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции.

Наличие единых сопрягающих оснований по измерению системообразующих дихотомий количественное – качественное и идиографическое – номотетическое, биологическое – символическое – рефлексивное, обусловлено, прежде всего, тем, что при всем понимании ограниченности, а зачастую и объективной неадекватности количественного подхода к описанию и объяснению живой, пульсирующей плоти социального бытия личности и ее окружения, тем не менее, необходимо наличие систем, пусть и относительных, грубых, сравнительного соотнесения людей друг с другом, т.е. нахождения номотетики и итики. Эти сопоставительно-сравнительные системы координат должны быть разноуровневыми, варьирующимися от уровня индивидуальной культуры с доминированием идиографии и имики, до уровня общечеловеческой культуры с доминированием номотетики и итики.

Предлагаются следующие уровни сопоставительно-сравнительных систем координат:

- Уровень индивидуальной культуры.
- Уровень субкультуры.
- Уровень национальной культуры.
- Уровень межнациональных сообществ.
- Общечеловеческий уровень.

Продвижение от уровня индивидуальной культуры, характеризующейся доминированием идиографии и имики, к последующим уровням, более высокого обобщения, сопровождается снижением веса идиографии и итики и повышением веса номотетики и имики. Соответственно, уровень индивидуальной культуры предполагает доминирование качественных методов исследования, сопровождаемое ростом веса количественных исследований, при переходе на более высоко обобщенные уровни.

По измерению биологическое – символическое – рефлексивное также присутствует движение от доминирования номотетики и, соответственно, предпочтительности и большей информативности количественных методов, к доминированию идиографии и качественных методов на уровне рефлексивной модальности.

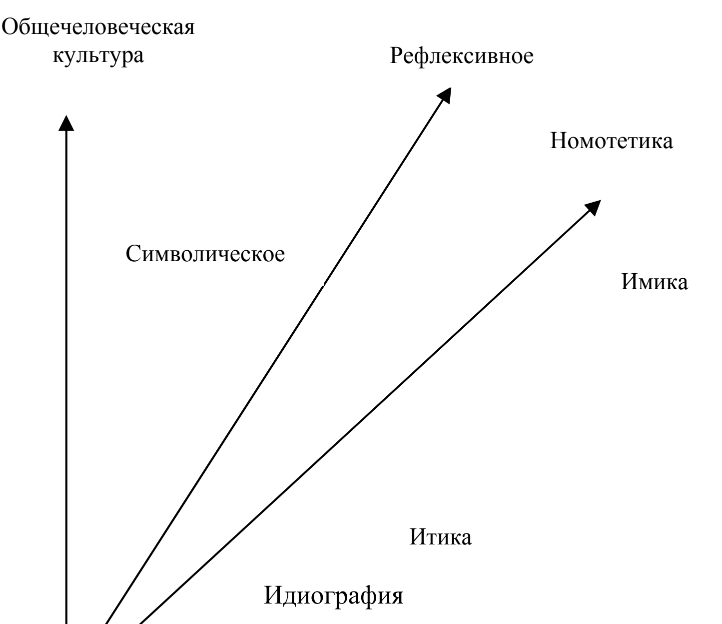
Общая схема методологического подхода интегративной эклектики путем триангуляции представлена на рис. 5.21, 5.22

В своей практической конкретизации методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции предполагает использование позитивистски ориентированных методов на уровне выявления номотетических и итических особенностей, герменевтически ориентированных методов – на уровне идиографических и имических особенностей, наконец, рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования на уровне остраненного анализа субъективности и предубежденности.

Соответственно, на уровне биологической номотетики существенна роль внутренней и конструктной валидности, на уровне же символической идиографии – экологической валидности, наконец, на уровне рефлексивной идиографии и номотетики – критической рефлексии, достигаемой посредством рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

Жестко валидизированные схемы экспериментального типа, наиболее ярко представленные в комбинации, известной под названием многочертной-многометодной матрицы (Campbell, Fiske, 1959) позволяют схватить особенности функционирования человека как представителя биологического вида. Особая сложность в этом случае связана с обеспечением «освобождения» исследования от «наносных влияний» культуры, проявляющейся в символической и рефлексивной природе человека.

Схема 6. Схема методологического подхода интегративной эклектики путем триангуляции

Наиболее полное постижение идиографии символической и рефлексивной природы человека в ее экзистенциальной феноменальности достигается методами типа sensemaking и подхода обоснованной теории, ориентирующихся на схватывание динамики значений (B. Dervin, 1992; 1996; B. Glaser, A. Strauss, 1967; N. Pidgeon, K. Henwood, 1982; N.R. Pandit, 1996; и др.). Еще большими возможностями в схватывании глубинных смыслов и переживаний человека обладают техники, наработанные в рамках психоанализа (D. Westen, 1990) и феноменологии (Howard, Henley, Thompson, 1997), ориентированных на скрупулезное постижение поля переживаний человека.

Таблица 22. Соотношение количественных и качественных методов в зависимости от уровня исследуемой культуры

Уровни	Идиография	Имика
Индивидуальная культура	$К_ч$ М	$К_ч$ М
Субкультура	$К_ч$ М; $К_ч$ М	$К_ч$ М; $К_ч$ М
Национальная культура	$К_л$ М	$К_л$ М
Межнациональная культура сообществ	$К_л$ М	$К_л$ М
Общечеловеческая культура	$К_л$ М	$К_л$ М
	Номотетика	Итика

Где: $К_л$ М – количественные методы;

$К_ч$ М– Качественные методы

Рефлексивный уровень постижения сущности бытия продуктивно схватывается средствами рефлексивных практик (Деркач, Семенов, Степанов, 1998) и критического рефлексивного позиционирования (Янчук, 2000).

В целом, методологический подход интегративной эклектики путем триангуляции, как и интегративно-эклектический подход, как его методологическое основание, предполагает определение в системе исследовательских координат по измерениям идиографическое – номотетическое, итическое – имическое, биологическое – символическое – рефлексивное. Это исследовательское самоопределение, во-первых, очерчивает круг исследовательских интересов и, соответственно, возможностей и ограничений предполагаемых результатов; во-вторых, позволяет определиться в приоритетных методах исследования (количественные – качественные) и их возможных комбинациях, определяемых исследовательскими приоритетами и претензиями; в-третьих, образовать зону согласия и ближайшего развития в рамках межуровневого, межпарадигмального диалога.

Необходимость пересмотра позитивистских оснований методологии и методов социальной психологии

В 1980-90-е годы проблема метода социально-психологического исследования, в частности, и методов психологических исследований, в целом, начинает приобретать новое содержание. Неоднократно обсуждавшаяся при рассмотрении эпистемологических и онтологических оснований психологии многоаспектность и многовариантность ответов на вопрос о соотношении физического и психического и психического, многомерности истины, подталкивает психологов к необходимости пересмотра укоренившихся подходов к определению научности или объективности анализируемых фактов и результатов исследования.

В наиболее рельефной форме эта проблема представляется при обсуждении необходимости «оживления» психологии, необходимости отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы, господствующих в естествознании и переходу к методам, учитывающим специфику «живой сущности» человека. По мнению многих исследователей, адекватное постижение человека в условиях его реальной социальной жизни невозможно без обращения к анализу интерпретаций, который предполагает герменевтизацию психологического знания. Обоснование необходимости и целесообразности герменевтизации особенно социальной психологии и персонологии уже представлялась выше и будет неоднократно обсуждаться при рассмотрении проблематики личности. Следует отметить, что герменевтизация часто ассоциируется с субъективизаций, гуманитаризацией и тому подобной терминологией. При всем кажущемся разнообразии названий речь в каждом случае идет об одном и том же – необходимости смещения акцентов в исследованиях к постижению своеобразия интерпретации человеком самого себя и окружающего его мира. Без знания этих интерпретаций становится невозможным понимание оснований ориентации человека в происходящем и прогнозирования им своих будущих действий.

Во многом почва для обозначенного поворота сформировано и самими позитивистскими основаниями. Еще в далеком 1884 году Вильгельм Дильтей (Dilthey) критиковал экспериментальную психологию его времени за копирование естественнонаучной модели и редукционизм в объяснении мыслительной активности. Дискуссии

по этому поводу то затихают, то вспыхивают с новой остротой на протяжении последних 15 лет. В основании такого рода дискуссий, на мой взгляд, лежит извечная мечта психологов добиться таких же успехов в постижении закономерностей психической активности, каких добилось естествознание в изучении неживой природы.

Этот вопрос достаточно глубоко обсуждался при рассмотрении онтологических оснований социально-психологической теории, здесь же я хотел бы отметить, что, начиная с 1979-х годов, у исследователей новой волны возникает все больше сомнений в реальности решения этой проблемы с чисто позитивистских оснований, предполагающих отношение к любым данным, не подлежащим операционализации и верификации, как к ненаучным.

Ром Харре (Harre, 1981) утверждает, что ортодоксальные (позитивистские) методы исследований оказались совершенно неприемлемыми ко многим психологическим феноменам и областям исследований, в частности, социальной психологии. Искусственность экспериментальных социально-психологических исследований предопределяется, прежде всего тем, что в условиях как лабораторного, так и естественного экспериментов практически невозможно, в первом случае «очистить голову» испытуемых от «побочных» мыслей, а во втором – наблюдателю освободиться от собственных проекций при реконструировании контекста происходящего, формирующегося у наблюдаемых.

В систематизированном виде противоречия подхода к исследованию социально-психологической феноменологии с позитивистских оснований представлены Куликан (Coolican) и могут быть сведены к следующему:

1. Исследователи традиционной ориентации обращаются с людьми, как с изолированными от их социального контекста. Более того, исследуют отдельные части, например, память, аттитюды, вне их взаимосвязи с целостной системой, которой является человек. Часто, изучаемые «субъекты» выступают в качестве абстрактных единиц подтверждения предубеждений исследователей в отношении неизменности природы человека.
2. В то время как в реальной жизни познание человека предполагает установление более тесных взаимоотношений, исследователь, наоборот, стремится к сохранению дистанции якобы во имя объективности. Аттитюды и мотивы самого исследователя по отношению к иссле-

дованию не признаются, не обнаруживаются и рассматриваются как не относящиеся к процессу и результату.

3. Ориентация на объективность часто обретает очертания мистической. Попытка сохранения холодной дистанцированности, следование количественной парадигме ослепляют исследователя в отношении его собственного влияния и активной роли в процессе исследования, точнее – искусственного и тенденциозного управления им. Забывается что как исследователь, так и процесс исследования сами составляют социальный контекст и должны анализироваться в нем.
4. Ситуация эксперимента или интервьюирование позволяют получать только поверхностную информацию. Так, в частности, при изучении социальной перцепции традиционными методами часто рассматривается только первое впечатление и ничего больше.
5. Экспериментальные процедуры ограничивают способности нормального субъекта планировать, реагировать и проявлять соответствующее социальное поведение в контексте изучаемого вопроса. И на этом основании исследователь приходит к заключению о природе человека в анализируемом вопросе. В результате выстраиваемая модель получается упрощенной и механистичной.
6. Попытки маскировки целей исследования могут приводить к фальсификации его контекста и искаженным результатам, к тому же это может вызвать недоверие со стороны исследуемых.
7. Высокоструктурированные методы исследования предетерминируют природу результирующей информации. Непроизвольно на участников исследования налагается теоретическая конструкция которой придерживается исследователь. Например, опросники, как правило, строятся на определенной исследовательской логике и пропускают много важной информации, которую возможно было бы получить от опрашиваемых. Получаемая же информация ограниченна, неполноценна и не всегда отражает реальность.
8. Высокоструктурированное кодирование и категориальная система часто не совпадают с индивидуальным своеобразием индивида.

С нашей точки зрения предложенный перечень уязвимых мест позитивистской методологии и методики исследования можно дополнить следующими характеристиками:

9. Ориентированность на прошлый опыт исследуемого, который, во-первых, не всегда является адекватным основанием для понимания настоящего и будущего социального поведения, и, во-вторых, субъективно воспроизводится, анализируется и интерпретируется самим испытуемым. По существу, отвечая на тот или иной вопрос или решая предлагаемую задачу, испытуемый оперирует некоторой конструкцией самого себя и своих взглядов, которая далеко не всегда является адекватной и подтверждаемой окружающими.
10. Абсолютизация информированности испытуемого о причинности своих поступков и реакций, исповедование рациональной модели социального поведения. И это при полном понимании того, что в реальной жизни имеет место очень много иррационального.
11. Генерализация результатов исследования на все жизненных богатство контекстов, которые далеко не всегда представляют последовательную и логически согласованную цепочку жизненных эпизодов.
12. Ограниченность учета влияния на испытуемого его социального окружения, обстоятельств и их динамики.

Не следует воспринимать изложенное как некое стремление забить последний гвоздь в гроб окончательно усопшей позитивистской исследовательской парадигмы. Это было слишком большим преувеличением. На позитивистском основании стоит огромная часть достижений предшествующей истории психологического знания. В данном случае речь шла только о тех вопросах, на которые сегодня нет убедительных ответов, а без них невозможно движение вперед к постижению психической природы человека.

Гуманитарная парадигма в методологии психологического исследования

Представленный ранее критический очерк позитивистской исследовательской парадигмы в психологии не носил деструктивной направленности. В истории психологии всегда были диссидентствующие исследователи и целые направления. Это и психоаналитическая традиция никогда не угодничавшая перед позитивистской методологией, и интеракционизм, и экзистенциально-феноменологическая линия, и феминизм, наконец, социальный конструктивизм, с его наиболее радикальными прорывами. Каждый из перечисленных векторов, отражая свое уникальное, в том числе и ненаучное, своеобразие привносил в плоскость анализа новые вопросы, высвечивал новые грани психической активности, что, в частности, послужило одним из оснований для формулирования мною интегративно-эклектического подхода. Общим объединяющим принципом для всех их является принцип познания таинств психического с максимально возможной приземленностью к условиям и проблемным полям реальных людей в реальной жизни. Возможное поле философско-методологических оснований такого рода приземлений нами уже было представлен ранее, здесь же я приведу обзор возможных психологических решений. Уже упоминавшаяся Куликан определяет следующие из них:

1. Психологические исследования должны концентрироваться на значениях действий в их социальном контексте, а не на изолированных «объективных» единицах поведения и деятельности – исповедовать холизм, а не атомизм. Впрочем, это очень убедительно обосновывал еще Lewin в своей знаменитой теории поля.
2. В психологических исследованиях акцент должен смещаться на взаимодействие, причем взаимодействие в максимально широкой системе и непосредственно и опосредованно контактирующих людей и связанных с ними и обстоятельствами контекстах.
3. Значения и взаимодействия являются принадлежностью социальных ситуаций и их контекстов и не могут быть изолированы от них.
4. Исследования должны проводиться в максимально приближенных к естественным условиях и посредством качественных методов.

5. Исследования должны проводиться в как можно более приближенном контакте с изучаемым индивидом или группой.

По словам Халла (Hall), исследователь социальных наук часто уподобляется врачу, пытающемуся поставить диагноз пациенту, находясь за углом и не видя его. Социальный ученый использует для измерения реакций испытуемого «инструменты», подобные длинному стетоскопу. Причем интерес его больше связан с удлинением стетоскопа чтобы быть как можно дальше от испытуемого, вместо того чтобы максимально приблизиться к нему и узнать как он живет в реальной жизни (1975).

1. Наиболее значимыми данными должны быть собственные высказывания и интерпретации испытуемого.

Принимая серьезно интерпретации испытуемых, как отмечают Де Вейл (De Waele) и Харре (Harre), мы добиваемся преодоления фальсификации реальности, имеющей место в случае ее ограничения ответами на вопросники … Испытуемые, в случае предоставления возможности представлять свои интерпретации, часто представляют ряд значений и выводят имплицитные теории весьма отличающиеся от тех, которые строит исследователь (1979).

2. Более продуктивными являются некоторые разновидности индуктивного анализа по сравнению с гипотетико-дедуктивным подходом. В последнем случае теории, модели и гипотезы существуют на обработке полученных количественных данных нежели подтверждаются ими. В процессе индуктивного анализа происходит постоянное переопределение существующих понятий и моделей в свете поступающих данных. Он предоставляет возможность существования гипотез без предварительно проведенных исследований, что, в свою очередь, создает предпосылки для снятия предустановленных выводов.
3. Существующие теории должны быть скорее локальными, нежели содержать широкие генерализации о природе человеческого мышления и личности.
4. В отличие от предшествующей парадигмы в новой должно иметь место тесное сотрудничество исследуемого и исследователя, а последний должен выступать в роли аналитика и консультанта. Любые находки или интерпретации должны обсуждаться и изменяться в соответствии со взглядами группы. В этом случае постигается реальность.
5. В исследованиях новой парадигмы имеет место «исследовательский цикл», происходящий многократно и решающим мо-

ментом которого является достижение приемлемости и точности конструируемых теорий, моделей и категорий.

Представленные контуры новой исследовательской парадигмы создают возможности для разрешения проблемы препарированного характера психологических знаний и их оживления, но и сами обладают не менее уязвимыми местами.

Глоссарий
Андроцентризм *– понятие, используемое в кросс-культурной психологии для обозначения феномена влияния на объективность и адекватность изучения и интерпретации исследуемого феномена принадлежности переводчика и интерпретатора к изучаемой аборигенной культуре, выражающегося в дискредитации им своей прошлой культуры, мотивируемое стремлением снять внутриличностные конфликты, связанные с адаптацией к новой культуре. На практике данный эффект проявляется скорее всего в том, что интерпретатором по мере идентификации с новой культурой теряется адекватность в оценке своей прошлой культуре, образуется своеобразная производная от двух культур, не позволяющая адекватно оценить и проинтерпретировать ни одну из них.*   ***Идиография*** *– производное от греческого idios, обозначающего личное, частное, самопродуцируемое или уникальное или отличающее. Идиография обозначает конкретно специфичное, уникальное, индивидуальное в человеке. Используется для обозначения теоретических подходов, ориентированных на изучение уникальности каждого человека, его отличий от других людей [Reber, 1995: 356]. В качестве парной категории по отношению к идиографическому подходу предлагается номотетический подход, ориентированный на изучение общего, характерного для людей вообще (см. номотетика).*   ***Имика*** *– термин, введенный лингвистом K.L. Pike [1967] для характеристики культурно специфического, уникального, отличающегося от других культур. Он вводит данное понятие как производное от лингвистического понятия «фонемика», отмечая, что имическая точка зрения является результатом изучения поведения изнутри системы.*   ***Интегративная эклектика путем триангуляции*** *– разработанная В.А. Янчуком авторская модификация подхода методологической триангуляции. Представляя комбинирование продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, интегративная эклектика путем триангуляции предполагает использование процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального и неосознаваемого аспектов исследуемого явления, за счет схватывания и уточнения тождествен-*

ности значений и смыслов в системе исследователь – исследуемый. Привлечение процедур феноменологического и психоаналитического интервью, дискурсного анализа и сенсмейкинга позволяет достичь необходимого уровня взаимопонимания с позиции методологии второго лица.

Итика *– термин, введенный лингвистом K.L. Pike (1967) для характеристики общего, универсального в культурах. Пике видит ценность итического подхода в следующем: первое, он предоставляет широкую перспективу и возможность обучения распознанию того, что различные события, происходящие в мире, обладают распознаваемыми сходствами и различиями; второе, приобретаются техники описания различных феноменов; третье, итический подход является исходным, т.к. «не существует каких-либо других способов начала анализа, не предполагающих грубой, пробной (неточной) оценки»; четвертое, итическое сравнение выбранных культур может помочь исследователю достичь поставленных целей с минимальными затратами. Наибольшее распространение получил в кросс-культурной психологии, занимающейся изучением особенностей культурного многообразия и адаптации к другой культуре.*

Качественные методы *– методы исследования, ориентированные на схватывание индивидуально-специфич-ного, уникального, максимально приближенного к условиям проявления в реальной жизни. Исходя из посылки о невозможности дискретизации и статизации поточности человеческого бытия без ущерба для понимания его сущности и схватывания тончайших нюансов индивидуального переживания и интерпретации происходящего, качественные методы ориентированы на неструктурированность, максимальную адаптируемость к изменению условий, выявлению новых контекстов и идей. Примерами качественных методов являются неструктурированное или свободное интервью, неструктурированное или полевое, а также включенное наблюдение, изучение документов или артефактов, феноменологическое интервью, сенсмейкинг, фокус группы и т.п. Преодолевая традиционные ограничения количественных методов исследования (см. количественные методы), качественные методы акцентируются на своеобразии контекстов, выявлении значений и своеобразия интерпретаций, гибки, диалогичны и интерактивны по процедуре, естественны по характеру.*

Количественные методы *– методы ориентированные на получение строго объективных, т.е. количественно выражаемых данных. Основываясь на позитивистской методологии, утверждающей в качестве оснований научности исследования операционализации и верификации, количественные методы отличаются высоким уровнем валидности и надежности, структурированностью, при одновременно низком уровне*

реалистической естественности, конструктной и экологической валидности. Примерами количественных методов являются эксперимент, структурированные интервью и наблюдение, квази-эксперимент, ряды данных, тесты и т.п.

Методологическая триангуляция *– комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводящее к соединению преимуществ обоих методологий, и как следствие – - получению более надежных данных. Под триангуляцией подразумевают термин, используемый в навигации и геодезии, описывающий технику построения третьей точки на основе двух известных, «один из методов, определения геодезических пунктов, служащих исходными ориентирами при топографической съемке и других геодезических работах» [Словарь иностранных слов, с. 506]. Впервые по отношению к методологии психологического исследования данный термин был использован Д. Кэмпбеллом [1959]. В современной психологии под триангуляцией понимается «использование данных из различных источников, различными методами сбора данных и различными исследователями, по возможности всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью».*

Номотетика *– общее, универсальное, присущее всем людям. Традиционный позитивистский, объективистский подход к исследованию психологической феноменологии, ориентированный на нахождение универсальных свойств, качеств, черт характеризующих личность и ее поведение. Примерами такого рода подхода являются различные факторные теории, пытающиеся определить универсальные характеристики личности, выступающие в качестве своеобразных сопоставительных шкал.*

Этноцентризм *– понятие, используемое в кросс-культурной психологии для обоснования неадекватности англосаксонских эталонов, доминирующих в психологическом тестировании, по отношению к другим культурам, т.к. эти эталоны исходно навязывают другим культурам критерии, которые могут быть в них просто не представленными.*

Вопросы для обсуждения

1. Каковы исторические причины дискуссий по проблеме метода в социальной психологии?
2. Каковы отличительные особенности количественных и качественных методов в социально-психологических исследованиях?
3. В чем специфика и ограничения экспериментального метода в социально-психологическом исследовании?
4. В чем причина неудовлетворенности позитивистскими основаниями методов социально психологических исследований?
5. Какая альтернатива предлагается представителями гуманитарной

парадигмы в отношении социально-психологических исследований? В чем ограничения предлагаемых сторонниками гуманитарной парадигмы решений?
6. Каковы особенности сравнительных исследований в социальной психологии?
7. В чем особенности кросс-культурных исследований в социальной психологии?
8. Какие методы наиболее часто используются в рамках социально-конструктивистского подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
9. В чем особенности подхода методологической триангуляции к изучению социально-психологических явлений?

Задания для самостоятельной работы

1. Проведите сопоставительный анализ возможностей и ограничений количественных и качественных методов в социальной психологии.
2. Приведите доводы в защиту объективистского подхода с позиций позитивистской методологии в отношении методов социально-психологических исследований.
3. Сформулируйте критические замечания в отношении предлагаемого представителями гуманитарной парадигмы решения проблемы метода в социальной психологии.

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: КСП, 2000.
2. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал, 1993, Т. 2, с. 113 – 126.
3. Лаак Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Вороне: НПО «МОДЭК», 1996.
4. Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – СПб: Речь, 2003. – 440 с..
5. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СП б: Изд-во «Питер», 2000.
6. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб: Речь, 2003.
7. Собчик Л.Н. Диагностика психологической совместимости. – СПб: Речь, 2003.
8. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. Руководство по репертуарным личностным методикам. – М.: Прогресс, 1987.
9. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании: Учеб. по-

собие. Ч. 1. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. – М.: ВЛАДОС, 1995.

10. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб: Речь 2003.
11. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Основной источник

1. Прикладная социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Вороне: НПО «МОДЭК», 1998.

.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абульханова–Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы. - Иностранная психология, том 1, № 2, 1993, с. 9–23.
3. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998. – 312 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: МГУ, 1994. – 415 с.
5. Андреева Г.М. К истории становления социальной психологии в России // Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 4, с. 6–16.
6. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной психосемантики. – М.: Смысл, 1999.
7. Асмолов А.Г. Историко–эволюционный подход к пониманию личности: Проблемы и перспективы исследований // Вопросы психологии, 1986, № 1, с. 28–40.
8. Асмолов А.Г. Культурно–историческая психология и конструирование миров. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 728 с
9. Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии. // Вопросы психологии, 1999, № 1, с. 3–12.
10. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Навукова думка, 1994.
11. Белоус В.В. Принцип многомерности как фактор развития теории интегральной индивидуальности // Психологический журнал, 1999, Т. 20, № 6, с. 97–103.
12. Берков В.Ф. Логика научного познания. Учебное пособие. – Мн.: АУ, 2000. – 168 с.
13. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
14. Богомолова Н.Н., Стефаненко Н.Г. Контент-анализ. – М.: МГУ, 1992. –40 с.
15. Боринг Э.Г. История интроспекции // История психологии (10–ые – 30–ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: МГУ, 1992, с. 20–46.
16. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии, 1997, № 5, с. 3–19.
17. Брушлинский А.В. Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и С.Л. Франк // Психологический журнал, 1999, Т. 20, № 6, с. 6–12.

18. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь–справочник по психологической диагностике. – Киев: Наук. Думка. – 197 с.
19. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. / Общ. ред. И.Б. Новика, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
20. Василюк Ф.Е. К проблеме единства общепсихологической теории // Вопросы философии, 1986, № 10, с. 76–87
21. Введение в практическую социальную психологию. Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. – 2-е исправленное изд. – М.: Смысл, 1996. – 373 с.
22. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.
23. Гадамер Х.–Г. Актуальность прекрасного: Пер. с англ. / Под ред. В.С. Малахова. – М. Искусство, 1991. – 367 с
24. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.; Прогресс, 1988. – 704 с.
25. Гальперин П.Я. Письмо А.Н. Леонтьеву // Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 3, с. 3–7.
26. Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии // Вестник Моск. Ун-та, 1997, № 3, с. 12–21.
27. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента: Уч. пос. Пер. с англ. – М.: МГУ, 1982. – 464 с.
28. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология // Логос, 1993, № 3, с. 62–81
29. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии, 1992, № 7, с. 136–176.
30. Джемс В. Научныя основы психологiи. – С.-Петербутгская Электропечатня. 1902. – 370 с.
31. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
32. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии, 1977, №7, с. 109–125.
33. Карандашев Ю.Н. Психология развития: часть вторая: общая теория систем. – Минск: БГПУ, 1997. – 224 с
34. Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки № 8, 1990, с. 64–74.
35. Киркегор С. Заключительное ненаучное послесловие // От Я к Другому. Сб. переводов. – Минск: Менск, 1997, с. 7–28.

36. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование. – Киев: ПАН ЛТД., 1994. – 283 с.;
37. Климов Е.А. О соотношении некоторых отраслей психологии и возможных "пограничных спорах". //Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1999, № 3, стр. 3–15.
38. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. // Вопросы психологии. – 1987, № 3, – с. 41–49.
39. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с
40. Коул М. Культурно–историческая психология: наука будущего: Пер. с англ. / Под. Ред. Н.Н. Корж, О.В. Квасовой. – М.: Когито–Центр, Институт психологии РАН, 1997. – 432 с
41. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал, 1993, Т. 2, с. 113–126.
42. Крон Г. Исследование сложных систем по частям: диакопика: Пер. с англ. / Под ред. А.В. Баранова. – М.: Наука, 1972. – 542 с
43. Крымский С.Б. Истина и мнение // Философские науки, № 10, 1990, 73–77.
44. Куайн В. Онтологическая относительность. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1999, с. 40–61.
45. Кудряшов А.Ф. Онтология. Методология. Неогеоцентризм. – СП б.: Петрополис, 1993. – 160 с.
46. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
47. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996, с. 61-82.
48. Лаак Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов. – М.: Издательство "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996. – 384 с.;
49. Лаудан Л. Наука и ценности. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996, с. 295–342.
50. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии

(10–ые – 30–ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: МГУ, 1992. – 364 с. – С. 47–78.
51. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
52. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003.
53. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
54. Лефевр В.А. От психофизики к моделированию души // Вопросы философии, 1990, № 7, с. 25–31.
55. Лефевр В.А. Формула человека: контуры фундаментальной психологии. – М.: Прогресс, 1991. – 107 с.
56. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
57. Магнуссон Д. Назад к феноменам // Иностранная психология, 1994, Т. 2, № 1 (3), с. 5–11.
58. Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982.
59. Магнуссон Д. Назад к феноменам // Иностранная психология. – 1994. – Т. 2. – № 1 (3). – с. 5–11.
60. Майданов А.С. Искусство открытия: методология и логика научного поиска. – М.: Репро, 1993. – 175 с.
61. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991, с. 8–21.
62. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Человек в системе наук – М.: Наука, 1989, с. 317–331.
63. Марсель Г. К трагической мудрости и за её пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991, с. 352–365.
64. Майерс Д. Социальная психология / Перев. с англ. – СП б.: Питер, 1996. – 684 с.
65. Меркулов В.Л. Об объективных и субъективных факторах восприятия научного открытия // Научное открытие и его восприятие. – М.: Наука, 1971. – с. 236–246.
66. Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989. – 280 с.;
67. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты — М.: Международный институт Бизнеса и управления, 1996, с. 213–221
68. Мид М. Культура и мир детства: Пер. с англ. / Под ред. И.С Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с
69. Митькин А.А. На пути к системной психологии развития // Психологический журнал, 1997, № 3, с. 3–12.

70. Ньютон-Смит В. Рациональность науки / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996, с. 246–295.
71. Общая психодиагностика. Под ред. Бодалева А.А., Столина В.В. – М.: МГУ, 1987. – 304 с.
72. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 348 с.
73. Патнем Х. Введение к книге «Реализм и разум». / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996, с. 209–220.
74. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113-121.
75. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. – Ростов–на–Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 416 с.
76. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 2. – Ростов–на–Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 416 с.
77. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов–на–Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.
78. Поппер К. Реализм и цель науки. / В кн.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996, с. 92–106.
79. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX – XX веков. – Иваново, Изд-во ИвГУ, 1994. – 367 с.
80. Порус В.Н. Искусство и понимание: сотворение смысла / Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Наука, 1990, стр. 256–277.
81. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
82. Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности. – Вопросы психологии, 1984, N3, с.151–158.
83. Практикум по психодиагностике. Дифференциальная психометрика. Под ред. Столина В.В., Шмелева А.Г. – М.: МГУ, 1984. – 224 с.
84. Прикладная социальная психология. / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998. – 688 с.
85. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Я. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

86. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995. – 416 с.
87. Розин В.М. Проблема целостного изучения человека // О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991, с. 80–99.
88. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. / Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. У.Н. Емельянова, В.С. Магуна – М.: Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
89. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. / Труды д. чл. и чл.– кор. АПО СССР. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
90. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. / Труды д. чл. и чл.–кор. АПО СССР. Т. 2. — М.: Педагогика, 1989. – 328 с
91. Сартр Ж.П. Экзистенциализм –это гуманизм // Сумерки Богов. – М.: Политиздат, 1990, с. 319–344.
92. Секун В.И. Психология активности. – Минск: Адукацiя i выхаванне, 1996. – 280 с.
93. Славская А.Н. Интерпретация как предмет психологического исследования. // Психологический журнал, 1994, № 6, с. 78–88.
94. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для Вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. –384 с.
95. Словарь иностранных слов. – 10-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – 608 с.
96. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. –256 с.
97. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. – 400 с.
98. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. – М.: Педагогика, 1980 – 174 с.
99. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. // Вопросы философии, 1989, № 10, с. 3–18.
100. Стёпин В.С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991, с. 138–167.
101. Фёдоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 1 Расширяющаяся Вселенная Абсолюта. – Новосибирск: Наука. 1995. – 400 с.
102. Федотова В.Г. Истина и правда в повседневности // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Наука, 1990, с. 175–209.
103. Фейерабенд П. Избранные труды по философии и методологии науки: Переводы с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

104. Философия, естествознание, современность: (итоги и перспективы исследований. 1970–1980 гг.) / Под общ. Ред. И.Т. Фролова и Л.И. Грекова. – М.: Мысль, 1981. – 351 с.
105. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.
106. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
107. Франкл В. Человек в поисках смысла: Пер. с англ. / Под ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с
108. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. – М.: Прогресс, 1987. –236 с.
109. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. В З. Фрейд «Психоаналитические этюды». – Мн.: Беларусь, 1991. – 606 с.
110. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // От Я к Другому: Сб. переводов. – Минск: Менск, 1997, с. 99–129
111. Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. - 464 с.
112. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. – М.: КСП+, 1997. – 719 с.
113. Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10–х годов – середина 30–х годов XX в.) / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. –296 с.
114. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СП б.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
115. Чайковский Ю.В. Наука о разнообразии. // Химия и жизнь, 1989, № 2, с. 64–77.
116. Чайковский Ю.В. Познавательные модели. // Знание-сила. 1993. № 4, с. 105–111.
117. Чайковский Ю.В. Разнообразие и случайность. // Методы научного познания и физика. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
118. Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. – М: Наука, 1990. – 272 с.
119. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: КСП+, 1999. – 420 с.
120. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику. - М.: МГУ, 1983.
121. Шоттер Д. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107-117.
122. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.
123. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967.

124. Юревич А.В. «Онтологический круг» и структура психологического знания // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1, с. 17–29.
125. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопр. психол. – 1999. № 2. с.14–23
126. Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопр. филос. 1998, № 1, с. 17–29.
127. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 5-18.
128. Янчук В.А. (Ред.) Диагностика: методологические, психолого-педагогические, управленческие аспекты. – Минск: ИПК и П РРСО, 1994. – 160 с.
129. Янчук В.А. Психологические ограничения интерпретационных возможностей компьютерных методов психодиагностики. // Материалы выставки – семинара, «Компьютерная психодиагностика» Минск, Беларусь, 1–2 октября 1997 г. – Мн.: Белорус. гос. ун-т,1997, с. 9–13.
130. Янчук В.А. Психология в поисках парадигм, способа теоретизирования и метода исследования. // Вышэйшая школа, 1999, №1, с. 3–10.
131. Янчук В.А. Психология на рубеже третьего тысячелетия - в поисках методологических оснований развития. // Адукацыя і выхаванне, 1999, № 3–4, с. 32–39;
132. Янчук В.А. Психология на рубеже третьего тысячелетия - поиски парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования. // Адукацыя і выхаванне, 1999, № 8. – с. 30–40.
133. Янчук В.А. Л.С. Выготский и актуальное проблемное поле современной социальной психологии и персонологии. / В сб.: Актуальные проблемы деятельности практических психологов (в свете идей Л.С. Выготского): Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14-15 дек. 1999 г.: в 2 ч. – Мн.: БГПУ им. М. Танка, 1999. – Ч. 1, с. 16–21.
134. Янчук В.А. Введение / Психодиагностический практикум по прикладной педагогической психологии: Учебно-методическое пособие для практических психологов системы образования. – Минск: АПО, 1999, с. 6–9.
135. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.
136. Янчук В.А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности: Сб. научн. трудов / Под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. С. 175-201.
137. Ярошевский М. Г. История психологии – М.: Мысль, 1985. – 575 с.
138. Ярошевский М. Г. Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии, 1983, № 10, с. 49–61.

139. Achinstein, P. Laws and Explanation. New York: Oxford University Press, 1971. – 168 p.
140. Achinstein, P. The nature of explanation. – NY: Oxford University Press, 1983. – 385 p.
141. Adler, P. and Adler P.A. Symbolic interactionism. / In Douglas, J.D. etc. (eds.). Introduction to the Sociologies of Everyday Life. – Boston: Allyn and Bacon, 1980б pp. 123-178.
142. Agger B. Critical theory, poststructuralism, postmodernism: Their sociological relevance // Annual Review of Sociology, 1991. V. 7, pp. 105—131.
143. Allen B.P. Personality theories: Development, growth and diversity. 2nd ed. – Needham Heights, MA: Allyn and Bacon, 1997. –540 p.
144. Andersen, P.A. The Trait Debate: A Critical Examination of the Individual Differences Paradigm in Communication Sciences. / In: Progress in Communication Sciences, Eds. B. Dervin and B.J. Voight. – Norwood, NJ: Ablex, 1986, pp 73–98.
145. Anderson, J. R. The architecture of cognition. - Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – 345 p.
146. Antaki C. Analyzing everyday explanation: A casebook of methods. – London: Sage, 1988. – 232 p.
147. Arlow, J. The concept of psychic reality and related problems. // Journal of the American Psychoanalytic Association, 1985, Vol. 33, pp. 521–535.
148. Ashmore R.D. Sex, gender and individual / In: L.A. Pervin (Ed.) Handbook of personality: Theory and research. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 486–526.
149. Augustinos M., Walker I. Social cognition: An integrated introduction. – London: Sage Publication, 1996. – 346 p.
150. Bachman J.G., O'Malley P.M. Self-esteem in young men: A longitudinal analysis of the impact of educational attainment. // Journal of Personality and Social Psychology, 1977, Vol. 35, p.365–380.
151. Baudrillard J. For a Critique of the political economy of the sign. – St. Louis: Telos, 1981.
152. Baudrillard J. Simulations. – NY: Semiotext (e), 1983.
153. Bandura A. Influence of models' reinforcement contingencies on the acquisition of imitative responses. // Journal of Personality and Social Psychology, 1965, 1, pp. 589–595.
154. Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986. –650 p.
155. Barnes, B. On the conventional character of knowledge and cognition. In K. D. Knorr-Cetina & M. Mulkay (Eds.), Science observed: Perspectives on the social study of science. – Beverly Hills: Sage, 1983, pp. 19–51.

156. Bavelas J.B. Quantitive versus qualitative? / In: W. Leeds-Hurwitz (Ed.), Social approaches to communication. – NY: Guilford Press, 1995, pp. 49–62.
157. Becker, H., Geer, B., Hughes, E. and Strauss, A. Boys in White: student culture in medical school. – New Brunswick, N.J. : Transaction Books, 1984. – 456 p.
158. Bell J. Evaluating psychological information: Sharpening your critical thinking. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 64 p.
159. Benedict R. Patterns of Culture. – Boston: Houghton Mifflin, 1934. – 290 p.
160. Berkowitz, L., Donnerstein, E. External validity is more than skin deep: Some answers to criticisms of laboratory experiments. // American Psychologist, 1982, 37, 245–257.
161. Bhaskar R. Reclaiming reality: A critical introduction to contemporary philosophy. – London: Verso, 1989. – 218 p.
162. Blaikie N.W.H. A critique of the use of triangulation in social research // Quality and Quantity, 1991, Vol. 25, pp. 115–136.
163. Blackborn, S. The Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1996. – 418 p.
164. Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969. – 208
165. Bochner, A.P. Perspectives on inquiry: representation, conversation and reflection. // M.L. Knapp (Ed.), Handbook of interpersonal communication. – Beverly Hills: Sage Publications, 1985, pp. 27–58.
166. Boyd R. Metaphor and theory change: What is "metaphor" a metaphor for? In A. Ortony (Ed.), Metaphor and thought – NY: Cambridge University Press, 1979, pp. 356–408.
167. Boyd R., P. Gasper J.D. Trout. (Eds.). The philosophy of science. – Cambridge. MA: MIT Press, 1991. – 800 p.
168. Bradley J. Methodological issues and practices in qualitative research // library Quarterly, 1993, Vol. 63, pp. 431–449.
169. Brannigan, A. The social basis of scientific discoveries. – New York, NY: Cambridge University Press, 1981. – 212 p.
170. Brannon L. Gender: Psychological perspectives. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 528 p.
171. Breitmayer, B.J. Triangulation in Qualitative Research: Evaluation of Completeness and Confirmation Purposes. // IMAGE: Journal of Nursing Scholarship, 1993, Vol. 25, no 3, p. 235–57.
172. Brennan, J.F. History and systems in psychology. 4 th ed. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1994. – 398 p.

173. Brinberg, D., McGrath, J.E. Validity and Research Process. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1985. – 346 p.
174. Brody N., Ehrlichman H. Personality psychology: Science of individuality. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1998. – 640 p.
175. Brunner J. Acts of meaning. – Cambridge: Harvard University Press. 1990.
176. Brush, S.G. Should the History of Science be Rated X? // Science, 1974, Vol. 183, pp. 1164–1172.
177. Bryman, AA. Quantity and quality in social research. – London: Unwin Hyman, 1988. –440 p.
178. Bunnin, N. Tsui-James, E.P. The Blackwell Companion to Philosophy. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 786 p.
179. Campbell, D.T., Fiske, D.W. Convergent and discriminant validation by the multi-trait-multi-method matrix. // Psychological Bulletin, 1959, Vol. 56, pp. 81–105.
180. Caracelli, V.J., Greene, J.C. Data Analysis Strategies for Mixed-Method Evaluation Designs. // Educational Evaluation and Policy Analysis, 1993, no 15(2). – pp 191 210.
181. Caracelli V.J., Green J.C. Crafting mixed-method evaluation design / In: J.S. Greene and V.J. Caracelli (Eds.) Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating divers paradigms. // New directions for Program evaluation, no 74. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997, pp. 19–32.
182. Carver C.S. Emergent integration in contemporary psychology // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 319–334.
183. Chafetz, J.S. A Primer on the Construction and Testing of Theories in Social Psychology. – Itaksa, Ill.: F. E. Peacock Publishers, 1978. – 132 p.
184. Chaiklin S. From theory to practice and back again: What does postmodern philosophy contribute to psychological science? / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 194–208.
185. Chalmers A.F. Science and it’s fabrication. – Milton: Open University Press, 1990. – 142 p.
186. Chaplin, J.P. and Krawiec, T.S. Systems and Theories of Psychology. 4th ed. – NY: Holt, Rinehart & Winston, 1979. – 320 p.
187. Chenail, R. J. Qualitative research: Central tendencies and ranges. // AFTA Newsletter, 1992, Spring, pp. 43–44.
188. Clark-Carter D. Doing Quantitative research: From design to report. – Hove, East Sussex: Psychology Press, 1998. – 666 p.
189. Clarkson, P. The eclectic and integrative paradigm: between Scylla of confluence and the Charibdis of confusion. // R. Woolfe and W. Dryden

(Eds.), Handbook of counselling psychology. – London: Sage Publications, 1996, 258–283;

190. Clement, J. Analogy generation in scientific problem solving. Proceedings of the Third Annual conference of the cognitive science society. – Berkeley, Ca., 1981, pp.137–140.
191. Cloninger S.C. Theories of personality: Understanding persons. – London: Prentice Hall, 1999. – 568 p.
192. Coats, E.J. Classic and contemporary readings in social psychology. – London: Prentice Hall, 1998. – 292 p.
193. Coleman, J. Foundations of social theory. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1994. – 993 p.
194. Collins, H. M. Changing order: Replication and induction in scientific practice. – Beverly Hills: Sage, 1985. – 187 p.
195. Cook T.D. Postpositivist critical multiplism / In R.L. Schotland and M.N. Mark (Eds.), Social science and social policy. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1985, pp. 21–62.
196. Coolican, H. Research methods and statistics in psychology. 7th ed. – London: Hodder & Stoughton, 1998. – 499 p.
197. Corner, J. In search of more compete answers to research questions. Quantitative versus qualitative research methods: is there a way forward? // Journal of Advanced Nursing, 1990, no 16, pp. 718–727.
198. Costner, H.L. and Leik, R.K. Deductions from Axiomatic Theory // American Sociological Review (December 1964), pp. 819–835.
199. Coward R., Ellis J. Language and materialism: Developments in semiology and the theory of the subject. – London: RKP, 1977.
200. Cranach M. The knowledge of social system / In U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 15–40.
201. Darden, L. Reasoning to new theories: Analogies, interfiled connections and abstract theory types. In D. M. De Luca (Ed.), Essays on creativity and science. – Honolulu, HA: Hawaii Council of Teachers of English, 1986, pp. 25 – 30.
202. De Mey, M. The cognitive paradigm : an integrated understanding of scientific development. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – 314 p.
203. De Mey, M. The cognitive paradigm: cognitive science, a newly explored approach to the study of cognition applied in an analysis of science and scientific knowledge. – Boston: Reidel Publishing, 1982. – 314 p.
204. Denzin, N., Lincoln Y. (Eds.) The handbook of qualitative research. – Newbury Park, CA: Sage, 1994. – 460 p.

205. Denzin N.K., Lincoln Y.S. Introduction: Entering the field of qualitative research. / In: Denzin, N. And Y. Lincoln (Eds.) The handbook of qualitative research. – Newbury Park, CA: Sage, 1994, pp. 1–17.
206. Derrida J. Writing and difference. – Chicago: University of Chicago Press, 1978.
207. Derrida J. Positions. – Chicago: University of Chicago Press, 1981.
208. Dervin, B. From the mind's eye of the user: The sense-making qualitative-quantitative methodology. / In J.D. Glazier and R.R. Powell, Qualitative Research in Information Management. – Englewood, CO: Libraries Unlimited, 1992, pp. 61–84.
209. Dervin, B. Users as research inventions: How research categories perpetuate inequities. // Journal of Communication, Vol. 39, pp. 216–232.
210. Devalle D. Forms of life: science and social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 115–142.
211. Doise W., Mugny G., Perez J. -L. / In U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 77–90.
212. Donaldson M. Human minds: An exploration. – Harmondsworth: Allen Lane, 1992. – 234 p.
213. Dooley D. Social research methods. – London: Prentice Hall, 1995. – 448 p.
214. Duck S. Meaningful Relationships: Talking, sense, and relating. – London: Sage Publications, 1994. – 208 p.
215. Duffy, M.E. Methodological Triangulation: A Vehicle for Merging Quantitative and Qualitative Research Methods. // IMAGE: Journal of Nursing Scholarship. – 1987, no 19(3). – pp. 130–133.
216. Dweck C.S. Capturing the dynamic nature of personality // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 348–362.
217. Eco, U. Horns, Hooves, Insteps: Some hypothesis on three types of abduction. / In Sebeok, Th. Eco, U. (Eds.), The Sign of three: Dupin, Holmes, and Pierce. – Bloomington, 1983, pp. 65–89.
218. Ellis B.D. Truth and objectivity. – Oxford: Blackwell, 1990. – 314 p.
219. Epstein S. Recommendations of the future development of personality psychology // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 435–446.
220. Ericsson, K. A., & Simon, H. A Protocol analysis: Verbal reports as data. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. – 443 p.
221. Eysenck H.J. Biological dimension of personality / In: L.A. Pervin (Ed.) Handbook of personality: Theory and research. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 244–278.

222. Festinger L., Riecken H.W., Schachter S. When Prophecy Fails. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. – 256 p.
223. Feyerabend, P.K. Against Method. – London: Verso, 1988. – 296
224. Fiske S.T., Tailor S.E. Social cognition. – NY: Academic Press, 1991. – 480 p.*
225. Flick U. (Ed.) The psychology of the social. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 285 p.
226. Flick U. Everyday knowledge in social psychology. / In U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 41–59.
227. Flick, U. 'Triangulation revisited: strategy of validation or alternative?' // Journal for the theory of Social Behavior, 1998, Vol. 22, no. 2, pp. 157–197.
228. Ford, J.E. Systematic Pluralism: Introduction to Issue.// The Monist, 1990, 73, pp. 335–349.
229. Foucault, M. The birth of the clinic; an archaeology of medical perception. Translated from the French by A. M. Sheridan Smith. [1st American ed.] – NY: Pantheon Books, 1973. – 215 p.
230. Foucault M. The order of things. – NY: Pantheon, 1970.
231. Foucault M. The archeology of knowledge. – NY: Harper & Row, 1976.
232. Fraenkel P. Commentary: The nomothetic-ideographic debate in family therapy // Family Process, 1995, Vol. 34, no 2, pp. 113–121.
233. Frager R., Fadiman J. Personality and personal growth. – London: Prentice Hall, 1998. – 576 p.
234. Franklin, C.W. Theoretical perspectives in social psychology. – Boston: Little, Brown and Company, 1982. – 366 p.
235. Freedman E.G. Understanding scientific discourse: A strong programme for the cognitive psychology of science // Theory and Review in Psychology, 1996, Vol.1, pp. 1–10.
236. Freedman, E. G. Understanding scientific controversies from a computational perspective: The case of latent learning. / In R. Giere (Ed.), Cognitive Models of Science: Minnesota Studies in the Philosophy of Science, (Volume XV) Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1992, pp. 310–337.
237. Freedman, E. G., Smith, L. D. The role of theory and data in covariation assessment: Implications for the theory-leadenness of observation. // Journal of Mind and Behavior, 1996, Vol. 17, 321–343.
238. Freedman H., Schustack M. Personality: Classic theories and modern research. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 566 p.
239. Freeman M. Theory beyond theory // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, N 1, pp. 71–78.

240. Freese, L. And Roceach, M. On the Use of Alternative Interpretation in Contemporary Social Psychology. // Social Psychology Quarterly, 1979, Vol. 42, no. 3, pp. 195–201.
241. Friedman H., Schustack M. Personality: Classic theories and modern research. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 566 p.
242. Gentner, D. Are scientific analogies metaphors? / In D. S. Mial (Ed.), Metaphor: Problems and Perspective. – Brighton, England: Harvester Press Ltd, 1982, pp. 106–132.
243. Gentner, D. Structure mapping: A theoretical framework for analogy. Cognitive Science, 1983, Vol. 7, 155–170.
244. Gergen, K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology. // American Psychologist, 1980, Vol. 40, pp. 266–275.
245. Gergen, K.J. Toward a postmodern psychology. / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 17–30;
246. Gergen, K.J. Toward Transformation in Social Knowledge. – London: Sage Publications, 1994. – 260 p.
247. Gergen K.J. [Ed.]. Refiguring self and psychology. – Aldershot: Dartmouth, 1993. – 267 p.
248. Gergen, K.J., Gergen, M. M. Explaining Human Conduct: Form and Functions / In Explaining Human Behaviour: Consciousness, Human Action, and Social Structure, Tl.P.F. Secord. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1982, pp. 127–154;
249. Gergen, K.J., Gergen M.M. Narrative form and the construction of psychological science / In: T.R. Sarbin (Ed.) Narrative psychology: The storied nature of human conduct. – NY: Praeger, 1986, pp. 22–44.
250. Gergen, K.J., Gergen M.M. Historical social psychology. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. – 409 p.
251. Gergen K.J., Gergen M.M. Toward a Cultural Constructionist psychology // Theory and Psychology, 1997. V. 7, pp. 31-36.
252. Gergen M.M. (Ed.) Feminist thought and the structure of knowledge. – NY: New York University Press, 1988. – 200 p.
253. Gergen M.M., Davis S.N. (Eds.) Toward a new psychology of gender. – NY: Routledge, 1997. – 626 p.
254. Gilbert G.N., Mulkay M. Opening Pandora's box: A sociological analysis of scientists' discourse. – NY: Cambridge University Press, 1984. – 202 p.
255. Glaser, B.G. Emergence vs. forcing: basics of grounded theory analysis. – Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992. – 129 p.
256. Glaser, B. G., Strauss, A. L. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. – NY: Aldine De Gruyter, 1967. – 271

257. Corbin J., Strauss A. Grounded theory research: Procedures, canons, and evaluative criteria. // Qualitative sociology, 1990, No. 13, pp. 3–21.
258. Gorman, M. E. How the possibility of error affects falsification on a task that models scientific problem solving // British Journal of Psychology, 1986, Vol. 77, pp. 85–96.
259. Gorman, M. E., Strafford, A. Disconfirmation and dual hypotheses on a more difficult version of Watson [1913]'s 2–4–6 task. // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1987, Vol. 39a, pp. 1–28.
260. Graesser, A. C., Clark, L. F. Structures and procedures of implicit knowledge. – Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1985. – 326 p.
261. Graumann C.F., Gergen K.J. (Eds.) Historical dimensions of psychological discourse. – NY: Cambridge University Press, 1996. – 284 p.
262. Graumann C.F. Introduction to history of social psychology. / In Hewstone M., Stroebe W., Stephenson G.M. [Eds.] Introduction to social psychology. 2nd ed. – London: Blackwell Publishers, 1996, pp.3–23.
263. Greene, J.C., Caracelli, V.J. Defining and describing the paradigm issue in mixed-method evaluation / In: J.S. Greene and V.J. Caracelli (Eds.) Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating divers paradigms. New directions for Program evaluation, no 74. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997, pp. 5–18.
264. Greenwood J.D. Explanation and experiment in social psychological science: Realism and the social constitution of action. – NY: Springer-Verlag, 1989. – 260 p.
265. Griggs R. A., Randsell S. E. Scientists and the selection task. // Social Studies of Science, 1986,16, 319–330.
266. Grunbaum A. Precis of The foundation of psychoanalysis: A philosophical critique. // Behavioral and Brain sciences, 1986, Vol. 9, pp. 217–284.
267. Grunbaum A. The foundation of psychoanalysis: A philosophical critique. – Berkeley: University of California Press, 1984. – 230 p.
268. Guba E. The paradigm dialog. – Beverly-Hills, CA: Sage Publications, 1990. – 424 p.
269. Guerriere D. «Physis, Sophia, Psyche», In J. Sallis and K. Maly (eds.), Heraclitean Fragments: A Companion Volume to the Heidegger / Fink Seminar on Heraclitus. – Alabama, CA: University of Alabama Press, 1980, pp. 78–102.
270. Habermas J. Knowledge and Human Interests. – Boston: Beacon Press, 1971. – 356 p.
271. Hall, C., S., Lindsey, G. Theories of Personality. – NY: Wiley & Sons, 1998. – 740 p.
272. Harre R. Personal Being. – Cambridge, MA; Harvard University Press, 1984. – 299 p.

273. Harre R. Physical Being. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 265 p.
274. Harre R. Social being. 2nd ed. – Oxford, UK: Blackwell, 1993. – 288 p.
275. Harre R. The philosophies of science. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 203 p.
276. Harre R. An introduction to the logic of the sciences. – 2nd ed. London : Macmillan, 1983. – 182 p.
277. Harre R. The principles of scientific thinking. – London, Macmillan, 1970. – 324 p
278. Harre R. Varieties of Realism. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 214 p.
279. Harre, R. The positivist-empiricist approach and its alternative. // Reason, R., and Rowan, J. (Eds.) Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. – Chichester: Wiley, 1981, pp. 20–48.
280. Harre R The epistemology of social representations / In U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 129–137.
281. Harre R. An outline of the main methods for social psychology / In: Hayes, N. (Ed.) Doing qualitative analysis in psychology. 2nd ed. – Hove, East Sussex: Psychology Press, 1998, pp. 17–38.
282. Harre R. The discursive mind. – Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1994. – 192 p.
283. Harre R. An introduction to the logic of the science. – NY: St. Martin's Press, 1983. – 182 p.
284. Harre R. Laws of nature. – London : Duckworth, 1993. – 128 p.
285. Harre R. The method of science. – London: Wykeham, 1970. – 123 p.
286. Harre R. Varieties of theorizing and the project of psychology // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, N 1, pp. 57–62.
287. Harre R., Lamb R. (Eds.) The Encyclopedic dictionary of psychology. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1983. – 718 p.
288. Harre, R., Langenhove L. Rethinking methods in psychology. – London: Sage Publications, 1995. – 214 p.
289. Harre, R., Langenhove L. Rethinking psychology. – London: Sage Publications, 1995. – 246 p.
290. Harre, R., Langenhove, L. Positioning theory. – London: Blackwell Publishers, 1999. – 216 p.
291. Harre R., Secord P. The explanation of social behavior. – Oxford, Blackwell, 1972. – 327 p.
292. Harre R, Stearns P. Discursive psychology in practice. – London: Sage Publications, 1995. – 221 p.
293. Hayes, N. (Ed.) Doing qualitative analysis in psychology. 2nd ed. – Hove, East Sussex: Psychology Press, 1998. – 295 p.

294. Hayes N. Principles of social psychology. – Hove: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – 168 p.
295. Heather N. Radical Perspectives in Psychology. – London: Methuen, 1976. – 206 p.
296. Heelan P. A. Towards a hermeneutics of natural science // The journal of British Society for phenomenology. – 1972, Vol. 3, pp. 252–285.
297. Heider F. The psychology of interpersonal relations. – NY: Wiley, 1958. – 420 p.
298. Hesse, M. B. Models and analogies in science. – Notre Dame, IN.: University of Notre Dame Press, 1966. – 184 p.
299. Hewstone M., Stroebe W., Stephenson G.M. [Eds.] Introduction to social psychology. 2nd ed. – London: Blackwell Publishers, 1996. – 698 p.
300. Hinds, P., Young, K. A Triangulation of Methods and Paradigms to Study Nurse-Given Wellness Care. // Nursing Research, 1987, Vol. 36, no 3, pp. 184–202.
301. Hogg M.A., Vaughan G.M. Social psychology: An introduction. – London: Prentice Hall, 1995. – 663 p.
302. Hollis, M. Philosophy of Social Science. / In N. Bunnin and E.P. Tsui-James. The Blackwell Companion to Philosophy. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996, pp. 359–387.
303. Hollway W. Subjectivity and method in social psychology: gender, meaning, and science. – London: Sage Publications, 1989. – 150 p.
304. Hoover K.R. The Elements of Social Scientific Thinking. 2nd ed. – NY: St. Martin’s, 1980. –164 p.
305. House, J.S. “The Three Faces of Social Psychology, // Sociometry, 1977, Vol. 40, no. 2, pp. 161–177.
306. Hothersall D. History of psychology. – NY: McGraw-Hill, 1995. – 610 p.
307. John O.P. The “Big five” factor taxonomy: dimensions of personality in the natural language and in questionnaires // L. Pervin (Ed.), Handbook of personality: theory and research. – NY: The Guilford press, 1990. P. 66-100.
308. Jones I. Mixing Qualitative and Quantitative Methods in Sports Fan Research. // The Qualitative Report, 1997, Vol. 3, no 4. — December. – http://www.nova.edu/ssss/QR/QR3-4/jones.html.
309. Kendler H.H. Historical foundations of modern psychology. – Pacific Grove, Calif.: Brooks-Cole, 1987. – 477 p.
310. Kenrick, D., Neuberg, S. and Cialdini, R. Social psychology: Unraveling the mystery. – NY: Allyn & Bacon, 1999. – 648 p.
311. Kern, L. H., Mirels, H. L., and Hinshaw, V. G. Scientists' understanding of propositional logic: An experimental investigation. // Social Studies of Science, 1983, Vol. 13, pp. 131–146.

312. Kincheloe, J.L., McLaren P.L. Re-thinking critical theory and qualitative research. / In Denzin and Lincoln “The Handbook of qualitative research”, – London: Sage Publications,1994, pp. 138–157.
313. King, A. The lads: Masculinity and the new consumption of football. // Sociology,1997, Vol. 31, no. 2, pp. 329–346.
314. Kline, P. Grunbaum’s philosophical critique of psychoanalysis: Or what I don’t know isn’t knowledge. Behavioral and Brain Sciences, 1986, Vol. 9, pp. 245–246.
315. Kockelmans J.J. [Ed.]. Phenomenological psychology: The Dutch school. – Dordrecht: Nijhoff, 1987. – 255 p.
316. Korn, J.H. Illusions of reality: A history of deception in social psychology. – NY: State University of New York Press, 1997. – 256 p.
317. Kuhn, T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1970. – 210 p.
318. Kuhn, T.S. Second Thought Paradigms. / In: Suppe, F. (Ed.), The Structure of Scientific Theories. – London: University of Illinois Press, 1974, pp. 459–482.
319. Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997. – 230 p.
320. Kvale S. Introduction: From the archeology of the psyche to the architecture of cultural landscapes / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 1–16.
321. Kvale S. Postmodern psychology: A contradictions in terms? / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 31–57.
322. Lakatos, I. The methodology of scientific research programs. – NY: Cambridge University Press, 1978. –250 p.
323. Laljee M. The interpreting self: an experimentalist perspective / In Stevens R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996, pp. 89–146.
324. Lamiell J.T. ‘Nomothetic’ and ‘idiographic’: Contrasting Windelband’s understanding with contemporary usage // Theory & Psychology Journal, 1998, Vol. 8, N 1, pp. 23–38.
325. Lather P. Postmodernism and human sciences / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 88–118.
326. Latour, B. Science in action: How to follow scientists and engineers through society. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. – 220 p.
327. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The construction of scientific facts – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986 – 146 p.

328. Laudan, L. Progress and its problems: Towards a theory of scientific growth. – Los Angeles: University of California Press, 1996. – 277 p.
329. Lazarus, A.A. Different types of eclecticism and integration: Let' be aware of the dangers, // Journal of Personality integration, 1995, Vol. 5, no 1, pp. 27–39.
330. Leahey, T.H. A history of modern psychology. 2th ed. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1994. – 389 p.
331. Leary D. (Ed.) Metaphors in the history of psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 383
332. Levy D. Tools of critical thinking: Metathoughts for psychology. – NY: Allyn & Bacon, 1997. – 224 p.
333. Lewin K. Field Theory in Social Science. – NY: Harper & Brothers, 1951. – 346 p.
334. Lewin K. Principles of Topological Psychology. – NY: McGraw-Hill, 1936. – 231 p.
335. Lincoln, Y. S., Guba, E. G. Naturalistic inquiry. – Beverly Hills, CA: Sage, 1985. – 186 p.
336. Littlejohn, S.W. Theories of communication. 4th edition. – Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Company, 1994. – 417 p.;
337. Lovlie L. Postmodern and subjectivity / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 119–134.
338. Luntley M. Contemporary Philosophy of Thought: Truth, World, and Content. – Oxford: Blackwell Publishers, 1999. – 398 p.
339. Lyotard, J. -F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. – Manchester: Manchester University Press, 1984. – 110 p.
340. Ma H.K. The Chinese perspective on moral judgment. // International Journal of Psychology, 1988, Vol. 23, 201–27.
341. Markova I. The individual and society in psychological theory // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 107–116.
342. Madison G.B. The hermeneutics of postmodernity: Figures and themes. – Bloomington: Indiana University press, 1990. – 206 p.
343. Mady, D. Benefits of Qualitative and Quantitative methods in program evaluation, with illustrations. // Educational Evaluation and Policy Analysis, 1982, Vol. 4, pp. 223–236.
344. Magnusson D. Personality development from interactional perspective: The need to integrate perspectives and approaches in psychology / In Pervin, L.A. (Ed.) Handbook of personality theory and research. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 195–223
345. Mahoney, M. J. Publication prejudices: An experimental study of the confirmatory bias in the peer review system. // Cognitive Therapy and Research, 1977, Vol. 1, no 2, pp. 161–175.

346. Mahoney, M. J. Scientist as Subject: The psychological imperative. – Cambridge, MA: Ballinger Publishers, 1976. – 249 p.
347. Mahoney, M. J., De Monbruen, B. G. Psychology of the scientist: An analysis of problem-solving bias. // Cognitive Therapy and Research, 1978, Vol. 1, no 3, pp. 229–238.
348. Manstead, A.S.R and Hewstone, M. (Eds.). The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology. – London: Blackwell, 1999. – 694 p.
349. Maranhoe T. Reflection, dialogue, and the subject / In: F. Steier (Ed.), Research and reflexivity. – London: Sage Publication, 1991, pp. 235–249.
350. Markowsky, B. Evolution and nebulousness in theories. // Current research in psychology, 1997, Volume 2, Number 3, pp. 23–34.
351. Markowsky, B. Theory, science, and "micro-macro" bridges in structural social psychology.// Current research in social psychology,1996, Vol. 1, no 4, pp. 30–42.
352. Maruyama, M. Beyond post-modernism: trends since 1000 years. // Cybernetica, 1997, Vol. XL, № 3, pp. 171–178.
353. Masling J. Role-related behaviour of the subject and psychologist and its effect upon psychological data. In: Levine D. (ed.) Nebraska Symposium on Motivation. – Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press, 1966, pp. 234–268.
354. May R. The discovery of being: Writings in existential psychology. – NY: Norton, 1983. – 192 p.
355. Mayer, F.S., Sutton, K. Personality: An integrative approach. – London: Prentice-Hall, 1996. – 620 p.
356. McAdams D.P. The person: An introduction to personality. – NY: Harcourt, 1994. – 798 p.
357. McAdams D.P. Alternative futures for the study of human individuality // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 374–388.
358. McClelland D.C. Does the field of personality have a future? // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 429–434.
359. McClure, J. Explanations, accounts, and illusions: A critical analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 188 p.
360. McCormac, E.R. Metaphor and Pluralism // The Monist, 1990, p. 412–432.
361. McDonagh, E. L. Attitude change and paradigm shifts: Social psychological foundations of the Kuhnian thesis. // Social Studies of Science, 1976, Vol. 6, 51–76.
362. McKinlay A., Potter J. Model discourse: Interpretative repertoires in scientists' conference talk // Social Studies Of Science, 1987, Vol. 17, pp. 443–463.

363. Mead, G.H. Mind, Self and Society. – Chicago: University of Chicago Press, 1974. – 401 p.
364. Medawar, P.B. The Limits of Science. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 108 p.
365. Michael M. Postmodern subjects: Towards a transgressive social psychology / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 74–87.
366. Michael M. Rethinking psychology and rethinking 'new-ness' // Theory and Psychology Journal, 1998, Vol. 8, N 3, pp. 423–434.
367. Miell D, Dallos R. [Eds.] Social interaction and personal relationships. – London: Sage Publications, 1996. – 380 p.
368. Miell D., Wetherell M. Doing social psychology. – London: Sage Publications, 1998. – 330 p.
369. Miller A. G. Imagery, metaphor, and physical reality. // Psychology of science: Contributions to metascience. — Cambridge, 1989, p. 326–341.
370. Miller, A. I. Imagery in scientific thought. – Boston, MA: MIT Press, 1984. – 355 p.
371. Mishel W. Introduction to personality. – NY: Harcourt, 1993. – 627.
372. Mitchell, E. Multiple Triangulation: A methodology for nursing science.// Advances in Nursing Science, 1986, Vol. 8, pp. 18–26.
373. Mitroff, I. I., Kilmann, R. H. Systematic knowledge: Toward an integrated theory of science. // Theory and Society, 1977, Vol. 4, pp. 103–129.
374. Morawski J.G. Just one more "other" psychology // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 63–70.
375. Morgan, G., Smircich L. The case for qualitative research. // Academy of management review, 1980, Vol. 5, pp. 491–500.
376. Morgan H., Thomas K. A psychodynamic perspective on group processes / Wetherell M. Identities, groups, and social issues. – London: Sage Publications, 1996, pp. 63–118.
377. Morse, J. Approaches to Qualitative-Quantitative Methodological Triangulation. // Nursing Research, 1991, Vol. 40, no 1, pp. 120–128.
378. Moscovici S. The phenomen of social representation. / In R.M. Farr and S. Moscovici (Eds.), Social Representations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 14–43.
379. Moscovici S. The history and actuality of social representations / In U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 209–247.
380. Moustakas C. Phenomenological research methods. – Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1994. – 192 p.

381. Mynatt, C. R., Doherty, M. E., and Tweney, R. D. Confirmation biases in a simulated environment: An experimental study of scientific inference // Quarterly Journal of Experimental Psychology, 1977, Vol. 29, pp. 85–95.
382. Nau D.S. Can bimodal research be a viable post-positivist tool? // The qualitative Report, 1995, Vol. 2, no 3, [On-line serial], 1997, Vol. 3, no 3, Available: http://www.nova.edu/sss/QR/QR2-3/heath.html
383. Neimeyer, R. A., Shadish, W. R., Freedman, E. G., Houts, A., & Gholson, B. A preliminary research agenda for the psychology of science. / In B. Gholson, W. R. Shadish, R. A. Neimeyer, & A. C. Houts. (Eds.), Psychology of Science: Contributions to Metascience. – NY: Cambridge University Press, 1989, pp. 429–448.
384. Nickles A. Integrating the science studies disciplines. / In S. Fuller, M. De Mey, T. Shinn, & S. Woolgar, (Eds.), The cognitive turn: Sociological and psychological perspectives on science. – Boston: Kluwer, 1989, pp. 225–256
385. Nisbet R. Ethnocentrism and comparative method. // In A. Desai (ed.) Essays on modernization of underdeveloped societies – Bombay: Thacker, 1971, Vol. 1, pp. 95 –114.
386. Norcross, J.C., and Grencavage, L.M. Eclecticism and integration in counselling and psychotherapy: major themes and obstacles / In: W. Dryden and J.C. Norcross (Eds.), Eclecticism and Integration in Counselling and Psychotherapy. – Loughton, Essex: Gale Centre, 1990, pp. 1–33.
387. Ortony, A. (Ed.) Metaphor and thought. –Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 346 p.
388. Osgood C.E. The representational model and relevant research methods. / In: Trends in content analysis. – Urbana, 1959, pp.33–88.
389. Oskamp S., Schultz W. Applied social psychology. – London: Prentice Hall, 1998. – 450 p.
390. Overton, W.F. Metaphor, recursive systems, and paradox in science and developmental theory / In P.V. Geert and L.P. Mos (Eds.), Annals of theoretical psychology, 1991, Vol. 7. – NY: Plenum press, pp. 261–277.
391. Pandit N.R. The creation of theory: A recent application of the grounded theory method. // The qualitative report, 1996, Vol. 2, no 4. [On-line serial], 1996, Vol. 2, no 4, Available: http://www.nova.edu/sss/QR/QR2-4/heath.html
392. Parker I. Discourse dynamics: Critical analysis for social and individual psychology. – London: Routledge, 1992. – 380 p.
393. Parker I., Shotter J. Deconstructing social psychology. – London: Routledge, 1990. – 249 p.
394. Patton M. Qualitative Evaluation and Research Methods. – Newbury Park: SAGE Publications, 1990. – 464 p.

395. Peplau L.A., Taylor S.E. Sociocultural perspectives in social psychology: Current readings. – London: Prentice Hall, 1997. – 411 p.
396. Pervin, L.A. (Ed) Goal concepts in personality and social psychology. – Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 1989. – 509 p.
397. Pervin, L.A. (Ed) Handbook of personality: Theory and research. – NY: Guilford Press, 1990. – 738 p.;
398. Pervin L.A. Science of personality. – NY: John Wiley & Sons, 1996. – 480 p.
399. Pervin L.A. Personality: A view of the future based on a look of the past // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 300–318
400. Pervin, L.A. Personality theories. – NY: Guilford Press, 1998. – 678 p.
401. Pidgeon N., Henwood K. Using grounded theory in psychological research. / In: Hayes N. Doing qualitative analysis in psychology. – Hove, East Sussex: Psychology Press, 1998, pp. 245–274.
402. Polanyi M. Genius in science // Encounter, 1972, Vol. 20, no 65, pp. 201–211.
403. Polkinghorne D.E. Postmodern epistemology of practice / In.: S. Kvale (Ed.), Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 146–165.
404. Potter, J. Wetherell M. Discourse and social psychology. – Beverly Hills, CA: Sage, 1987. – 216 p.
405. Purkhard C.S. Transforming social representations: A social psychology of common sense and science. – London: Routledge, 1994. – 207 p.
406. Putnam H. Reason, truth and history. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 222 p.
407. Rahilly D.A. A phenomenological analysis of authentic experience // Journal of Humanistic Psychology, 1993, Vol. 33, no. 2, pp. 49–71.
408. Reason P., Rowan J. Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. – Chichester: John Wiley, 1981. – 228 p.
409. Reber, A.S. The Penguin dictionary of psychology. – London: Penguin Books, 1995. – 880 p.
410. Reck A.J. An Historical Sketch of Pluralism. // The Monist, 1990, 73, 367-387.
411. Richer P. An introduction to deconstructionist psychology / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 110–118.
412. Ricouer, P. Freud and philosophy: An assay on interpretation. New Haven, CT: Yale University Press, 1971. – 164 p.
413. Ricouer P. The rule of metaphor. – Toronto: University of Toronto Press, 1977. – 320 p.

414. Ricouer P. Hermeneutics and the human sciences. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 346 p.
415. Ricouer P. On interpretation / In: Montefiore A. [Ed.], Philosophy in France today. – Cambridge Eng.: Cambridge University Press, 1983. – 320.
416. Robinson D.N. Paradigms and ‘the myth framework’: How science progress // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 39–48.
417. Robson, C. Real world research: A resource for social scientists and practitioner-researchers. 8th ed. – Oxford: Blackwell, 1998. – 510 p.
418. Rogers C.R. On becoming a person. – Boston: Houghton Mifflin, 1961. – 360 p.
419. Rogers R.S., Stenner P., Gleeson K., Rogers W.S. Social psychology: A critical agenda. – Cambridge, UK: Polity Press, 1995. – 306 p.
420. Rosenthal R. Experimental effects in behavioural research. – N.Y.: Irvington, 1976. – 230 p.
421. Rosenwald, G. A theory of multiple case researches. // Journal of Personality, 1988, Vol. 56, pp. 239–264.
422. Rossman G.B., Wilson B.L. Numbers and words revised: Being ‘shamelessly eclectic’ // Quality and Quantity, 1994, Vol. 28, pp. 315–327.
423. Sankey H. Rationality, relativism and incommensurability. – Ashgate: Aldershot, 1997. – 210 p.
424. Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998. – 215 p.
425. Sapsford R., Dallos R. Resisting social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 191–208.
426. Schrag, C. Elements of Theoretical Analysis in Sociology. In Liewellyn Gross (ed.), Sociological Theory: Inquiries and Paradigms. – NY: Harper & Raw, 1967, pp. 34–76.
427. Sells S.P., Smith T.E., and Sprenkle D.H. Integrating qualitative and quantitative research methods: A research model // Family Process, 1995, Vol. 34, no 2, pp. 199–218.
428. Semin, G.R., Gergen, K.J. Everyday understanding: Social and scientific implications. – London: Sage, 1990. – 240 p.*
429. Shoda Y., Mischel W. Toward unified, intra-individual dynamic conception of personality // Journal of Research in Personality, 1996, Vol. 30, pp. 414–428.
430. Shotter J. “Getting in touch”: The meta-methodology of a postmodern science of mental life / In: Kvale, S. (Ed) Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 58–72

431. Siegel, H. "Epistemology, Critical Thinking, and Critical Thinking Pedagogy” // Argumentation, Vol. 3, № 2, 1989, pp. 127–140.
432. Simpson J.A., Kenrick D.T. (Eds.) Evolutionary social psychology. – Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – 424 p.
433. Skinner B.F. Beyond freedom and dignity. – NY: Knopf, 1971.
434. Smith, P.B., Bond, M.H. Social psychology across cultures Analysis and perspectives. – London: Harwester Wheatsheaf, 1998. – 401 p.
435. Spence, D.P. Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis. – NY: Norton, 1982. – 320 p.
436. Sperber D., Premack D., Premack A.J. [Eds.]. Causal cognition: a multidisciplinary approach. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 670 p.
437. Spinelli, E. The Existential-Phenomenological Paradigm. / In: Woolfe, R., and Dryden, W. (Editors). Handbook of Counseling Psychology. – London: Sage, 1996, pp. 180–200.
438. Spinelli, E. The Interpreted World: an Introduction to Phenomenological Psychology. – London: Sage, 1989. –240 p.
439. Stam H.J., T.B. Rogers, K.J. Gergen (Eds.) The Analysis of psychological theory: metapsychological perspectives. – Washington: Hemisphere Pub. Corp., 1987. – 318 p.
440. Stanovich K. How to think straight about psychology. – NY: Allyn & Bacon, 1998. – 240 p.
441. Steier F. (Ed.), Research and reflexivity. – London: Sage Publication, 1991. – 184 p.
442. Stevens R. Dimensions for distinguishing between theories in social psychology / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 45–64.
443. Stevens R. The reflexive self: an experiential perspective / In Stevens R. (Ed.) Understanding the self. – London: Sage Publication, 1996, pp. 147–218.
444. Stevens R. Trimodal theory as a model for interrelating perspectives in psychology / In Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D. and Stevens R. (Eds.), Theory and social psychology, – London, Sage, 1998, pp.75–83.
445. Stevens R. Introduction: making sense of the person in social world. / In: Stevens R. (Ed.) Understanding the self. London: Sage Publications, 1996, pp. 1–34.
446. Still A. Theories of meaning / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 85–98.
447. Strauss, A. L., Corbin, J. Basics of qualitative research. – Newbury Park, CA: Sage, 1990. – 270 p.

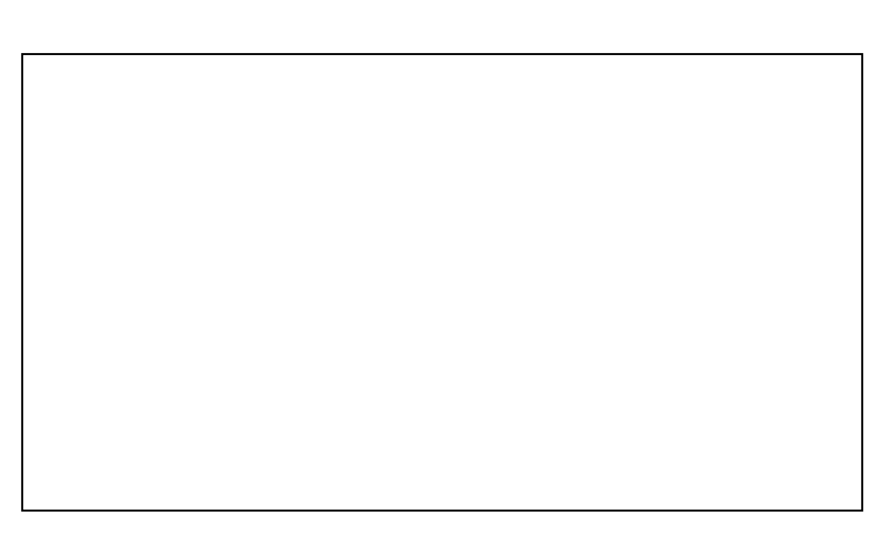
448. Suppe F. (Ed.), The Structure of Scientific Theories. – NY: University of Illinois Press, 1974. – 660 p.
449. Suppe, F. Exemplars? Theories and Disciplinary Matrices. / In: Suppe, F. (Ed.), The Structure of Scientific Theories. – London: University of Illinois Press, 1974, pp. 483–499.
450. Sutton R. "The Right Method?" // Inquiry: Critical Thinking Across the Disciplines, 1992, Vol. 11, no. 1, pp. 12–15.
451. Taylor, C. Interpretation and the sciences of man / In P. Rabinow & W. M. Sullivan (Eds.), Interpretive social science: A second look. – Berkeley: University of California Press, 1987, pp. 33–38.
452. Toulmin S. The construal of reality: criticism in modern and postmodern science. // Critical inquire, 1982, Vol. 6, pp. 1–16.
453. Triandis H.C. Culture and social behavior. – NY: McGraw-Hill, 1994. – 330 p
454. Tripp-Reimer T. Combining qualitative and quantitative methodologies / In: M.M. Leininger (Ed.), Qualitative research methods in nursing. – Orlando, FL: Grune & Stratton, 1985, pp. 179–194.
455. Tracy K. Analyzing context. – NY: Erlbaum, 1998. – 155 p.
456. Trochim, W. Designing Designs for Research. The Researcher, 1(1), 1989, pp. 195–200.
457. Tsourvakas G. Multi-visual qualitative method: Observing social groups in mass media // The Qualitative Report [On-line serial], 1997, Vol. 3, no 3, Available: http://www.nova.edu/sss/QR/QR3-3/heath.html
458. Tversky A., Kahneman D. Judgement under uncertainty: heuristics and biases // Science, 1974, Vol. 185, pp.1124–1131.
459. Van Dijk T.A. (Ed.). Discourse as social interaction: Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 2. – London: Sage Publication, 1997. – 324 p.
460. Van Dijk T.A. (Ed.). Discourse as structure and process: Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1. – London: Sage Publication, 1997. – 356 p.
461. Van Geert P, Mos L.P. (Eds.) Annals of theoretical psychology, Vol. 7. – London: Plenum Press, 1991. – 469 p.
462. Van Hezewijk R. The century of theoretical psychology // Theory & Psychology, 2000, Vol. 10, no 1, pp. 99–108.
463. Van Manen, M. Researching lived experience. – London, Ontario: The Althouse Press, 1990. – 368 p.
464. Viney, W. A History of Psychology: Ideas and Context. – Boston: Allyn and Bacon, 1994. – 489 p.
465. Wallerstein, R.S. One psychoanalysis or many? // International Journal of Psychoanalysis, 1988, 69, 5–22.

466. Watson [1913], J.B. Psychology as the behaviorist views it. // Psychological Review, 1913, Vol. 20, pp. 158–177.
467. Watson J.B. Psychology from standpoint of a behaviorist. – Philadelphia; Lippincott, 1919.
468. Weber, M. The methodology of the social sciences (E.A. Shills & H.A. Finch, eds.). – NY: Free Press, 1949. – 284 p.
469. Weick E. Sensemaking in organization. – London: Sage Publication, 1995. – 228 p.
470. Weinstein M. Critical thinking: The great debate // Educational Theory, 1993, Vol. 43, no 1, pp. 1–16.
471. Weinstein M. Informal logic and applied epistemology. / In R. Johnson and T. Blair (Eds.), New essays in informal logic. – Windsor: Informal Logic, 1994, pp. 112–146.
472. Wertheimer, M. Fundamental Issues in Psychology. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 326 p.
473. Wertheimer, M. Humanistic Psychology and the Humane but Tough-minded Psychologist. // American Psychologist, 1978, Vol. 33, pp. 739–745.
474. Westbrook, L. Qualitative research methods: a review of major stages, data analysis techniques, and quality controls. // Library and Information Science Research, 1994, Vol. 16, pp. 241–254.;
475. Wetherell M., Still A. Realism and relativism / In: Sapsford R., Still A., Wetherell M, Miell D., and Stevens R. (Eds.) Theory and social psychology. – London: Sage Publications, 1998, pp. 99–114.
476. Wildemuth, B.M. Post-positivist research: two examples of methodological pluralism. // Library quarterly, 1993, Vol. 63, pp. 450–468.
477. Winter D. Personality: Analysis and interpretation of lives. – NY: McGraw-Hill, 1996. – 678 p.
478. Wolfinger N.H. The different voices of gender: Social recognition // Current research in Social Psychology, 1997, Vol. 2, no 6, pp. 50–65.
479. Woolfe, R., Dryden, W. (Eds.). Handbook of Counseling Psychology. – London: Sage, 1996. – 662 p;
480. Wright G., Fowler C. Investigative design and statistics. – Penguin Books, England, 1986. – 273 p.
481. Wyer R.S, Srull T. (Eds.) Handbook of cognition. Vol. 1. Basic processes. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1994. – 466 p.
482. Yanchuk V.A. Cross-cultural diversity: an integrative-eclectical approach. Course reader. – University of Humberside Press, 1996. – 17 p.
483. Yanchuk, V.A. An integrative-eclectical approach to analyzing social psychological phenomena across cultures. / Extended abstracts of the XIV International Congress of the International Association for Cross-cultural

Psychology, august 3-8, 1998, Western Washington. – Western Washington: Western Washington University Press, 1998, – p. 131.
484. Yanchuk, V.A. An integrative-eclectical approach to social representation analysis. Extended abstracts of the Fourth International Conference on Social Representation, Mexico City, August 25–28, 1998.
485. Yanchuk V. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis, / In: Sim, Q.E., Tanzer N.K. (Eds.), Cultural diversity and European integration, Abstracts of Joint European Conference of International Association for Cross-Cultural Psychology and the International Test Commission, University of Graz, Austria, June 29 – July 2, 1999. – Karl-Franzes Univeršitat Press, 1999, pp. 134–135
486. Yanchuk V. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis. / In: Sim, Q.E., Tanzer N.K. (Eds.), Cultural diversity and European integration. – Graz: Karl-Franzes Univeršitat Press, 1999, pp. 174–187.
487. Yanchuk V.A. Agenda-setting interpretative frame in the structure of social thinking. / In: La pensee sociale: questions vives. 29-30 avril et 1er mai 1999, – Montreal. Montreal: UQAM University Press, 1999, pp. 234–251.
488. Yanchuk V.A. An integrative-eclectical approach to social psychological phenomenon's analysis across cultures. / In: W. Lonner (Ed.), Psychology across cultures. – Bellingham: Western Washington University Press, 1999, pp. 233–241.

Именной указатель

Предметный указатель

Владимир Александрович Янчук – представитель новой волны в психологии, декан факультета психологии Академии последипломного образования. Действительный член Международной ассоциации кросс-культурной психологии (IACCP), Международного общества теоретической психологии (ISTP). Принимал участие в работе многих международных психологических конгрессов по кросс-культурной психологии и теории социальных репрезентаций. Читал лекции в Оксфордском, Сассекском и Хамберсайдском университетах (Великобритания), Университете UQAM (Канада), Университете Граца (Австрия), на отделении психологии Белорусского государственного и Европейского гуманитарного университетов (Беларусь). Занимается популяризацией психологического знания, выступая в качестве психолога–консультанта в радиопрограмме «Тяжелый понедельник» и в телепередаче «Познай себя».

Книга **«Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход»** представляет разработанный автором метатеоретический подход к анализу феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В ней представлена широчайшая панорама проблемных областей и достижений современной зарубежной социальной психологии и персонологии, многие из которых представлены на русском языке впервые. В центре внимания автора – проблема изучения и понимания жизни человека во всем многообразии ее реальных проявлений. Заинтересованный читатель найдет в ней много нового, интересного и интригующего, а также побуждающего к размышлениям.